

Л. Г. Титаренко

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
ОЦИОЛОГИЯ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ
ПАРАДИГМ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве пособия
для студентов, обучающихся по специальности
1-23 01 05 «Социология»*

УДК 316.2(1-15)
ББК 60.51(о)5-2
Т45

Рецензенты:

кафедра философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы (заведующий кафедрой
кандидат социологических наук, доцент *М. Г. Волнистая*);
кандидат социологических наук, доцент *В. Л. Абушенко*

Титаренко, Л. Г.

Т45 Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие / Л. Г. Титаренко. — Минск : БГУ, 2015. — 215 с.
ISBN 978-985-566-247-2.

Рассматриваются проблемы реконструкции зарубежных социологических парадигм в конце XX — начале XXI в., а также их перцепция в современной российской теоретической социологии. Проанализированы тенденции развития социологии в эпоху глобализации, направления, альтернативные западному модерну. Исследованы «диагнозы современности», предложенные известными западными теоретиками разных стран.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 1-23 01 05 «Социология».

УДК 316.2(1-15)
ББК 60.51(о)5-2

ISBN 978-985-566-247-2

© Титаренко Л. Г., 2015
© БГУ, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое пособие рассчитано на тех, кто уже имеет базовые знания в области истории социологии, включая ее современный период. Оно является комплементарным к учебнику по современной теоретической социологии, т. е. исходит из того, что читателю хорошо известны как классический период развития социологии (Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер и др.), так и нынешний, отличающийся возросшей сложностью, взаимопереплетением социологических парадигм, школ и направлений. Данное пособие существенно дополняет учебные темы по современной теоретической социологии новыми именами, концепциями, парадигмами. Издание не копирует ни по форме, ни по содержанию многочисленные работы, посвященные новым веяниям в области социологии¹. В пособии предлагается неизвестный и часто малодоступный массовому отечественному читателю материал, ставится цель помочь разобраться в тенденциях и направлениях развития современной зарубежной социологии, а также выявить связи между классическими и новейшими парадигмами, определяющими «лицо» современной социологической науки.

Книгу рекомендуется использовать вместе с хрестоматией по современной западной социологии, содержащей ряд текстов западных социологов, которые рассматриваются в предлагаемом издании². Кроме того, в пособии раскрывается важная проблема, пока не отраженная ни в отечественных, ни тем более в зарубежных учебниках: взаимосвязь современных западных теорий с российскими теориями современности. Этот материал дает возможность читателю представить современную мировую социологию как единый процесс осмысления развития общества.

---

¹ *Култыгин В. П.* Современные зарубежные социологические концепции. М. : Союз, 2000 ; *Коркюф Ф.* Новые социологии. СПб. : Алетейя, 2002 ; *Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А.* Западная теоретическая социология. СПб. : Ольга, 1996 ; *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2002 ; *Кравченко С. А.* Социология : учебник : в 2 т. М. : Юрайт, 2014. Т. 2 : Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения.

² Современная западная социология : хрестоматия / авт.-сост. : Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск : Тесей, 2008.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на неоднородность развития мировой социологии, можно выделить ряд проблем, характеризующих содержание и организацию этой науки на современном этапе.

Сегодня мировая социология по-прежнему переживает период теоретико-методологического кризиса, начавшегося со второй половины XX в., уже прошедшего стадию обострения, но еще не нашедшего своего разрешения, поскольку и само глобальное общество пребывает в кризисном состоянии. Речь идет о противоборстве существующих теоретических ориентаций и подходов к социальной реальности, выражением чего является плюрализм социологических парадигм: объективистской, активистской, интеракционистской, феноменологической, бихевиористской, неопрагматистской и др.

Проблема не только в наличии разных подходов к определению природы общества, возможностей его познания или активного преобразования. Теоретический плюрализм неразрывно связан с отсутствием единого (общепринятого среди социологов, а также используемого для практических целей) методологического подхода к определению современной эпохи. Одни авторы упорно настаивают на том, что мир еще находится на стадии индустриализма; другие называют настоящее время модерном или поздним модерном; третьи утверждают, что человечество уже преодолело постмодерн и движется в неизвестном новом направлении. Отсюда – разнообразие рекомендаций, касающихся социальной политики, будущего демократии, наций, государства и т. д. Подчеркнем, что речь идет о взглядах признанных мэтров современной социологии, хорошо знающих историю науки и заинтересованно ищущих консенсус в этом вопросе. Однако ни синтетическая попытка преодоления противоположности субъективизма и объективизма и интеллектуальной фрагментации знаний в социологии, предпринятая Э. Гидденсом, ни оригинальная интегралистская концепция П. Бурдьё,

ни попытки других социологов (теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, системная теория Н. Лумана) не были восприняты в мировой социологии как приемлемые. Социология все еще остается «открытым проектом», незавершенность которого отнюдь не тождественна низкому уровню развития науки, хотя и не позволяет считать кризис преодоленным.

Вторая важная теоретико-методологическая проблема, непосредственно связанная с первой, — расширение предметной области социологии. Четкие границы социологии размываются, все новые процессы и социальные феномены становятся фокусом социологического исследования. Так, известный американский социолог Дж. Ритцер выпустил книгу по изучению глобализации того, чего реально не существует («The Globalization of Nothing», 2004). Ничто — это обобщенный образ симулякров, пустых социальных форм без субстанционального содержания, которыми богата современная массовая культура США и которые, по мнению автора, результат уродливой глобализации, отрывающей локальное от глобального, реальное от виртуального. Ритцер не только ввел понятие «ничто» как предмет критического исследования, но и доказал, что «ничто» как важная характеристика современного процесса глобализации может стать предметом социологического изучения, как и любой другой предмет или аспект общества постмодерна.

Размыwanie границ социологии, сближение ее с другими социальными науками проявляется и в том, что некоторые традиционные предметы исследования теперь рассматриваются как междисциплинарные. Так, социология (наряду с другими науками, прежде всего психологией и биологией) привлекается к изучению военных конфликтов в Юго-Восточной Азии, вместе с антропологией — к изучению состояний детства и взрослости, с этнологией — к анализу этнической сегрегации, с другими науками — к исследованию границ памяти, процесса умирания и сохранения здоровья человека, синтеза экологического и экономического развития партнерства европейских и азиатских институтов и т. д. И все это — без упоминания этнографических, этнометодологических, глобализационных процессов, ставших предметом социологии несколькими десятилетиями ранее. На мировые социологические форумы собираются представители разных профессий, которые совместно проводят социологические исследования прикладного характера. Это означает, что социология занята не только конструкцией и реконструкцией собственного дисциплинарного поля, что было ей присуще как академической дисциплине

ранее, но и участвует вместе с другими науками в совместной разработке междисциплинарных полей исследования.

Отличительная черта современного этапа развития социологии – возникновение большого числа новых парадигм, изначально сконструированных для изучения новых процессов или фрагментов социума или предлагавших новый подход к их пониманию. Значительно окрепли такие направления, как историческая социология, цивилизационный подход, мультимодерность. Именно так возникла в социологии и парадигма культурной травмы, созданная П. Штомпкой для объяснения посткоммунистической трансформации ряда европейских стран. Однако по прошествии нескольких лет оказалось, что данная парадигма вполне подходит и для понимания других процессов мирового развития, связанных с болезненными переходными состояниями общества, социальных групп, отдельных людей, с необходимостью культурной адаптации к новым условиям существования человечества. Как отметил один из признанных лидеров теоретической социологии Дж. Александер¹, парадигма культурной травмы помогает изучать современную социальную поляризацию – процесс, болезненный для ее участников, конструируемый, а не естественно возникающий, полный рисков, но одновременно продуцирующий новые формы групповой ответственности. События 11 сентября 2001 г. в США – пример социокультурной травмы, осмысление которой привело к радикальному изменению представлений о мировых конфликтующих силах и к формированию иных социальных и национальных типов идентичности в разных странах мира.

Многие из новых парадигм были включены в научный арсенал постсоветских социологов, подверглись реконцептуализации с целью их адаптации к описанию и объяснению особенностей постсоветского общественного развития. На фундаменте некоторых из них (например, общества риска Э. Гидденса и У. Бека, социокультурной травмы П. Штомпки и Дж. Александера) российские социологи создали собственные теории, прочно вошедшие в современную российскую социологию, поскольку они опираются на сугубо российскую эмпирическую базу и отвечают объективным потребностям в научном понимании и осмыслении перемен (теория травмы Ж. Т. Тощенко, теория риска О. Н. Яницкого).

Открытость социологии на современном этапе ее развития к сотрудничеству с другими дисциплинами привела к тому, что

---

¹ *Alexander J. Towards a Theory of Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley : University of California Press, 2004.*

в конце XX — начале XXI в. в ней произошло несколько важных теоретико-методологических «поворотов» и «сдвигов» в определении проблемного поля, предмета исследования науки, трактовки ее ключевых категорий и понятий. Ввиду этого имена многих западных теоретиков, ранее ассоциировавшихся с традиционными парадигмами, стали все чаще упоминаться в социологической литературе в связи с новыми тематическими подходами и направлениями. Так, американский теоретик Джеффри Александер, известный советским социологам в 1970–80-е гг. как неофункционалист, перешел на позиции новой, культуральной социологии и стал, таким образом, частью инновационного процесса, называемого культуральным поворотом в социологии. Английский социолог Джон Урри провозгласил три новых «поворота» в социологии, связанных прежде всего с ростом сложности общества («поворот сложности»), с потребностями в междисциплинарном подходе к исследованиям («поворот мобильности») и с необходимостью развития «посткарбонной социологии» для этапа развития, называемого «посткарбонным обществом». «Поворотов» множество: они стали инструментом переконструирования теоретической социологии и переосмысления предмета социологии в целом.

Довольно сложной проблемой оказалось перенесение на российскую почву и переосмысление, реконцептуализация целого ряда теорий модернизации, которые в начале XXI в. стали востребованными на постсоветском пространстве. Первоначально, будучи порожденными в лоне позитивистской парадигмы (структурно-функциональных теорий), они широко использовались в целях пропаганды западного общества как универсального образца для подражания всеми другими народами и странами. Позднее, в конце XX в., они были переосмыслены социологами стран, не принадлежавших к «Большой четверке» (т. е. доминирующих в социологии США, Великобритании, Германии и Франции), а уже через них попали на постсоветскую почву, где вновь были переосмыслены и скорректированы с учетом нужд и потребностей постсоветского развития. Поэтому теория модернизации Н. И. Лапина сравнивает современную Россию с Китаем, а не с США, а социокультурная трансформация постсоветского общества в интерпретации Л. Г. Ионина и А. С. Ахиезера ни в коем случае не копирует американские или французские теории социокультурной динамики.

Укажем на необходимость переосмысления сохраняющегося разрыва между социологами-теоретиками и социологами-практиками, который резко усилился во второй половине XX в.

и продолжает существовать в XXI в. Абсолютное большинство социологов мира занято прикладными проблемами и нуждается прежде всего в разработке корректных методик и исследовательского инструментария. Лишь небольшая часть ученых разрабатывает социологию на макроуровне. Оба лагеря всегда отличались отсутствием интереса друг к другу: теоретики работают «для себя» и нужд университетского образования, тогда как практики, получая конкретные заказы на те или иные исследования, заняты сугубо прикладными вопросами и полностью абстрагируются от проблем общетеоретического уровня. Представители лагеря практиков имеют свои журналы, организуют свои корпоративные группы, не считая нужным заниматься теоретической интерпретацией предмета исследования; они рассматривают социологию как рыночную индустрию, прикладную дисциплину. Теоретики также предпочитают общаться в узком профессиональном кругу и не имеют ничего общего с практиками, для которых наука — средство зарабатывания денег.

Это противостояние в конце XX в., после кровавых войн и распада бывшей Югославии, получило название «балканизации» науки. В начале XXI в. оно в той или иной степени характерно для любой страны, включая постсоветские государства: социологи-практики гораздо более востребованы, чем теоретики; при этом оба лагеря критикуют друг друга. Данная особенность развития социологии лишь углубляет кризис, ибо без «хорошей теории» (хотя бы отраслевого уровня) практика в конечном счете лишается плодотворной «питательной среды» и не может ни объяснить, ни верно интерпретировать сложные современные процессы и явления. Засилие эмпирии без развития теории не обогащает социологию и не позволяет ей служить эффективным средством в решении социальных проблем, как на этом настаивают сами эмпирики. В свою очередь любая теория также невозможна без практики: это две стороны единого целого, науки социологии. Сошлемся для подтверждения этого тезиса на известного французского социолога Мишеля Вевёрку, президента Международной социологической ассоциации в 2006—2010 гг., который заявил, что нельзя быть социологом, не сочетая теорию с практикой. Он утверждает, что некоторые социологи только теоретики, иногда очень хорошие, и, конечно, некоторые социологи только эмпирики, мало интересующиеся идеями и интеллектуальными изысками. Однако, по мнению Вевёрки, надо стараться «стоять на двух ногах», т. е. сочетать теоретическую работу с эмпирической. Как показывают научные биографии всех

известных теоретиков современности, они так или иначе занимались и практикой социологических исследований.

Современная социология имеет новые черты в организационном развитии. В о - п е р в ы х, углубляется неравенство в формах, интенсивности работы, финансовых средствах, которыми располагают социологи в разных странах и регионах мира. После распада системы социализма социологи из бывших коммунистических стран намного хуже представлены в управленческой структуре международных социологических организаций, они реже участвуют в мировых форумах (или же их участие зависит от наличия спонсоров). Большинство этих ученых не развивает новых собственных теорий общесоциологического уровня, а занято реконцептуализацией и практическим применением западных концепций к посткоммунистическому обществу, исследованием особенностей протекания социальных проблем в своем регионе, стране, что в целом снижает их вклад в развитие мировой социологии, делает их теоретические наработки «вторичными», не имеющими большого значения в мировой науке.

В о - в т о р ы х, социологи из стран так называемого второго и третьего эшелонов не могут на равных конкурировать с социологами из наиболее обеспеченных стран; они меньше печатаются в международных издаваемых на Западе англоязычных журналах с высоким импакт-фактором. Поэтому даже их реальные научные достижения часто остаются неизвестными западным коллегам, не получают заслуженного мирового признания. В рейтинги цитирования включаются в основном международные журналы на английском языке, что еще больше увеличивает разрыв между социологами, постоянно пользующимися английским языком, и социологами остальных стран мира, публикующимися на других языках. Гегемония английского языка широко обсуждается в мировом социологическом сообществе, однако положение дел — неравенство в социальных науках — существенно не меняется. В то же время новые западные публикации далеко не всегда известны социологам незападного ареала развития, что создает барьеры в профессиональном обмене идеями, организации полноценной научной коммуникации между социологами разных стран и регионов. И хотя все больше западных публикаций переводится на русский язык, свободный доступ к западной социологической литературе и развитие диалога между социологами разных стран все еще остается проблемой.

Социология — интернациональная по духу и целям наука. Поэтому и сегодня необходимо отчетливо понимать важность

развития и углубления профессиональных связей социологов, активного включения ученых из постсоветских стран в международные профессиональные сети как посредством их членства в национальных ассоциациях (а последних – в международных), так и через международные исследовательские коллективы и проекты. Только профессиональная активность и инициативность социологов из постсоветских стран позволят им на равных вступать в профессиональный диалог, непосредственно участвовать в разработке теоретико-методологических конструктов, осмысливать новую роль своей науки в XXI в. и, отвечая таким образом на «вызовы» глобализации, преодолевать симптомы ее сегодняшнего кризиса.

1. ПАРАДИГМЫ И БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ В СОЦИОЛОГИИ

1.1. ТЕОРИИ И ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ

Понятие социологической теории. Теоретическая социология включает в себя объяснительные схемы, теории, фундаментальные концепции, понятия как ресурс возможных описаний и интерпретаций общества и его различных конструкций. Она представляет собой систематизированное знание о социальной реальности и содержит научные рефлексии по данному поводу, а также по поводу практик самих социологов. Это генерализирующие, обобщающие высказывания, без которых невозможно научное познание, поскольку они имеют место и в других дисциплинах. Не существует ни одной теории, которая признавалась бы всеми учеными как превосходящая по значимости и истинности другие теории. Между действующими теориями всегда существует научная конкуренция, иногда переходящая в стадию активного противоборства, а иногда — в мирное сосуществование. Более того, нет единства даже в самом определении этого фундаментально важного для любой науки понятия — «теория». Однако интуитивно и сами социологи, и те, кто изучает эту науку, понимают, что такое теория. Нет единого мнения о различии между социальной и социологической наукой, так как в некоторых языках используется только одно понятие, в других — понятие «общественная наука», в третьих их вообще не различают. Мы исходим из того, что понятие «социальная теория» приложимо ко всем социальным наукам, а понятие «социологическая» — только к социологии. При этом социологическая теория не нейтральна, хотя авторы должны быть объективными в своих аргументах. В истории социологии ее первые теории были связаны с отцами-основателями этой науки, хотя их трактовка теории была у каждого своя. В истории науки предпринимались попытки определить истинность теории. Сначала использовали принцип верификации социального философа Карла Поппера, а затем его же принцип фальсификации. Однако любую абстрактную тео-

рию вообще трудно верифицировать, поэтому оба эти принципа плохо работают, однако делают саму теорию релятивной — она постоянно меняется через фальсификацию, отбрасывание устаревшего знания и т. п. Смысл этих процедур верификации и фальсификации в том, чтобы показать, что наука — не набор вечных истин, а процесс движения от одних обобщающих положений, принимаемых на определенном историческом этапе времени за истину, к другим.

Социологическая теория всегда создается в пространственных и исторических границах своего времени, несет отпечаток культуры и той практики, которая имеет место в данное историческое время. Это не естественное образование и тем более не отражение социальной реальности; это научный конструкт, созданный профессионалами в границах определенного научного производства (т. е. своего научного контекста). Таким образом, образуемые социологией конструкты и модели относятся не напрямую к социальной реальности, а к знанию об этой реальности.

В отличие от периода 1960–70-х гг., известных в интерпретации американских социологов А. Гулднера и Р. Фридрикса как период кризиса социологии, в конце XX — начале XXI в. ситуация изменилась. Как утверждает польский социолог П. Штомпка, многие наблюдатели разделяют сегодня мнение британского социолога Герарда Деланти: «Социальная теория обрела большую силу в настоящее время» [1, р. 127]. В подтверждение своей точки зрения П. Штомпка приводит некоторые интересные факты о теоретическом буме в современной теоретической социологии: «За последние десятилетия века группа теоретических журналов значительно выросла по тиражам, появились новые журналы: “Теория, культура и общество”, “Европейский журнал социальной теории”, “Теория” (орган Американской социологической ассоциации), “Теория и общество”. Новый “Журнал классической социологии” начал выходить в издательстве “Сейдж” под редакцией Брайана Тернера. Ряд крупных сборников по теоретическому знанию вышли из печати: Хрестоматия по социальной теории издательства “Полити” (1994); Книги для чтения издательства “Блэкуелл” по социальной теории (1996) и о крупных социальных теоретиках (2000); “Справочник по социальной теории” в издательстве “Сейдж” (2000). Опубликованы новые монографии, подводящие итоги современной теории: Патрик Баерт “Социальная теория в XX в.”, Джон Скотт “Социологическая теория: современные дискуссии”. Крупные издательства — “Полити Пресс”, Издательство Кембриджского университета, “Сейдж” — выпустили ряд теоретических трудов, классических и новых, включая такие значимые работы, как “Кембриджские социальные и культурные исследования” под редакцией Дж. Александера и Сейдмана» [2, с. 5].

Штомпка выделяет четыре вида теорий в социологии (объяснительная, эвристическая, аналитическая и экзегетическая), из которых наибольшее значение для развития науки имеют первая и вторая. Именно они образуют плюралистическую мозаику теоретических ориентаций в науке. Конструи-

рование социологических парадигм осуществляется, как правило, исходя из типов объяснительных теорий, которые объединяются под той или иной парадигмальной рамкой. Эвристические теории также позволяют конструировать парадигмы; они рассматривают вопросы об устройстве социальной реальности, основах социального порядка, механизме и направлении социальных изменений и отличаются от первых, по мнению П. Штомпки, тем, что не проверяются непосредственно, в отличие от объяснительных теорий. Примером объяснительной теории польский социолог называет теории Р. Мертона и П. Бурдьё, а эвристической – структурный функционализм, марксизм, символический интеракционизм.

Известный американский социолог Стивен Тернер считает, что сфера теоретической социологии – это не просто академическое занятие для интеллектуалов, а «зрелая сфера» в науке. Социологи внутри своей профессии, по его мнению, рассматривают социальные теории как часть социологической дисциплины, тогда как «простые люди», непрофессионалы, для которых социология сводится к опросам общественного мнения, изучению рынка или других подобных практических вопросов, считают социальную теорию чем-то весьма абстрактным, далеким от жизни, своего рода надстройкой над «просто социологией» (т. е. сбором информации по указанным проблемам), как бы мета-социологией. С точки зрения Тернера, социальная теория – это важнейшая форма интеллектуальной деятельности ученых, это как бы «голос в беседе человечества», причем довольно развитый и достаточно сложно организованный. Он пишет: «Сфера социальной теории, теоретической социологии представляется достаточно зрелой, хорошо развитой, она имеет хорошо организованную сеть профессиональных коммуникаций между учеными разных стран, причем не только межличностную, но и через публикации, интернет, которая используется для обсуждения общих актуальных проблем» [3, р. 141].

Развитие теории всегда так или иначе связано с развитием практики. Если практика имеет высокий уровень развития, то обычно высокоразвита и теория. Самая абстрактная социологическая теория является специфической формой организации фактического социального опыта. Поэтому любая социологическая теория значима лишь в определенном практическом контексте и должна рефлексивно соотноситься с практикой как с позицией исследователя в социальном пространстве, так и с его позицией в поле социологии. В социальной науке теория приводит к пониманию, что не существует единого способа изучения общества, а есть разные подходы, институционализировавшиеся в разных традициях. В социологии есть разные традиции и направления, в рамках которых можно проводить анализ с онтологической, эпистемологической и методологической точек зрения. Эти традиции в сфере социологической теории сформированы на классическом этапе, хотя и подвергались определенным изменениям в периоды ее последующего развития.

Теория имеет отношение к тому, что выходит за рамки данности непосредственного восприятия. Она включает в себя воображение в той же мере,

что и рациональное мышление, являясь способом, с помощью которого социальные науки обращаются ко всему миру. В то же время теория должна быть связана с эмпирическим знанием и проблемами практики. Именно по этой причине так тяжело создать хорошую теорию, как считает самый известный австралийский социолог Р. Коннелл [4].

Вместе с тем теория тесно связана с эмпирическими исследованиями. Несмотря на то что единство по поводу статуса социологической теории не достигнуто, считается признанным, что социологическая теория тесно связана с эмпирией: без эмпирического обоснования можно потерять отличие социологии от философии, а без теории опуститься на уровень простого обмена мнениями. Как полагает американский социолог Дж. Александер [5, р. 2], между социологической теорией и эмпирическими исследованиями не только не существует пропасти, но наблюдается взаимосвязь и единство: теория и эмпирия образуют определенный научный континуум. Любой социолог время от времени нуждается в эмпирической среде наблюдений точно так же, как в другой момент времени он вынужден переходить к методологическим предпосылкам знания, корреляциям, комплексным суждениям относительно полученных данных, чтобы на этом фундаменте впоследствии вывести закономерности, построить классификации, создать концепции, модели и другие формы обобщенного знания, которые бы заключили его переход к «метафизическим обобщениям» как противоположному от эмпирии полюсу избранного континуума. Поэтому теория и эмпирия должны рассматриваться в единстве. Как следствие, полагает Дж. Александер, вопросы теории простираются от эмпирических обобщений до абстрактных систем интерпретации, где переплетены философские, метафизические, политические и нравственные аспекты мировоззрения. Тот, кто хочет работать в науке, должен участвовать в аргументированных спорах на всех этих уровнях, а не ограничиваться деятельностью лишь на ее эмпирическом уровне.

Как полагают западные авторы, современное развитие теоретической социологии (с конца Второй мировой войны до настоящего времени) включает несколько периодов, различающихся по доминирующим теориям: 1) господство структурного функционализма Т. Парсонса и теории модернизации; 2) конкуренция теоретических подходов в 1960–70-е гг. в условиях отсутствия явной доминирующей теории; 3) синтез конкурирующих подходов (с конца 1970-х гг. до конца XX в.) [6, с. 3]. На третьем этапе произошло знаменательное символическое событие: возвращение социологией Западной Европы статуса ведущего центра в развитии социологии, который на протяжении почти всего XX в. принадлежал американской социологии. Ведущий статус Европы подтверждается тем, что именно здесь были сделаны плодотворные попытки создания интегративных теорий (Ю. Хабермас, Н. Луман). Какая из стран имеет больше прав называться наиболее развитой в отношении социологии, остается открытым вопросом, поскольку во Франции конца XX в. творили выдающиеся социологи П. Бурдьё и А. Турен, в Англии – Э. Гидденс и М. Манн, а в Германии – вышеупомянутые

Ю. Хабермас, Н. Луман, а также в начале нового века У. Бек, П. Вагнер, Х. Йоас и др.

Эту периодизацию можно дополнить четвертым периодом, характеризующимся отсутствием новых интегративных теорий и активной реконструкцией прежних теорий, подходов и ориентаций. Этот этап включает в себя начало XXI в. и отличается обилием так называемых сдвигов и поворотов в западной социологии, которые, однако, не изменяют общего вывода о том, что современная социологическая теория достигла высокого уровня развития.

Считается, что в социологической теории имеются три главных взаимосвязанных проблемы, которые в той или иной форме ставятся и решаются каждым теоретиком. Их постановка и решение — существенные отличительные черты одной группы конструкций, имеющих общие теоретико-методологические основы, от другой, или одной теории от других. Немецкие социологи Ханс Йоас и Вольфганг Кнобль сформулировали данные проблемы следующим образом: что такое социальный порядок? Что такое социальное действие? И каким образом происходят социальные изменения? [6, с. 22]. Эти вопросы закономерно подводят к проблеме парадигмы в социологии.

Парадигмы в социологии. Само понятие «парадигма» было введено в научный оборот только во второй половине XX в., сначала в философию науки. Оно обозначает совокупность явных и неявных предпосылок, признанных на определенном этапе развития науки большинством членов научного сообщества, которыми ученые руководствуются в проведении научных исследований. В социологии под парадигмой понимается система идей, взглядов и понятий, составляющих концептуальную схему исследования, а также модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих на протяжении определенного исторического периода в научном сообществе.

Понятие парадигмы ввел в историю и философию науки американский историк науки Томас Кун, который определил ее как общепринятую модель постановки и решения научных проблем [7, с. 35–38]. В отличие от Карла Поппера Кун отверг идеи верификации и фальсификации научных теорий, так как они не работают: многие теории не отвечают критериям Поппера, но продолжают существовать в своей дисциплине, поскольку имеют достаточно сторонников. Кун предложил революционную схему развития науки, согласно которой одна научная картина мира сменяет другую через скачок, или революцию, в результате чего прежняя картина теряет сторонников, а новая занимает доминирующие позиции в научном сообществе. Тем самым Кун утверждал точку зрения, что любые критерии научности и рациональности в науке имеют смысл только в рамках определенной парадигмы и не годятся для других. Это означает, что Кун отверг позитивистское убеждение в абсолютности и неизменности критериев научной рациональности.

Общая схема развития науки, по Куну, включает несколько стадий: *допарадигмальную* (когда она еще не создана или не стала доминирующей в на-

учном сообществе); *господства определенной парадигмы* (Кун называет этот период «нормальной наукой», так как большинство членов научного сообщества разделяют общие подходы и принципы научного исследования); *кризиса нормальной науки и доминировавшей парадигмы; научной революции* (отказ от прежней парадигмы, замена ее на новую, которую поддерживает научное большинство). Следует отметить, что эта абстрактная схема лишь в общих чертах описывает историю естествознания и не характерна для развития социологии, в которой изначально развивалось и конкурировало несколько парадигм и ни одна не доминировала абсолютно. На этом основании некоторые авторы даже ставят под сомнение адекватность употребления термина «парадигма» в социологии.

Практически в социологии и других социальных науках парадигма понимается несколько иначе, чем у Т. Куна, где она связана с идеей научной революции. В социологии парадигма — это сознательно избранная определенным научным сообществом исследовательская позиция, теоретическая конструкция или модель, созданная для познания окружающего мира и решения ряда прикладных задач в ее концептуальных рамках. Американский социолог, известный классификатор социологических теорий и парадигм Джордж Ритцер определяет парадигму в социологии как «фундаментальный образ предмета изучения науки. Она служит для определения того, что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и как, каким правилам нужно следовать при интерпретации полученных ответов» [8, с. 571].

Подчеркнем, что в социологии ни одна парадигма не разделяется всем мировым научным сообществом и что может не существовать доминирующей парадигмы в научном сообществе даже одной страны, если оно не является однородным. В отечественной социологии только во времена официально господства марксизма-ленинизма можно было говорить об этом подходе (ориентации) как о «единственно верной парадигме социального познания».

Несмотря на эти различия между трактовкой парадигмы у Т. Куна и у современных социологов, понятие социологической парадигмы широко используется научным социологическим сообществом в качестве некоторого социального (социокультурного) императива, которому ученые следуют в профессиональной деятельности, т. е. который принимают за некий образец постановки научной проблемы, позволяющий найти наиболее эффективное (на данный момент и по мнению этой научной группы) решение.

Пользуясь общей схемой Т. Куна, можно выделить такие признаки социологической парадигмы, как способность «привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований» и ее открытость для новых сторонников, чтобы «новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [7, с. 28, 44–45]. Парадигма в социологической науке есть определенная исследовательская позиция некоторого научного сообщества в отношении социального мира, или, другими словами, сконструированная научная модель

социальной реальности (либо ее фрагмента). Парадигма всегда тесно связана с идеалами и ценностями своей исторической эпохи, выдвинувшего ее научного сообщества, в рамках которого она служит эффективной схемой для восприятия и научной интерпретации окружающего мира.

Социологические парадигмы строятся вокруг тех же трех основных исследовательских вопросов, что и вся теоретическая социология: что есть действие, что такое социальный порядок, что детерминирует социальное изменение. Поэтому все известные социологи-теоретики классического периода и современности, несмотря на различные акценты в их творчестве, рассматривали эти проблемы в неразрывном единстве: из социальных действий складывается социальный порядок, который в свою очередь изменяется. Более того, само развитие западной социальной теории после Т. Парсонса, чья структурно-функциональная теория стала определенной точкой отсчета в XX в., есть серия ответов на «вызовы» своего времени и переосмысление парсонсовских ответов на указанные три вопроса.

Развитие социологических парадигм середины – конца XX в. можно представить как многоголосие, при котором в разные десятилетия были лучше слышны отдельные «голоса», т. е. отдельные парадигмы. Обозначение основных социологических парадигм современности начинается с Т. Парсонса как автора теории социального действия, как теоретика структурного функционализма и как инициатора теории модернизации. Период конца 1940–1950-е гг., характеризующийся доминированием его теорий, классифицируется в истории социологии как первый в развитии социальной теории после Второй мировой войны. Он определяется безраздельным господством структурного функционализма в теоретической социологии и кроме Т. Парсонса связан с именем другого представителя этой парадигмы – Роберта Мертон.

Практически в это же время развиваются четыре основные критические по отношению к структурному функционализму парадигмы, разработанные в 1950–60-е гг., главным образом, на американской почве: неоутилитаризм, символический интеракционизм, этнометодология и теория конфликта. Противостояние этих парадигм структурному функционализму составляет основное содержание исторического периода 1960 – начала 1970-х гг.

Исторический период, начавшийся в 1970-е гг., был связан прежде всего с «новым теоретическим движением», т. е. попытками интеграции различных теорий и направлений, которые были предприняты Ю. Хабермасом, Н. Луманом, Э. Гидденсом, П. Бурдьё. Следует обратить внимание на тот факт, что все указанные четыре автора – не американцы, а западноевропейцы. Конечно, их становление не проходило в изоляции от американского влияния, что особенно заметно в творчестве Н. Лумана. Тем не менее движение в конце XX в. в число мэтров мировой социологии западноевропейцев было оценено социологической общественностью как конец «века Америки» в социологии и ренессанс социологической мысли Европы. Не нужно принимать это не лишённое оттенка евроамериканизма утверждение

о том, какой континент доминирует в социологии, поскольку сегодня в мировой социологии актуальна другая тенденция – усиление роли социологов за пределами этих двух центров, США и Западной Европы. Речь идет о том, что приоритет той или иной страны, региона не закрепляется в социологии навечно, а зависит от стечения многих условий и факторов [9, с. 128–129].

И теории, и парадигмы содержат внутри себя определенную объяснительную схему и концептуальную модель. Сама по себе эта модель может представляться авторам абсолютно объективной. Однако практика показывает, что социологические объяснения и интерпретации не являются ценностно нейтральными по своему содержанию и выводам. Даже когда автор модели – академический ученый, он все равно проявляет свою заинтересованность как личность, как гражданин в том или ином истолковании результатов. Поэтому теоретическая деятельность – это еще и практическое участие (пусть интеллектуального толка) социолога в социальной жизни, его включение в систему социальных отношений. Объяснить – значит не только применить теорию к данным, но и проявить свою личностную позицию в социальном мире, ибо социологическое объяснение есть момент этого реального мира.

Мультипарадигмальный статус социологии. В современной социологии считается, что парадигмы могут быть разного уровня абстрагирования. Прежде всего известны макросоциологические парадигмы, дающие понимание и объяснение общества в целом. Существуют и парадигмы более низкого уровня абстракции, которые можно назвать *парадигмами среднего уровня*. Они создаются для отдельных сфер социальной жизни [10; 11, с. 119–130]. Выделяют также метапарадигмы, представляющие собой более высокий уровень абстрагирования, чем просто парадигмы, являющиеся их обобщающей характеристикой и содержащие в себе несколько «родственных» парадигм. Каждая метапарадигма в качестве объекта исследования включает входящие в нее и взятые вместе теории и парадигмы. Так, Г. Е. Зборовский рассматривает пять метапарадигм в развитии социологии, включив в них практически все известные парадигмы [12]. В целом парадигмальный подход считается весьма плодотворным в социологии, так как позволяет систематизировать развитие теоретической социологии [13, с. 17]. Он дает возможность классификации теорий в соответствии с их принадлежностью к той или иной парадигме, а также определения взаимосвязи между самими парадигмами. В результате применения парадигмального подхода теоретическая социология и ее развитие представляются не как «безбрежное море» идей и концептов, теорий и парадигм, а как внутренне взаимосвязанные сети отношений, которые в сумме и создают основу современной социологии.

По мнению Г. Е. Зборовского, классическая метапарадигма – точка отсчета для других метапарадигм, а также источник идей, из которой постоянно черпают аргументы, концепты новые парадигмы. По этому поводу В. А. Ядов заявил, что классические идеи в социологии «не утратили своей актуальности

для понимания социальных процессов в современных обществах (в смысле общества XXI в.)» [14, с. 61]. Он выделяет три основные метапарадигмы в социологии: классическую, постклассическую (модерн), постпостклассическую, различающиеся по критерию принятия некоей общей (метафизической) картины социального мира с ответом на вопрос: что есть социальное. Российский социолог С. А. Кравченко выделяет пять типов метапарадигм – в соответствии с пятью поколениями социологических теорий: позитивистскую, интерпретативную, интегральную, рефлексивную метапарадигму модерна, нелинейную метапарадигму постмодерна [15, с. 9–11].

Для современной социологии характерно многообразие конкурирующих теоретических направлений [6, с. 8]. То же можно сказать и о парадигмах. Поэтому отличительная черта социологии – ее мультипарадигмальный, или полипарадигмальный, характер, т. е. сосуществование в одно и то же историческое время (а возможно, и в одном месте) сразу нескольких парадигм, которые могут быть совершенно равноправны в научном сообществе либо среди которых могут быть более известные (почитаемые многими) и менее известные. Причины, обуславливающие необходимость полипарадигмального развития социологии, хорошо обосновал американский социолог Джордж Ритцер [16]. Прежде всего такой причиной он считает существование внутри парадигм фундаментальных социологических теорий, а также необходимость постоянного поиска новых объяснительных средств для возникающих социальных процессов и явлений, которые включают в исследовательское поле социологи. Дж. Ритцер выделяет пять основных парадигм в качестве исходных концептуальных схем, на основе которых строятся разные теории. Основным критерием различия парадигм у Ритцера выступает понимание социальной реальности: 1) парадигма социальных фактов (главный представитель Э. Дюркгейм); 2) парадигма социальных дефиниций (М. Вебер); 3) парадигма социального поведения (Дж. Хоманс); 4) парадигма психологического детерминизма (Э. Фромм); 5) парадигма социально-исторического детерминизма (К. Маркс). В своих поздних работах Дж. Ритцер представил более сложные схемы соотношения разных теорий, парадигм и метапарадигм, которые надстраиваются над парадигмами как более высокий этаж теоретико-методологического знания.

В российской социологии также существуют оригинальные классификации парадигм, теорий и подходов. Каждая классификация имеет свои аргументы и право на жизнь, каждая может быть адекватной, если ее интерпретация в приложении к фактам реальной истории социологии выполняет свою роль – помогает понять и объяснить, почему социология развивалась именно так. Например, российский социолог Ж. Т. Тощенко определяет три парадигмы по объекту исследования: социологический номинализм (объект исследований – индивид, личность, человек, социальные группы и общности), социологический реализм (объект – общество, социальные системы, социальные структуры, социальные институты), социологический кон-

структивизм (объект и предмет социологии берутся в единстве объективных условий и субъективного фактора) [17, с. 6–9]. По мнению Ж. Т. Тощенко, именно такая классификация позволяет по-новому объяснить связи и отношения, складывающиеся в реальной социальной жизни.

Мультипарадигмальный характер социологического знания предопределяет использование разных принципов и приемов исследования общества представителями различных парадигм. Однако это не означает эклектики: каждая парадигма характеризуется своим набором базовых положений и эпистемологических принципов, своими методологическими подходами к объекту исследования. Поэтому наличие многих парадигм, т. е. мультипарадигмальность социологии, по мнению В. А. Ядова, можно считать воплощением в социологии принципа открытости и проявлением демократичности.

Однако не все социологи признают мультипарадигмальный статус социологии и тем более соглашаются с тем, что это – нормальное состояние данной науки. В XX в. в ряде социально-гуманитарных наук развернулась «битва» между двумя ключевыми идеями XX в. – релятивизмом и универсализмом. В социологии эта борьба идет и в настоящее время в форме спора между теми, кто отстаивает мультипарадигмальный статус дисциплины (в российской социологии это Г. Е. Зборовский, В. А. Ядов, С. А. Кравченко, в мировой – Дж. Александер, П. Монсон, Ш. Айзенштадт, Х. Йоас и др.), и теми, кто отдает приоритет универсалистским концепциям и считает, что борьба идет за доминирование между парадигмами, из которых в определенный исторический период лишь одна может быть верной. Например, австрийский социолог Андреас Балог отмечает: «С непредвзятой точки зрения следует утверждать, что наличие разных подходов следует считать позитивным, так как разные неполные взгляды могут дополнить друг друга. Однако это не так. Отдельные теории слишком разные по масштабам своих притязаний, чтобы стать вкладом в единое целое. Опасность заключена в сведении феноменов до категорий, заложенных в теории. В результате упрямые социальные факты отрицаются, когда определения строят лишь на теоретических посылах без соотнесения с действиями реальных людей. То есть проблемы ограничиваются соответственно редуцированному пониманию, тем самым ограничивая возможные факторы объяснения» [18, с. 20].

Социология существенно отличается от естественных дисциплин, где еще возможно говорить о доминировании одной парадигмы на протяжении определенного периода времени. В социологии же подобная гегемония давно уже признана теоретически невозможной, хотя это и не означает, что на определенном этапе развития социологии нельзя выделить парадигмы, которые являются более популярными. Тем не менее и сегодня существуют и используются позитивистские теории, равно как и критические теории общества, и феноменология, и новейшие концепции современности.

Более того, в будущем неминуемо произойдет отказ от признания доминирования социологов стран «Большой четверки». Уже в конце XX в. в научное сообщество влилось большое число социологов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Постепенно они все громче заявляют о себе и артикулируют новые методы и теории, которые более адекватны для их стран и регионов. Пока еще им приходится «играть на чужом поле», т. е. работать по стандартам, принятым в западных странах. Тем не менее, даже принимая эти стандарты, они хотят сохранить «свое лицо», привносят в социологию новые проблемы или по-новому ставят давно известные проблемы социального неравенства, миграции, разделения труда и т. п.

Положительным моментом в развитии современной социологии является то, что лучшие западные социологи хорошо понимают необходимость и неизбежность «перераспределения власти» в глобальной социологии. В последнее время многие (включая бывшего президента МСА американского социолога М. Буравого) предлагают изменить такую ситуацию доминирования и включить в мировую социологию другие страны и регионы, ранее недостаточно представленные, прежде всего – Азии и Африки. Эту идею поддерживает и Дж. Александер: «Нам посчастливилось жить в эпоху, когда экстраординарная модернизация не западных обществ позволила им бросить вызов западной гегемонии впервые за пятьсот лет. В конечном итоге, этот процесс множественных модернов – рубеж вызова не только экономической и военной силе Запада, но и гегемонии его социологических теорий и методов. Когда эти китайские или индийские, корейские, южноафриканские или русские мыслители снимут свои рабочие рукавицы, они создадут не местную специфику. Их работа будет результатом интенсивной вековой интеллектуальной глобализации» [19, с. 136].

Приведем также точку зрения известного шведского социолога Пера Монсона, по книге которого «Лодка на аллеях парка» изучали вводный курс социологии несколько поколений шведских студентов. В предисловии к этой книге, объясняя идею мультипарадигмальности социологии, он пишет: «Главная идея книги, которую мне хотелось бы донести до читателя, – это то, что не существует исключительного, одного, самого правильного способа изучения общества, не содержащего в себе противоречий и не создающего научных проблем, все зависит от того, как исследователь понимает общество и какой способ соотношения себя с ним выбирает... Главный вывод всего анализа: не существует критериев, которые позволили бы окончательно доказать превосходство одного из направлений социологии над остальными, поскольку вопрос о том, к какому знанию мы стремимся и до какой степени это знание применимо, есть экзистенциальный выбор. Системы законов, что управляют формированием и использованием науки, рассматриваются как общественный институт, при этом нечто частное, отдельное может или быть присоединено к этим системам, или отброшено ими. Но сами эти правила, как и другие законы общества, созданы социаль-

но и отнюдь не выводимы из какой-то внеобщественной действительности. Это первое – и самое главное, – что должен усвоить любой исследователь, изучающий общество» [20, с. 4–5].

Национальное и глобальное в парадигмах. Важной проблемой теоретической социологии является определение того, могут ли существовать национальные теоретико-методологические парадигмы; необходимо ли развивать национальную социологию; и что вообще нужно понимать под этим термином – национальный характер социологии в целом или какие-то национальные оригинальные теории, адекватные только для родной страны и не используемые в других странах и регионах мира.

Данный вопрос не так прост, как кажется. За ним скрывается проблема соотношения национального и наднационального, локального и глобального, общего и особенного в социологии. В прошлом он изначально решался в пользу наднационального. Социология как система научных знаний строилась представителями конкретных стран, однако ее классики стремились создавать концепции, которые были бы приложимы к любому обществу, могли служить методологической основой для изучения социальных процессов и явлений, происходят ли они во Франции, Германии или Италии. Классическая социология по своей сущности стремилась к универсализму, всестороннему охвату общества, его объяснению как феномена в отрыве от национального содержания. Такой подход был присущ всем выдающимся социологам XIX в. Вместе с тем классики социологии всегда творили в культурно-историческом контексте, который позволяет находить связи между конкретным обществом и теоретическими конструкциями. То же можно сказать о наиболее универсалистской системе социологического знания, выработанной в XX в., – теории социальной системы Т. Парсонса: она была призвана объяснять любое общество, хотя критики уверяли, что за парсоновскими универсалиями и абстрактной моделью «современного» общества просматривается Америка.

Советская социология позиционировала себя как универсальная марксистская модель постановки и решения проблем социального развития и изменения в мире. В той или иной степени советские социологи следовали общей схеме развития, основанной на тезисе В. И. Ленина: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Теоретико-методологический багаж марксизма казался достаточным для описания и объяснения всего многообразия социального мира на глобальном, региональном и национальном уровнях.

В постсоветских республиках ситуация изменилась. Понадобились новые, специфические для каждой страны познавательные инструменты. Каждая независимая республика стала искать «национальные корни» социальной науки, интерпретировать особенности своего социально-политического развития со ссылками на национальный менталитет, национальную историю. В рамках национального пространства социальных наук постсоветских республик в большей или меньшей степени проявились эти моменты, т. е. стрем-

ление построить национальные теории развития, в том числе национальную социологию. Одновременно имеет место тенденция, акцентирующая необходимость следования глобальным трендам в развитии общества, изучения мировой социологии и перенесения ее опыта в постсоветскую реальность.

В конце XX – начале XXI в. проблемы соотношения этих двух сторон социологии привлекали значительное внимание мирового сообщества социологов. Вопрос о соотношении национального и наднационального, универсального и партикуляристского в теории и методологии исследований неоднократно рассматривался в рамках Международной социологической ассоциации.

Сегодня в каждом крупном регионе мира социологи выделяют специфические основные исследовательские темы. Это фактор, который Мертон обозначил как «экзистенциальный базис» социального познания, который предопределяет конкретные цели и объекты научного познания [21, с. 655]. Если для постсоветского региона главной темой стала трансформация (в разных вариантах), то для Африки – это бедность и неравенство, для Ближнего Востока – этнические конфликты и насилие и т. д. Трудно возражать против того, что такой подход оправдан: социологи живут в своих странах, регионах, погружены в свой социальный контекст, поэтому они обязаны прежде всего думать о своеобразии проблем региона и страны и искать способы их решения именно внутри региона; здесь использование «чужих» теорий не всегда продуктивно. Как отмечает Р. Мертон, социология познания оказалась востребованной в США только тогда, когда ее проблемы оказались «уместными» для американского общества [21, с. 650].

Позитивистские утверждения, что социальная наука, как и естественные науки, абсолютно нейтральна и объективна, себя не оправдали. Поскольку социолог остается членом общества, он вынужден учитывать не только этос науки, т. е. стремиться к универсализму и незаинтересованности, как утверждал Р. Мертон [21, с. 770], но и оказываемое на него прямо или косвенно влияние государства, культурных традиций социального окружения, своеобразия социальных процессов в стране и пр. Как пишет мэтр американской современной социологии И. Валлерстайн: «Обществоведение должно признать, что наука не беспристрастна и не может быть таковой, поскольку ученые – это члены общества, и они не свободны от него ни физически, ни интеллектуально... Обществоведение должно признать, что наши истины не являются всеобщими и универсальными; что они, если вообще существуют, сложны, противоречивы и множественны» [22, с. 211].

В связи с вышесказанным социологу важно определиться в ситуации, когда он пытается перенести на национальную почву так называемые чужие теории, созданные на иной специфической (национальной, культурной) почве. Речь идет о корректной интерпретации таких теорий при использовании в собственных исследованиях. Необходимо помнить, что любые попытки интерпретации и тем более перенесения теорий, созданных в другой стра-

не и в ином социальном контексте, требуют от социолога интеллектуальных усилий по «отсечению» этих национальных напластований от универсальной компоненты. По утверждению признанного «классика современности» Пьера Бурдьё, даже теория М. Вебера «сильно пострадала» от непонимания, так как ее почитатели не учитывали «специфический исторический контекст (пространство научных возможностей)» ее формирования и «исторические исследования, в которых она проходила свою проверку» [23, с. 99]. Иначе говоря, читатели М. Вебера, среди которых Бурдьё называет и Т. Парсонса, не учли механизма переноса идей из одного интеллектуального поля в другое, игнорировали специфику культурной ситуации создания произведения Вебера, которое оказалось неправильно истолкованным, перенесенным в иной контекст без учета культурной ситуации Германии и проецирования на эту теорию данного культурного контекста. По сути, такая интерпретация уже была реконструкцией теории Вебера, ее переосмыслением, исходя из тех условий, в которых жил и работал Парсонс. Возможно, всякую интерпретацию чужой теории следует изначально признать ее ревизией или реконструкцией.

В ошибках при заимствовании и перенесении чужих идей на иную культурную почву кроется одна из причин возможного теоретического отторжения «чужого наследия» национальной социологией.

Анализируя проблему соотношения глобального и национального, известный российский социолог А. Г. Здравомыслов четко обозначил «неразрешимую социологическую антиномию»: противоречие между глобалистским стремлением построить одну социальную теорию для всего мира и наличием национального (локального), зависимого от национальной культуры содержания конкретной социологии в той или иной стране [24, с. 7].

Итак, с одной стороны, знание мировой социологической классики, теоретико-методологических подходов в исторической ретроспективе необходимо, чтобы «не изобретать велосипед». С другой стороны, нельзя игнорировать национальную специфику, отказываться от «локальных» теорий, которые в конкретном случае лучше могут объяснить или интерпретировать социальное развитие в регионе или стране. Однако любая «универсальная классика» не должна превращаться в иконостас. Это не равносильно отказу от «универсалистского», наднационального знания: сегодня нельзя развивать социологическую теорию только на национальных исторических корнях, необходимо учитывать национальное и наднациональное. Таким образом, национальная самодостаточная социология невозможна: она будет своего рода резервацией, барьером для коммуникации с социологией других стран и мировыми традициями. Но это не означает, что национальные традиции, региональные особенности должны быть забыты и заменены на универсалистские теории и парадигмы. Для них тоже должно быть место в рамках развития социологии той или иной страны, региона. Главное — находить для национального и наднационального компонентов правильное соотношение, баланс.

Некоторые социологи и сегодня уверены в том, что национальная социология со своими теориями существует. Например, один из ведущих китайских социологов Пан Давэй пишет, что китайская, как и любая другая социология, «имеет национальный характер» и развивается только на почве реальностей своей страны, приобретая значение интерпретации общих методологических теорий [25, с. 136]. Дж. Александер также признает, что любая парадигма или социологическая теория связана со страной, в которой живет и работает ее автор; она всегда рефлексивирует жизненные практики конкретной эпохи и страны. Поэтому можно сказать, что «социологии считаются “локальными”, поскольку они вырастают из попыток интерпретации социального опыта сообщества в определенном месте и в определенное время» [19, с. 135]. Однако так как каждый ученый ориентируется на стандарты научной рациональности в своей деятельности, продукт его теоретической деятельности становится достоянием всего социологического сообщества, получает оценку в сравнении с результатами, достигнутыми другими «локальными» авторами. Таким образом, подлинная социология всегда одновременно и локальна, и глобальна.

Российский автор Ю. Качанов предлагает решать проблему о соотношении национального и наднационального как вопрос формы и содержания. Он пишет: «Социальные науки существуют в национальной форме», однако по своему содержанию они обязательно должны быть связаны с мировой социальной наукой, сохраняя элемент преемственности». По его мнению, если не осуществить «прорыв через унаследованные от предшественников системы критериев», то российская теория никогда не сможет выразить себя, оставаясь в рамках национального [26, с. 100].

Очень остро ставит вопрос о соотношении национального и универсального в теоретической социологии В. А. Ядов. Отдавая приоритет универсальному научному содержанию, воплощенному в той или иной парадигме или теории, он признает возможность и необходимость раскрытия в них национального контекста, специфики страны, в которой (и для которой) они созданы. Он пишет: «...российские трансформации, будучи направленными в общее русло миросистемных изменений, не могут не иметь национальной специфики... субтеории именно российских трансформаций скорее нужны, нежели не нужны. Но именно субтеория, опирающаяся на общую, грандтеорию» [27, с. 129]. Таким образом, необходим учет и отечественных традиций, и мировых процессов, охватываемых грандтеориями, их творческое соединение в концепциях, создаваемых отечественными авторами с опорой на мировое социологическое наследие. По мнению В. А. Ядова, российскому обществу еще предстоит найти органичную стратегию развития социологии, учитывающую и отечественные традиции, и мировые достижения.

В. А. Ядов предлагает достаточно большой список российских авторов и их работ, которые, на его взгляд, отвечают данному критерию. Приведем его полностью, чтобы читатель мог составить впечатление о масштабе со-

единения национального и наднационального в российской социологии: Ахиезер А. С. Россия: некоторые черты социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1; Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004; Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М. : Эдиторная, 1999; Покровский Н. Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. Ядова. М. : Флинта, 2005; Ионин Л. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социс. 1995. № 4; Кравченко С. А. Играизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6; Филиппов А. Ф. Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001; Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М. : Гардарики, 2005; Шматко Н. А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество М. : Канон-пресс-Ц, 2001; Яницкий О. Н. Россия как общество риска; контуры теории // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.

Сегодня этот список можно продолжить, поскольку за прошедшее десятилетие в социологии выдвинулись новые авторы, следующие этим путем. Можно ожидать, что и в дальнейшем успешная реконструкция зарубежных теорий и парадигм на национальной почве будет продолжена и оригинальные теории будут созданы в социологии и на постсоветском пространстве.

Библиографические ссылки

1. *Delanty G.* The Tasks of Social Theory (editorial) // *European Journal of Social Theory.* 1998. Vol. 1, № 1.
2. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // *Социс.* 2005. № 10.
3. *Turner S.* The maturity of Social Theory // *The Dialogical Turn.* Lanham : Rowman and Littlefield publishers, 2004.
4. *Connell R.* Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Cambridge : Polity, 2007.
5. *Alexander J. C.* Theoretical Logic in Sociology. Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1982. Vol. 1: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies.
6. *Йоас Х., Кнобль В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб. : Алетейя, 2011.
7. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977.
8. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002.
9. *Романовский Н. В.* Социология сегодня и завтра // *Социс.* 2012. № 10.

10. *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. : Наука, 1993.
11. *Цыганков П. А.* Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // *Обществ. науки и современность*. 2004. № 2.
12. *Зборовский Г. Е.* Метaparадигмальная модель теоретической социологии // *Социс*. 2008. № 4.
13. *Зборовский Г. Е.* Теоретическая социология: QUO VADIS? // *Социс*. 2013. № 9.
14. *Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследований российских трансформаций : курс лекций. СПб. : Интерсоцис, 2006.
15. *Кравченко С. А.* Социологическая теория: дискурс будущего // *Социс*. 2007. № 3.
16. *Ritzer G.* *Sociology. A Multiple Paradigm Science*. Boston : McGraw-Hill, 1976.
17. *Тоценко Ж. Т.* Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // *Социс*. 2007. № 9.
18. *Балог А.* Социология – мультипарадигмальная наука? // *Социс*. 2002. № 7.
19. *Александр Дж.* Локальный космополитизм // *Социс*. 2013. № 9.
20. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. СПб. : Алетейя, 1994.
21. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : Хранитель, 2006.
22. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2004.
23. *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2006.
24. *Здравомыслов А. Г.* К вопросу о культуре социологического мышления // *Социс*. 2008. № 5.
25. *Давэй Пан.* К истории социологии в Китае // *Социс*. 2009. № 4.
26. *Качанов Ю. Л.* К социологии социологической теории // *Социс*. 2001. № 1.
27. *Ядов В. А.* По поводу статьи А. И. Малинкина // *Социс*. 2006. № 8.

1.2. ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Как и всякая наука, социология строится из единиц знания, обозначаемых как понятия и концепты. Даже для осмысления и восприятия социального факта, т. е. реально происходящего события в обществе, необходимо наличие определенных концептов, с помощью которых познающий субъект выделяет тот или иной факт из множества других, помещает его в контекст определенного набора своих знаний, полученных ранее и обеспечивающих возможность мыслительных процессов на их основе. Без наличия концептов и некоторого предшествующего теоретического знания о мире, полученного тем или иным образом ранее, было бы невозможно ни восприятие окружающего социального мира, ни проведение эмпирических социологических исследований, не говоря уже об их осмыслении и теоретической интерпретации полученных данных и их обобщении в форме закономерностей и тенденций.

Концепт является единицей ментального лексикона и представляет собой совокупность значений, ценностей и норм как результат познавательной деятельности человека. Концепт — это научная абстракция. Однако помимо значений, фиксирующихся за данным словесным знаком в словарных дефинициях, концепт объединяет в своем поле и те понятия и смыслы, которые составляют его периферию. Концепт реализуется через фрейм (конструкт, гештальт, скрипт). Концепты — кирпичики, из которых складываются теории.

Концептуализация определяется как форма связи между понятиями, обеспечивающая теоретическую организацию материала; она задает схему связи понятий, позволяющую выдвигать гипотезы о природе и характере взаимосвязей. Можно сказать, что это способ организации мыслительной работы, позволяющий двигаться от материала и первичных теоретических концептов к более абстрактным конструктам, которые в конечном счете дают возможность создать определенную теорию и предложить ту или иную картину социальной реальности или ее исследуемого фрагмента в виде модели. В социологии это прежде всего теоретическое, логически непротиворечивое и рациональное структурирование знания, такая форма теоретического освоения материала, которая позволяет его представить в целостном виде и далее использовать полученный результат для выдвижения гипотез о других социальных процессах и явлениях, к анализу которых сконструированная теоретическая структура может быть применима.

В социологии происходит процесс реконцептуализации, т. е. переформирования и переосмысления различных понятий, их связи между собой и выдвигаемых на их основе объяснительных схем. Причина бесконечных реконцептуализаций, реконструкций теоретического знания кроется прежде всего в том, что сама социология постоянно развивается как наука, изменяются ее методы познания социальной реальности, подходы к представлению моделей этой реальности или ее фрагментов в тех или иных социальных конструктах и т. п. Иначе говоря, происходит преобразование значений, фиксируемых определенными научными концептами, а также меняются фоновые значения, смысловая периферия, которые связаны с каждым концептом, теорией. Поэтому закономерностью развития теоретической социологии является процесс постоянного переформулирования набора базисных концептуальных средств, выделенных еще классиками социологии: сам этот набор концептуальных средств и фундаментальных вопросов, решаемых социологией (что такое социальный порядок, социальное действие и социальное развитие) принципиально не изменяется, но подвергается реконструкции, модификации в соответствии с новыми темами и подходами в социологии. Эта особенность адекватна как для развития социальной теории, так и социологических парадигм.

Поэтому реконцептуализация и реконструкция существующих научных теорий и парадигм неизбежна, и поскольку они постоянно развиваются, этот процесс идет непрерывно (хотя результаты его становятся видимыми для широкого круга людей не сразу). Изменяется и развивается весь мир, включая и область человеческого мышления. В отдельных случаях теория или парадигма могут исчезнуть из поля актуального научного знания, отвергаться научным сообществом либо «угаснуть» (так случилось, например, с теорией Мальтузианства). Однако нередко случаи возвращения к тем же идеям и их переосмысление под влиянием новых знаний о социуме, вследствие формирования иных теорий, вторжения в область социологии знаний из других дисциплин и т. п. Та же теория Мальтуса была переосмыслена в конце XX в., в условиях быстрого роста населения земного шара и нехватки продовольствия для целых стран и континентов. При этом, естественно, многие устаревшие фрагменты теории остались в прошлом, как и ее прежняя идеологическая компонента: в реконцептуализированном виде теория вошла составным компонентом во многие глобальные концепции современности и парадигмы регулирования народонаселения в мире, связанные с необходимостью решения глобальных проблем человечества в условиях роста социального неравенства, истощения многих невозобновимых природных ресурсов, информационной революции, всплеска нелегальной миграции и т. д.

Как происходит реконструкция парадигм? История социологии показывает, что на каждом новом этапе ее развития созданные прежде парадигмы подвергаются той или иной переработке либо исчезают. Для классического этапа наиболее характерной была позитивистская парадигма, основы которой заложили отцы-основатели социологии О. Конт и Г. Спенсер и которая практически полностью оформилась в трудах Э. Дюркгейма. Эта парадигма в качестве базисных положений включала утверждение, что все социальные структуры для своего самосохранения нуждаются в выполнении определенных функций и что эффективность функционирования социальных структур определяет общее состояние социального целого, социальный порядок (движение общества к состоянию равновесия, гармонии) либо социальную аномию (деструкцию и разрушение порядка).

В XIX в. позитивистская парадигма включала достаточно много теорий – от теорий Конта и Спенсера до социал-дарвинизма, расово-антропологической школы, географического и механистического направлений и т. п.

Вершина позитивизма классического этапа социологии – социология Э. Дюркгейма. В работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм подробно показал, как образуется общество, что удерживает его элементы вместе. По мнению Дюркгейма, разделение труда имело место во всех обществах, поскольку с ним связано формирование в обществе такого не-

обходимого элемента, как социальная солидарность (механическая в примитивных обществах и органическая – в современных). Этот вид связи удерживает членов общества вместе, позволяет им совместно решать разные задачи и поддерживать социальный порядок. Французский социолог большое внимание уделил также роли морали и религии в обществе. Ему принадлежит классическое исследование типов самоубийств в обществе, анализ понятий социальных отклонений и преступности, связанных с разбалансировкой функционирования социального целого и развития состояния социальной аномии.

После того как появились теории Дюркгейма (теория разделения труда, теория аномии, теория социальной солидарности), разработана методология позитивистского анализа, функциональный метод завоевал в социологии господствующее положение, а созданные автором механизмы сохранения социальной устойчивости получили признание в научном сообществе. Во Франции появилась социологическая школа, развивавшая идеи и подходы Дюркгейма применительно к разным сферам общественной жизни (семье, морали, экономике, религии и т. п.). Эта школа активно работала вплоть до Второй мировой войны. Общество было представлено в ней как устойчивое образование, а всякие отклонения от состояния гармонии и устойчивости как социальная аномия, т. е. разбалансировка социальных функций. Идеи казались простыми, но именно эта простота и практическая верифицируемость способствовали их популярности и распространению в тот исторический период, когда жил Дюркгейм и его последователи (первая половина XX в.).

Однако реконструкция парадигмы не прекращалась. С середины XX в. позитивизм был представлен в социологии прежде всего парадигмой и теоретической ориентацией, известной как структурный функционализм. Данная парадигма фокусируется прежде всего на проблеме социальной интеграции и взаимосвязей в обществе. Решение проблемы социального порядка связано в ней уже не с концепцией социальной солидарности, а с достижением социальной интеграции на основе разделяемых членами общества доминирующих ценностей и социальных норм.

Структурный функционализм рассматривает общество как целостную систему, состоящую из функционально взаимосвязанных элементов. В качестве таких элементов могут выступать индивиды, группы, коллективы и другие общности, внутри которых и между которыми устанавливаются функциональные отношения. Характер этих связей и отношений позволял построить более или менее полную картину общества.

В Великобритании данное направление было представлено антропологами Б. Малиновским [1] и А. Редклифф-Брауном [2]. Период развития их теорий позднее получил название раннего функционализма и был подвергнут критическому анализу в работах теоретика последующего периода, американского функционалиста Р. Мертон, за приписывание функционализму универсального характера.

Зрелый период развития структурного функционализма связан с именами Т. Парсонса и Р. Мертонa, которые развили данную парадигму до такой степени, что в середине XX в. она стала доминировать в западной социологии. Эта парадигма определяет, какие социальные функции выполняются той или иной социальной подсистемой для того, чтобы обеспечивать общее функционирование системы как единого целого. У классика структурного функционализма, американского социолога Т. Парсонса, социальные структуры выступают центральным элементом анализа, а социальные функции существуют для поддержания этих структур. Принцип структурного функционализма означает, что социальные институты образуют социальные структуры или устойчивые наборы связей и функционируют с целью достижения гармонии социального целого. Тем самым в обществе осуществляется удовлетворение определенных социальных потребностей, без чего социальное существование было бы невозможным [3; 4]. В структурно-функциональной модели общества индивиды производят необходимые товары и услуги в различных институтах, при этом они выполняют социальные роли в соответствии с нормами общества. Работы Парсонса «Структура социального действия», «Социальная система», «Эволюционные универсалии» раскрывают его взгляды на проблемы социального порядка, социального действия, а также отвечают на вопрос, каким образом происходит развитие общества. Автор представил в них США в качестве образцового общества современного типа. В функционализме общество рассматривается как социальная система, в которой различные части функционально связаны друг с другом. Парсонс определил общество как «такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы» [3, с. 19]. Это общество основано на гарантии того, что действия их «членов... будут служить адекватным “вкладом” в его социетальное функционирование» [3, с. 20].

Парсонс сформулировал универсальные принципы функционирования социальных систем с точки зрения сохранения социального равновесия, а именно – выделил функцию адаптации (приспособления к окружающей среде), целедостижения (постановку и достижение целей), интеграции (поддержание внутреннего единства общества), латентности (поддержание культурного образца и снятия напряжений внутри системы). На социетальном уровне функцию адаптации выполняет прежде всего экономическая подсистема, целедостижения – политическая подсистема, интеграции – подсистемы культуры и права, а латентную функцию – институты семьи, образования и религии (т. е. институты социализации индивида). В целом общество развивается эволюционным образом, по мере его эволюции происходит рост упорядоченности системных отношений, повышается сложность системы и ее подсистем, а также возрастает количество возможностей для удовлетворения новых потребностей системы.

Вернемся к процессу реконструкции структурно-функциональной парадигмы. Этот процесс хорошо прослеживается на примере того, как концепция универсального функционализма, сконструированная британским антропологом Брониславом Малиновским, была критически проанализирована и развита американским социологом Робертом Мертонем.

Мертон поставил под сомнение правомерность трех постулатов, широко используемых британскими социологами, работающими в рамках раннего структурного функционализма. Он также доказал их логическую и фактическую несостоятельность как в описании социальных процессов и явлений, так и в объяснении того, как они существуют и развиваются. Идеологическим следствием принятия указанных постулатов было оправдание всего, что имеет место в обществе как якобы функциональное, т. е. полезное для общества явление. Это были постулаты функционального единства общества, из которого следовало, что любая часть социальной системы функциональна для всей системы, благодаря чему обеспечивается высокая степень интеграции всего общества; постулат универсальности функционализма, согласно которому все социальные или культурные формы имеют позитивные функции, и постулат функциональной необходимости, признававший существование в обществе неких универсалий, т. е. социальных или культурных явлений, являющихся незаменимыми компонентами для существования общества в целом. Вместо этих неизменных постулатов Мертон предложил использовать функционализм как гипотезу, которую необходимо доказать или опровергнуть реальными исследованиями общества, следуя стратегии разработанного им функционального анализа. В концептуальном плане он предложил концепцию «функциональных эквивалентов», или «функциональных альтернатив», согласно которым одну и ту же функцию могут выполнять разные структуры, и наоборот. Кроме позитивных функций Мертон ввел понятия латентной функции и дисфункции, тем самым сделав функционализм плодотворной эвристической стратегией социологических исследований [5; 6].

В целом Мертон разделял взгляды Парсонса и его парадигму, хотя и существенно реконструировал ее, сфокусировав внимание на теориях среднего уровня, в рамках которых выдвинутые гипотезы могли быть подтверждены или опровергнуты в результате проведения эмпирических исследований.

Мертон поддерживал положения структурно-функциональной парадигмы, согласно которым общество организовано наиболее естественным образом и поэтому должно поддерживать свою эффективную функциональность. Оно состоит из институтов, их члены разделяют общие ценности, поэтому функционирование общества регулируется этими ценностями культуры. Однако, по Мертону, функционализм прежде всего характеризует статичные аспекты общества, относится к определению таких устойчивых институтов общества, как государство и религия. Вместе с тем не только эти социальные институты, но и любые достаточно большие социальные группы, скон-

струированные на основе общих интересов, могут рассматриваться сквозь призму категорий структурно-функционального мышления.

Какой вклад внес Р. Мертон в реконструкцию парадигмы структурного функционализма? В о - п е р в ы х, он достаточно радикально переработал постулаты раннего функционализма и раскрыл слабые места и несоответствия функционалистской теории Малиновского. В о - в т о р ы х, он развил идеи функционального анализа и обогатил всю структурно-функциональную парадигму важными теоретическими новациями. Однако с какими целями он это сделал? Отнюдь не для того, чтобы отбросить ее как консервативную парадигму социологии. Напротив, Мертон обновил, усовершенствовал функциональный подход в социальных науках и превратил функционализм в плодотворное направление исследований, поскольку он научил своих последователей выдвигать гипотезы в рамках наработанных функциональных знаний об объекте исследования, проверять эти гипотезы в социологическом исследовании, интерпретировать полученные данные и т. п.

Таким образом, реконструкция функционалистской парадигмы Мертона заключалась в том, что он критически проанализировал функционалистские теории, существовавшие в социологическом сообществе, очистил функциональную перспективу исследований от положений и идей, которые явно стали неадекватными состоянию науки его времени, а затем творчески дополнил и развил функционалистский подход к исследованию общества. Теоретическая деятельность Мертона по развитию и улучшению функционализма — это и есть реконструкция функционалистской парадигмы [7].

В более позднее время, когда функционализм опять подвергся радикальной критике в 1970-е гг., была осуществлена его новая реконструкция: в 1980-е гг. появился так называемый неофункционализм.

Неофункционализм — это теоретическое направление, основанное прежде всего американским социологом Джеффри Александером и получившее распространение в западной социологии в 1980-е гг. Неофункционализм предлагает включать в анализ развития общества и его элементов не только внешние социальные факты, но и агентства, самоорганизацию социальных структур. Неофункционализм включает в себя элементы других парадигм, для того чтобы адекватно объяснить имеющее место в системе социальные напряжения, которые признаются не только как возможная причина отклонений от гомеостазиса (как считал Парсонс), но и как постоянный источник изменения. Неофункционализм, как подчеркивают его исследователи, акцентирует внимание на социальном изменении в процессе дифференциации внутри социальной, культурной и личностной систем и признает, что дифференциация часто ведет не к гармонизации отношений, как считал Парсонс, а к напряжениям на индивидуальном и институциональном уровнях. К характеристике неофункционализма приложимы три термина: реконструкция, ревизия и совершенствование тех сторон функционалистской традиции, которые критикам представлялись наиболее сомнительными.

Рождение неофункционализма — пример успешной реконструкции структурно-функционалистской парадигмы во второй половине XX в., давшей ей новую жизнь. В программной работе, посвященной принципам неофункционализма, Дж. Александер и П. Коломи предложили считать структурный функционализм не всеобъемлющей макросоциологической теорией, как ее видел Парсонс, а ограниченной, более синтетической теорией, которая сохраняла бы свою концептуальную целостность. Дж. Александер и П. Коломи трансформировали основные положения парсоновской «Структуры социального действия», пытаясь преодолеть идеалистический уклон структурного функционализма. Для этого в парадигму структурного функционализма были введены некоторые представления из теорий обмена, символического интеракционизма, прагматизма и даже феноменологии. Иначе говоря, структурный функционализм был дополнен идеями из других теоретических традиций, для того чтобы перестроить эту парадигму и возродить ее к жизни и тем самым обеспечить основу для дальнейшего развития этой теоретической традиции [8, с. 112–120].

В данном случае, как и прежде, реконструкция парадигмы, разработанной Т. Парсонсом, осуществляется через реструктурирование его идей, что конкретно проявляется в трех сферах — теории действия, теории культуры и гражданского общества. Осуществленный синтез идей разных парадигм позволил разработать сбалансированный подход к объяснению рефлексивности структуры и агента, что, соответственно, и было реализовано в трех упомянутых сферах. Например, Дж. Александер рассматривает культурную, социальную и личностную системы как среды действия: для актора культурная и личностная системы являются внутренними, а социальная среда (социальные сети, образуемые интеракциями индивидов) — внешней структурой. Дж. Александер считает необходимым учитывать значимость всех этих трех сред, хотя сам этот факт еще не позволяет объяснить конкретную активность людей. Адекватное объяснение требует также учета агентства, т. е. рефлексивности акторов, их «свободной воли» в виде триады типизации, изобретательности и «стратегизации», которые детерминированы особенностями каждой из этих трех сфер. Агентство, соответственно, предполагает креативность, спонтанность и определенную непредсказуемость. Таким образом, в неофункционалистской концепции Дж. Александера по-новому решаются проблемы, поставленные Т. Парсонсом: вводятся современные аспекты, которых не было в классическом варианте функционализма, взаимоотношения структур анализируются с учетом новых факторов.

Дж. Александер четко обозначил базовые принципы неофункционализма, позволяющие выявить как сходство, так и различия его с классической функционалистской теорией.

1. Неофункционализм отвергает однофакторный детерминизм и имеет открытый и плюралистический характер. Элементы системы не связаны каузально и сохраняют только символические связи между собой, а их взаи-

модействие производит структуру, благодаря которой система может быть надежно ограждена от внешней среды.

2. Неофункционализм приписывает равную важность и социальному действию, и упорядоченности, не отдавая последней приоритета, т. е. изучает макроуровневые и микроуровневые отношения в обществе. Сами действия могут определяться и как рациональные, и как эмоциональные.

3. Неофункционализм рассматривает интеграцию как важную социетальную возможность, но не как неизбежный факт развития системы. Отклонения от равновесного состояния в системе признаются реальными, поэтому большое внимание уделяется социальному контролю, а само равновесие трактуется как частичное и динамическое, а не как статичное состояние системы.

4. Неофункционализм признает, что в процессах дифференциации социальной, культурной и личностной системы имеют место конфликты, которые приводят систему ко всякого рода «искажениям образца», а не к гармонизации. Культура – не просто одна из систем, обеспечивающих достижение консенсуса в обществе: она играет самостоятельную роль, выходящую за пределы функции социетальной интеграции.

5. Неофункционализм является независимой теоретической схемой анализа общества, которой не чужд эволюционизм и историзм.

6. Неофункционализм отвергает универсалистский взгляд на модерн как единственный перспективный образец для всего мира.

7. В неофункционализме представлено иное по сравнению с классическим функционализмом понимание гражданской сферы. По мнению Дж. Александера, это относительно автономная от рынка, государства и других институтов сфера общества. Из автономии гражданской сферы следует, что элементы системы не связаны друг с другом каузальными связями (как у Т. Парсонса), а «символически связаны», чем Дж. Александер объяснял и возможные напряжения между ними, вызывающие конфликты.

Несмотря на то что в социологическом сообществе эта теория сразу нашла множество сторонников, Дж. Александер считал неофункционализм «незаконченной» теорией в плане исследовательских возможностей методологического инструментария. В целом неофункционализм внес большой вклад в развитие структурно-функциональной парадигмы и способствовал ее развитию.

В 1980-е гг. немецкий почитатель системного подхода Т. Парсонса социолог Никлас Луман предпринял еще одну оригинальную попытку реконструировать само ядро парсоновской традиции. Целью этой реконструкции было преодоление явных и подвергавшихся критике с разных сторон недостатков этой традиции: антииндивидуализм, антагонизм к изменениям, консерватизм, идеализм, антиэмпирический уклон. Н. Луман переосмыслил такие базовые понятия парадигмы, как функции, структуры, социальное действие. Общее направление реконструкции парсоновской парадигмы у Н. Лумана в корне отличалось от неофункционализма и было совершенно оригинальным.

Н. Луман вошел в социологию прежде всего своей концепцией аутопойесиса больших систем, т. е. признанием их самовоспроизводства и самоорганизации. Благодаря этой концепции Н. Луман создал новую метапарадигму, претендовавшую на теоретико-методологическое перевооружение современной социальной теории. Немецкий социолог видел свою задачу в «переконцептуализации», реконструкции, новом истолковании уже имеющихся концепций и понятий, связанных с парсоновской трактовкой общества. Н. Луман по-новому ставит и решает традиционные для структурного функционализма проблемы: социальное действие, критерии рациональности поведения, ценность, смысл и т. д. [9, с. 349–360]. Отличие функционализма Н. Лумана от структурного функционализма Парсонса состоит прежде всего в том, что Н. Луман реконструировал базис парсоновской парадигмы. Он заявил, что акцент, сделанный Т. Парсонсом на доминирующей роли ценностей в функционировании общества, выглядит ортодоксальным и устарелым. Практически это означает, что для самого Н. Лумана ценности – это уже не главный, а один из многих аспектов процесса социальной дифференциации социальной системы.

Н. Луман стремится к более последовательной реализации методологии функционализма путем его *радикализации*. В о - п е р в ы х, он отказался от всякого телеологизма в мышлении, т. е. от поиска конечной цели, к которой якобы направлены все действия системы, как это имело место у Парсонса. В о - в т о р ы х, Луман отказывается от попыток установить детерминированность каких-либо событий в системе действия. Вместо изучения каузальных (причинных) связей Луман предлагает поиск «функциональных эквивалентов». Для Лумана не функция является особым случаем проявления причины, а наоборот, причина есть проявление функциональной связи. В отличие от Парсонса Н. Луман объявил первичность функции, а не структуры, и тем самым пришел к тезису, что каждая структура в обществе может быть заменена иной структурой, эквивалентной относительно данной функции. Таким образом, не структурный функционализм, а функциональный структурализм является основным методологическим убеждением концепции немецкого социолога Н. Лумана.

Другие отличия функционалистской концепции Н. Лумана состоят в признании коммуникации элементом системы и непринятии какой бы то ни было полезности функций: функциональные связи существуют только между проблемой и набором ее возможных решений, а не в самой реальности. Это и есть область применения функционального анализа. Стабильность же социальной системы основана не на полезных функциях, а на ее способности к аутопойесису, т. е. самонастройке, замене своих элементов на другие для собственного самосохранения. При этом Н. Луман считает, что аутопойетическое воспроизводство систем не является точным повторением уже существующего, поскольку предполагает постоянное воссоздание новых элементов, связанных с прежними. Все системы обладают этим

свойством и не могут изменить его у других систем. Поэтому все системы обречены на постоянный распад и новое самовоспроизводство.

В конце XX в. казалось, что структурный функционализм в социологии (а в его лице позитивистская парадигма в целом) опять находится в сложной ситуации — теряет своих сторонников, испытывает затруднения в эмпирических исследованиях. Однако несколько радикальных событий, имевших место на рубеже XX—XXI вв., опять изменили общую картину этой парадигмы, поспособствовав новой реконструкции и возрождению позитивистских интерпретаций как адекватных происходящим в обществе событиям и процессам.

Как считают историки структурного функционализма, это стало возможным прежде всего вследствие так называемой террористической атаки, совершенной в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. на башни Всемирного торгового центра, символизирующих процветание и незыблемость американского капитализма. Данное трагическое событие, унесшее жизни нескольких тысяч людей, изменило всю жизнь Америки. Тем самым как бы был подтвержден постулат структурного функционализма о том, что изменение одного элемента социетальной структуры неминуемо ведет за собой изменения и в других элементах этой структуры. Действительно, после террористических актов 11 сентября 2001 г. были резко повышены меры безопасности на транспорте (запрет провозить жидкости, режущие предметы в ручной клади, проверка пассажиров и багажа металлоискателем), усилилась всеобщая слежка за гражданами с помощью электронных камер, повысились требования к мигрантам, простым туристам, в обществе усилилось всеобщее недоверие к инакомыслию и т. п. Структурный функционализм оказался пригодным для объяснения того, почему в условиях подрыва стабильности в США и роста конфликтов довольно быстро поменялись ценности общества, а вслед за ними изменились и социальные структуры. Более того, поскольку террористические акции продолжились и в других странах мира (взрывы в Лондоне, Мадриде, Москве, Мумбае и др.), данная парадигма оказалась эффективной для описания глобальной ситуации, а ее постулаты послужили основанием для резкого усиления практических мер социального контроля с помощью новейших технологий во всем мире, даже за счет ущемления гражданских прав и свобод населения, и развязывания США «войны с терроризмом» в чужих странах [10].

Новая реконструкция данной парадигмы вновь привела к включению в нее некоторых идей из парадигмы конфликта и к расширению условий ее применения (от состояния стабильности — к состоянию конфликта и даже кризиса). Вместе с тем данная парадигма по-прежнему рассматривает общество как принципиально управляемую, контролируемую сложную структуру, которая регулируется разделяемыми господствующим большинством ценностями и нормами. Предметное поле парадигмы не изменилось, хотя социетальная система стала более сложной и открытой, а также уязвимой для внешних воздействий.

Краткий обзор истории реконструкции и реконцептуализации современной позитивистской парадигмы показывает, что различные теории данной ориентации изменяются во времени, в своем исследовательском фокусе, но, как правило, не исчезают бесследно. Судя по тому, что структурно-функциональный подход по-прежнему активно используется на микроуровне в качестве теоретико-методологической основы множества социологических исследований, можно лишь подтвердить тот вывод, который более чем полвека назад сделал радикальный критик Ч. Р. Миллс: подобно волшебной бессмертной птице Феникс, структурный функционализм ежегодно умирает, а затем вновь воскресает с каждым новым сезоном эмпирических исследований.

Не умерла и макросоциологическая позитивистская парадигма: ее теории обновляются, привлекая к себе новых сторонников, пусть и не таких многочисленных, как в середине XX в.

Примеры исторических реконструкций позитивизма наглядно показывают, как происходит этот процесс, с какими целями и результатами. Такие же реконструкции претерпели и другие направления и парадигмы. Даже марксизм, о котором в конце XX в. много говорили как об «устаревшей» и «отжившей» парадигме, по мнению М. Буравого, был подвергнут успешной реконструкции, которая позволила обогатить эту парадигму некоторыми положениями других парадигм (в частности, Буравой говорит об идеях Пьера Бурдьё), важных для новой интерпретации смысла и значения капитализма и государственного социализма нынешней эпохи. Результат этой реконструкции позволил Буравому сделать вывод, что в новой версии (его собственной) марксизм является адекватной парадигмой для XXI в. [11, с. 133].

Библиографические ссылки

1. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. М. : РОССПЭН, 2004.
2. *Рэдклифф-Браун А. Р.* Структура и функция в примитивном обществе. М. : Восточ. лит., 2001.
3. *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998.
4. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Академ. проект, 2000.
5. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социс. 1992. № 2–4.
6. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М. : МГУ, 1994.
7. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : Хранитель, 2006.
8. *Александр Дж., Коломи П.* Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социс. 1992. № 10.
9. *Луман Н.* Концепт общества // Современная западная социология : хрестоматия / авт.-сост. Г. И. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск : Тесей, 2008.

10. *Staples W. G.* Everyday Surveillance. Vigilance and Visibility in Postmodern Life. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield, 2014.

11. *Буравой М.* Восемь бесед с Пьером Бурдьё // Социс. 2012. № 3.

1.3. СМЕНА ПАРАДИГМ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Современное осмысление научного познания признает не жесткий социальный детерминизм лапласовского типа в функционировании науки, а причинное влияние социокультурной среды на условия развития науки, которое оформляется посредством особого социального механизма или модели научного объяснения какого-либо феномена. На этом основании Дж. Александер утверждает, что культура — автономная детерминанта социальных изменений; при этом «культуральные структуры» трактуются им как внутренние, латентные, обычно неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте определенной культуры [1, р. 3–4].

Историками науки было доказано, что модели объяснения, разработанные учеными из разных областей науки, имеют структурное сходство. Обнаружены некоторые общие закономерности и механизмы развития естественных наук, которые позднее были распространены и на социальные науки. Р. Мертон, внесший значительный вклад в разработку социальных механизмов развития социологии, показал, что эта дисциплина имеет те же рациональные основы и научный этос, что и другие научные дисциплины [2]. На современном этапе развития научного познания имеет место сближение, вплоть до интеграции и синтеза, философских, социологических и историко-научных исследований [3, с. 5]. В то же время, как подчеркивают современные социологи, социальные механизмы, используемые для объяснения социальных изменений, как правило, не наблюдаемы человеческим глазом [4, р. 51]: они выделяются и познаются аналитически, на основе общенаучных знаний, в том числе знаний философии науки и ее принципов, и использования ряда общелогических процедур.

Важнейшими компонентами в процессе научного поиска в целом и объяснения тех или иных конкретных процессов выступают научная картина мира, идеалы и нормы научного познания, а также принципы, посредством которых эксплицируются идеалы познания [5, с. 276]. История социологии служит доказательством эвристичности этого философского вывода.

Выделение этапов в развитии науки можно осуществлять на основе разных критериев — временных, пространственных, содержательных и др. [6]. Так, петербургский социолог Д. В. Иванов признает пять этапов эволюции социологии в зависимости от доминирующего типа теоретизирования [7, с. 18], тогда как академик Г. В. Осипов выделяет только два основных этапа — классический и современный [8], поскольку использует иной (исто-

рический) критерий. Другие авторы в качестве критериев берут предмет и метод социологии, ее функции, цели и пр. Уральский социолог Г. Е. Зборовский создает более сложную структурную конструкцию истории теоретической социологии. Он выделяет пять метапарадигм, сложившихся в теоретической социологии за весь период ее развития: классическую, неоклассическую, постклассическую, неклассическую, постнеклассическую. По его мнению, четыре последних сосуществуют на протяжении XX в. В эти метапарадигмы в виде структурных компонентов меньшей степени обобщения автор включает парадигмы, которые вбирают в себя все многообразие теорий. Зборовский отмечает нелинейный характер смены и эволюции выделенных им метапарадигм: «Парадигмы и теории, относимые к той или иной из них, зачастую возникают одновременно, сосуществуют, противостоят и оказывают влияние друг на друга (например, парадигмы структурно-функционального анализа, конфликта, обмена)» [9, с. 3, 4].

В числе критериев классификации можно использовать и тип рациональности, по которому, как и в истории развития философии, в истории социологии можно условно выделить такие большие периоды, как классический, неклассический и постнеклассический. Каждый из этих периодов соотносится с определенным типом рациональности, отличается своим пониманием предмета социологического исследования, определением проблемного поля этой научной дисциплины, в результате чего в науке строится и принимается определенная специальная (социальная) картина мира.

Классический этап в истории социологии, охватывающий практически все ее развитие в XIX в., связан с формированием и развертыванием трех основных ее парадигм — позитивистской (объективистской), антипозитивистской (субъективистской) и диалектической. Переосмысливая развитие социологии, современные авторы полагают, что позитивистская и диалектическая парадигмы были нацелены на изучение «социальных целостностей» и организации, а антипозитивистская — ориентирована на изучение «социальных атомов» и их взаимодействий [10]. Автор доказывает, что кроме основной доминирующей парадигмы на каждом этапе существовали и другие, поэтому в общем все этапы отличались мультипарадигмальностью, даже когда одна парадигма безусловно господствовала, как во времена О. Конта. Ввиду этого полная характеристика каждого этапа предполагает описание не только доминирующей, но и всех остальных парадигм, существовавших в социологическом профессиональном сообществе на каждом отрезке времени.

Дисциплинарная определенность идеалов и норм науки у классиков социологии. Классический этап в истории социологии можно начинать с ее отцов-создателей О. Конта и Г. Спенсера, которые заложили основы позитивистской картины социальной реальности и успешно развивали тип мышления, ставивший во главу угла классический тип рациональности. Принципы позитивизма были заимствованы О. Контом непосредственно из естествозна-

ния и экстраполированы на социологию. Успехи естествознания, особенно физики, оказали столь большое влияние на Конта, что даже новую, созданную им науку социологию он называл сначала социальной физикой. Конт пытался систематизировать научное знание, включив в эту систематизацию все фундаментальные науки. В каждой фундаментальной науке Конт выделял наличие тех или иных систем. Общество как высший тип систем, по его мнению, должно рассматриваться как целостный организм, где каждый элемент функционирует в тесной взаимосвязи с другими элементами и приносит пользу социальному целому с точки зрения общественного блага. В позитивистском духе Конт утверждал, что в обществе действуют такие же жесткие объективные законы, как и в физике, поэтому законы механики вполне могут быть применимы к анализу общества. Социальная статистика описывает отношения в обществе, складывающиеся между различными социальными институтами, а социальная динамика раскрывает законы изменения общества, которые хотя и скрыты от непосредственного наблюдения, но познаваемы, объективны и универсальны. Это означает, что они функционируют в любом типе общества, объясняя, как происходит его развитие и изменение.

Принципами, которыми руководствовался Конт, были: физикализм, эмпиризм, позитивизм. Отсюда и общее название данного направления исследований общества — позитивизм, т. е. следование идеалу точного объективного знания, которое одновременно будет еще и полезно обществу. В данной Контом интерпретации полезности она означала приближение к образцу естественных наук с их точным и практическим знанием в противовес знаниям в области философии того времени, которые отличались, по мнению Конта, метафизичностью и полной оторванностью от реального мира. Поскольку новая наука должна была дать позитивное знание об обществе, позднее (однако еще до введения им термина «социология») Конт назвал ее позитивной философией и изложил содержание данной дисциплины в шести томах в «Курсе позитивной философии» (1830–1842). Позитивной была названа и третья, современная Конту, стадия развития знания о мире, характеризующаяся систематическим описанием объективных фактов, накоплением точного (положительного) знания разными науками, включая и социологию.

Позитивистская картина социального мира, по Конту, отличалась механистичностью в объяснении взаимосвязей между основными компонентами социального целого. Эта картина мира опиралась на изучение отдельных социальных фактов, включала описания, анализ, сопоставления и пр. Опора на факты, эмпиризм, признание объективных универсальных законов развития и функционирования общества — основа данной специальной картины социального мира и одновременно нормы ее научного познания, а идеал общества как целостной системы — это состояние социального порядка, при котором общество постепенно развивается в направлении социального прогресса.

Позднее принципы первой позитивистской картины социальной реальности были дополнены принципом эволюционизма, сформированным Г. Спенсером (наподобие эволюции, открытой в живой природе естествоиспытателем Ч. Дарвином), признанным частью всеобщей эволюции. Социальная эволюция, которую Спенсер считал доказанным фактом, — это часть надорганической фазы процесса эволюции, отличающейся высоким уровнем сложности, быстрыми темпами изменения и важностью вытекающих из нее следствий.

Идеи эволюционизма развивались в XIX в. в ряде позитивистских направлений социологии и были представлены такими школами, как социалдарвинизм, расово-антропологическая и др. В России позитивизм получил развитие в трудах Н. И. Кареева, К. М. Тахтарева и др. (равно как и иные парадигмы, такие как субъективная, неокантианская).

Первая позитивистская картина социального мира представляет его образ как объективно существующую социально целостную систему, развивающуюся по объективным, не зависящим от воли человека, но познаваемым законам. Человеческая деятельность не может изменить эти законы. Познавательный принцип методологического объективизма, присущий позитивизму в социологии, — это и есть рассмотрение общества как системы, развивающейся по своим объективным законам и не зависимой от субъекта познания. Объект и субъект познания противостоят друг другу. Общество и составляющие его социальные институты — главный объект изучения в позитивистской парадигме; ее целью является объяснение существующего мира и познание законов, по которым этот мир функционирует и развивается. Само это изучение осуществляется при тщательном исследовании и систематизации эмпирических фактов.

Вершина первой позитивистской парадигмы XIX — начала XX в. — творчество Э. Дюркгейма: у него общество остается единым целостным организмом, состоящим из социальных институтов, функционирующим на основе социальной солидарности, подчиняющимся другим универсальным законам. Здесь, как и в других позитивистских схемах, субъект познания отделен от объекта; он как бы «наблюдает» за объектом «со стороны», оставаясь ценностно нейтральным. Позитивистская теория может быть подвержена верификации (проверке фактами) и является универсальной. Те же нормы и принципы познания, действующие на макросоциологическом уровне познания, Дюркгейм считает эффективными и для исследования отдельных социальных феноменов, например религии, самоубийства, для которых он создал специальные теории (позже Р. Мертон назвал их теориями среднего уровня). Позитивизм в социологии наиболее ярко иллюстрирует идею тесной взаимосвязи идеалов и норм науки и достигнутого уровня развития научного знания в целом, а также прогнозирует изменение этих идеалов и норм с каждым крупным научным потрясением или научной революцией [11].

Вторая из основных парадигм социологии классического периода тоже зародилась в лоне ее классического этапа, но несколько позже, во второй половине XIX в. Она была представлена многими именами и теориями, которых объединяло, во-первых, признание активной роли субъекта в познании социального мира; во-вторых, склонность не объяснять социальный мир, а понимать и интерпретировать его развитие. Главная деятельность субъекта познания – интерпретация, в ходе которой он как бы осваивает существующее вне его множество феноменов, превращает их в факты науки, с которыми он оперирует далее. Все факты, таким образом, прежде чем стать фактами науки, проходят сквозь познавательную линзу социолога, т. е. подвергаются воздействию его эпистемологических инструментов. Чтобы быть включенным в институт науки, факты должны быть осмыслены в понятиях определенной теории, сознательно выбранной субъектом познания. Субъект познания не может быть ценностно нейтральным: он обязательно ценностно нагружен, и эта его нагруженность непосредственно влияет на процесс познания, его результаты.

Такой подход по мере того, как он набирал силу в социологии, вытесняя позитивизм, означал смену идеала научного познания: был сделан акцент на методологический субъективизм, т. е. признание картины социального мира конструкцией, плодом человеческого познания объективного мира. Социологи не ставили под сомнение реальное существование общества; они лишь полагали, что ученые имеют дело не с ним, а с концепцией данного общества, или социальным конструктом, который создается рациональной познавательной деятельностью самого субъекта, а затем «разделяется» с другими.

В своих развитых формах данная антипозитивистская парадигма представлена Максом Вебером. Немецкий классик социологии исходит из того, что предметом социологии является социальное действие, понимаемое им как такое действие, которое осознано его субъектом (а не бессознательно) и всегда направлено на другого человека (а не на бездушный предмет) [12]. Отсюда – акцент на микроуровень исследования социальных действий, что, однако, не исключает, по мнению Вебера, и макросоциологические исследования, при понимании разницы между социальными действиями на этих двух уровнях. В любом случае в центре внимания социолога находится субъект познания, человеческая личность, индивидуальное сознание, мотивация человеческих действий и поведения в целом. Поэтому такую парадигму называют еще понимающей и гуманистической.

Один из важных принципов научного социального познания, отличающий эту парадигму, – принцип ангажированности субъекта познания: он всегда включен в проводимое им исследование, так как имеет собственные интересы. Иными словами, субъект познания привносит собственные идеалы, идеологию в исследование, поэтому его познавательная деятельность не может быть объективной и нейтральной: она так или иначе пронизана инте-

ресами субъекта, ценностно окрашена. Субъект – интерпретатор – включен в познаваемый объект и как бы становится его частью. Этот акцент сближает антипозитивизм с социальной психологией и теми нормами познания, которые адекватны для данной дисциплины.

Еще один важный принцип антипозитивистской парадигмы – понимание общества вместо объяснения его функционирования и развития. Поскольку субъект познания сам строит (конструирует) блоки знания о социальном мире, постольку и вся эта конструкция общества остается плодом творчества субъекта, его творением. Конструкция общества – единственное, что может дать наука, так как разум всегда активно участвует в познании мира. Если, оперируя этой конструкцией (образом мира), познающая личность успешно действует, вступает во взаимодействия с другими субъектами, можно утверждать, что данная картина мира релевантна. Вполне естественно, что основными методами научного познания в таком его понимании будут выступать качественные процедуры (интерпретация, понимание, сопереживание объекту и т. п.).

Наконец, во второй половине XIX в. зарождается третья основная парадигма классической социологии – диалектическая, основоположником которой считается К. Маркс. Именно он, соединив диалектический метод и материалистическое понимание истории, разработал теорию классов и классовой борьбы как движущей силы истории, а также развил теорию капитализма в рамках своей макросоциологической формационной теории. Маркс рассматривает современное ему капиталистическое общество как антагонистическое образование, движимое вперед антагонистическими противоречиями, возникающими в связи с несоответствием уровня развития производительных сил уровню развития производственных отношений, основанных на частной собственности. Движение общества вперед к более гармоничному состоянию связано, по мнению Маркса, с классовой борьбой буржуа и пролетариев, которая должна привести к диктатуре пролетариата и уничтожению антагонистических классов. Прогрессивное развитие общества венчает коммунизм, с которого и начнется отсчет подлинной истории человечества.

Таким образом, диалектическая парадигма рассматривает субъекта познания и действия как активную и творческую силу, через которую и происходят социальные изменения. Эти изменения объективно детерминированы, но могут осуществляться лишь при наличии объективных предпосылок. Социальная революция – механизм, посредством которого в современном обществе происходят крупномасштабные перемены.

В диалектической социологии мир объективно существует, он познаваем, причем целью его познания, осуществляемого активным субъектом, является изменение этого мира: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [13, с. 4]. Картина мира, созданную в рамках данной парадигмы, называют диалектической. Она противоположна позитивистской картине социального мира, хотя

так же признает объективность существующих в обществе законов развития и так же, как позитивизм, признает познаваемость мира. Главная отличительная черта этой парадигмы — диалектика как основной метод познания, без которой невозможно объяснение и преобразование этого несовершенного, полного противоречий мира. Субъект познания не просто является ангажированным: проанализировав нынешнее состояние общества и его социальные антагонизмы, он должен сознательно встать на сторону самого прогрессивного класса общества, пролетариата, и отстаивать его интересы как в познании, так и в практических действиях по изменению этого мира. Это и есть идеал научного познания в диалектической парадигме (конечно, далеко не все ее представители полностью солидарны с Марксом, однако все они признают метод диалектики как решающий для познания социальной реальности и ее возможного изменения).

Классический этап в развитии социологии изначально был разнородным, плюралистичным: в противоборстве друг с другом развивались три основные парадигмы, получившие свое дальнейшее развертывание уже на следующем, неклассическом, этапе, который начался в 1920-е гг. и охватил около полувека. Созданные на этом этапе картины социального мира отличались друг от друга, равно как и нормы научного познания, но представители каждой парадигмы были уверены, что именно их подход к обществу является наиболее адекватным.

Что объединяет основные парадигмы классического этапа? Это уверенность социологов, что именно их парадигма (независимо от того, о какой парадигме идет речь) дает наиболее точное научное знание о мире, т. е. убежденность в универсальности собственной версии научного знания. Четко определенное предметное поле исследований, как правило, включает социальную систему как целостность, а также составляющие эту систему институты, социальные группы и общности. Эти парадигмы коренным образом различаются методом исследования: объективистский в позитивизме, субъективный в антипозитивизме, и диалектический в третьей из представленных выше парадигм. Однако каждая включает в предмет своего исследования то, что объявляет собственно социальным, т. е. то, что качественным образом отличает общество, социальные сообщества от несоциальных систем.

Несмотря на парадигмальные различия, классиков социологии объединяет стремление изучать конкретные социальные процессы и явления для того, чтобы создать теоретические обобщения научного знания. Классическая социология — это «классифицирующая социология, превращающая исследование явления в дифференциацию его на типы, виды, классы, кластеры и т. п.» [7, с. 15]. Таким образом, на классическом этапе социология приобрела предметную конкретность как наука, определила свое место среди других научных дисциплин, хотя каждая из существующих парадигм, претендовавших на универсальность, отличалась своим видением социальной картины мира, спецификой метода и понимания предмета исследования социологии.

Наращивание теоретической силы социологии или плюралистический кризис? Переход к неклассическому этапу развития науки был связан не только с кризисом естествознания и поиском иных, адекватных для осмысления новых фактов научных концепций, но и с кризисом знания в области философии науки. Преодоление этих кризисов потребовало перемещения фокуса научного познания, смены господствующих парадигм как в науке, так и в философии. Произошел качественный скачок в развитии знания. Как отмечает В. С. Степин, «переход от одной структуры философских оснований к другой означает пересмотр ранее сложившегося образа науки. Этот переход всегда является глобальной научной революцией» [5, с. 356]. В социологии обычно речь идет об эпистемологических реконфигурациях, переходе науки на новый этап развития [7, с. 14].

Итак, объективно толчком к развитию и трансформации парадигм в социологии, особенно позитивистской, как и в других науках, послужил прежде всего кризис в естествознании, вызванный новыми открытиями в физике, химии, физиологии, экспериментальной психологии начала XX в. и невозможностью объяснять новые факты в рамках старых теорий. В скором времени кризис охватил другие дисциплины и стал кризисом в развитии научного познания. В науке происходила радикальная ломка понятий и логических принципов, отказ от тех из них, которые мешали продвижению вперед (например, натурализм, эволюционизм). Шел поиск новых принципов, которые могли быть адекватно применены к анализу новых эмпирических данных и способствовать созданию новых научных теорий.

На неклассическом этапе развития социологии три указанные ранее парадигмы модифицируются: их главными «продолжениями» являются неопозитивизм (как синоним социологического позитивизма в XX в.) и структурный функционализм (как теоретическая вершина позитивизма XX в.), феноменология и символический интеракционизм, а также социальная философия Франкфуртской школы (в диалектической парадигме). Так, в неопозитивизме был совершен отход от эволюционизма и переход к функционализму, т. е. к описанию социальных явлений и исследованию их функциональных связей, корреляционных зависимостей. Авторы-неопозитивисты полагали, что таким путем они могут наилучшим образом изучать поведение людей — объект исследования социологии. От исследования социального поведения предполагалось перейти к социальным структурам и процессам. Как писал П. Сорокин, также переживший в своем раннем творчестве позитивистский этап, «неопозитивизм не в индивидах может видеть социальную реальность... а в факте взаимодействия, взаимоотношения особей» [14, с. 66].

Неопозитивизм следовал принципу ценностной нейтральности социологии, ее полной свободы от классовых и идеологических интересов. Не случайно представители одной из важных неопозитивистских ориентаций первой половины XX в. (сторонник перенесения в социологию методов естественных наук, один из авторов принципов неопозитивизма Дж. Ланд-

берг, лидер статистической школы Ф. С. Чэпин, автор S-теории С. Додд, рьяный сторонник количественных методов У. Огборн и др.), развивающейся в рамках американской эмпирической социологии, называли себя представителями естественнонаучного направления социологии. Одной из причин бурного развития естественнонаучных моделей социального знания в первой половине XX в. в США было стремление ученых этого направления превратить социологию в точную науку, которая может быть практически полезной в реформировании общества.

На этом этапе классик функционализма Роберт Мертон обосновал комплекс ценностей и нормативных регулятивов научной деятельности, т. е. обязательных «институциональных императивов» научного познания (этнонауки): универсализм, общность, бескорыстность и организованный скептицизм [2].

Теоретическая вершина данного этапа — новые общесоциологические теории (П. Сорокин, Т. Парсонс, Т. Адорно и др.). Кроме создания абстрактных теоретических схем предпринимались попытки такой систематизации накопленного эмпирического материала, которая могла бы создать «работающую» объяснительную теорию, не растеряв наследия классиков, но вместе с тем развивать новые подходы и концепты. Поэтому все главные крупные эмпирические проекты, проводившиеся в первой половине — середине XX в., были тесно связаны с социологическими теориями, их результаты объяснялись или описывались в строгих теоретических рамках (например, проект «Авторитарная личность» — в рамках теории Адорно, хоторнские эксперименты — большей частью в рамках теории рационального выбора и прагматизма и т. д.). Это была очередная историческая форма синтеза теории и эмпирии, философии и науки. Позднее, на постнеклассическом этапе, этот тип рациональности получил последующее развитие в системном подходе в социологии.

Развитие неклассического типа рациональности, инициированного революцией в естествознании (появлением теории относительности, физики квантовых процессов и т. п.), философией неокантианства, разработкой идеографического метода в познании, привело к переосмыслению и распространению релятивизма в социальных и гуманитарных науках. Этот тип рациональности, связанный с «веберовским поворотом», получил в середине XX в. дальнейшую экспликацию в конструктивизме и феноменологии Альфреда Шютца. Заметим, что неклассическая рациональность релятивизировала и естественную науку: среди ученых выросло понимание «относительной истины любой картины природы, выработанной наукой», и истинность разных теоретических описаний той же реальности [5, с. 355–356]. Можно сказать, что процессы, происходящие на данном историческом этапе развития общества, оказали релятивизирующее влияние на естествознание и социальные науки.

Именно в трудах Альфреда Шютца, который изучал жизненный мир как мир непосредственной человеческой жизнедеятельности, наделенный

смыслами, неклассическая рациональность в социологии на этом этапе ее развития проявляется особенно ярко. Шютц исходил из того, что смысловые структуры жизненного мира воспринимаются субъектом-наблюдателем только сквозь призму мыслительных конструкций, идеализаций и формализаций, существующих в сознании субъекта познания. Социальный мир не только конструируется субъектом, но и понимается, интерпретируется им в соответствии с определенными установками — инструментами познания. Развивая теорию социального действия, идущую от М. Вебера, Шютц подчеркивал необходимость изучения ее мотивов, учета интерсубъективности социальных действий, без которых невозможна смысловая интерпретация. Субъект строит (реконструирует) модель социального мира, как бы репрезентируя этот мир себе и другим, используя определенные постулаты — нормы типизации научного знания [15, с. 96—113].

Противоборство классической и неклассической рациональности, позитивизма и понимающей социологии привели к тому, что в 1960-е гг. разразился новый кризис, связанный с резкой критикой позитивизма, всех общесоциологических («универсальных») теорий, не замечающих человека при изучении макросоциологических систем. Этот кризис означал новую реконфигурацию социологического познания, осуществленную А. Шютцем, Г. Блумером, Э. Гоффманом, Г. Гарфинкелем, А. Сикурелом и их единомышленниками. Однако, по сути, это был лишь кризис прежнего типа рациональности. Качественные методы интерпретации смыслов человеческой деятельности, доминирующие у представителей неклассического типа рациональности в социологии, превратили социологию в науку о взаимодействиях людей, привели многих социологов к отказу от макросоциологических теорий и от абсолютизации статистико-математических методов исследования. В социологии стали доминировать микросоциологические подходы к исследованию человеческого действия. Эти изменения привели к дальнейшей гуманизации социологии (обращению ее «к человеку»), что и заставило вновь пересмотреть и проблемы предмета, и методы социологического исследования.

В последние десятилетия XX в. в контексте развития постнеклассического типа науки начался постнеклассический период развития социологии. Исторически этот этап связан с эпохой НТР, но трансформация социальной теории и типа рациональности не напрямую обусловлена этой революцией (которая, пожалуй, непосредственно повлияла лишь на информационные теории общества). Общий контекст развития науки и культуры в последней трети XX в., рост глобализма и обострение в связи с этим многих противоречий социетального развития, появление новых сложных природно-человеко-технических систем в большей мере обусловили социальные условия бытия науки, которые привели в очередной раз к переосмыслению господствующего типа научной рациональности. Была осознана необходимость радикальной смены стратегий развития общества, что в свою очередь выну-

дило поставить вопрос и о новых ценностях, и нормах социального познания. Были переосмыслены и классики (например, Вебер, Парето), и представители неклассического этапа в социологии (Шютц). Переосмысление накопленного знания способствовало осознанию того, что выходом из сложившейся ситуации было признание правомерности существования разных типов рациональности и отказ от использования лишь одного из этих типов (чаще всего, классического) как единственного критерия и нормы для оценки многообразия социального знания. Иначе говоря, происходит расширение смыслов научного объяснения и описания: разные их типы становятся равноправными. В науке утверждается релятивизм знаний и истины. Поскольку «единственный» критерий истины исчез, появилась необходимость соотнесения внутринаучных ценностей с внешними ценностями, лежащими за пределами науки. Ценность научного знания стала измеряться не внутренними критериями, созданными самой наукой, а ее ценностью для всего общества. Более того, ценностные факторы стали учитываться в процедурах научного объяснения, было признано их влияние на научные результаты, их «включение» в полученное новое знание.

Ряд отечественных авторов открыто признает, что нынешняя эпистемологическая реконфигурация взаимоотношений субъекта и объекта познания, изменения в типе теоретизирования в социологии, называемые также «перформативным поворотом», связаны с влиянием на нее постмодернистской философии [7; 16]. Соглашаясь с ними, можно резюмировать произошедшие в последние десятилетия изменения в социологии с учетом влияния постмодернистской философии. Эта философия оказала значительное влияние на процесс переосмысления эпистемологических основ и принципов социального познания, в частности, в социальной теории утвердился плюрализм. Эта черта нынешней социологии выражается в отказе социологов от попыток установления новой доминирующей парадигмы, в стремлении интегрировать существующие противостоящие друг другу подходы: объективистский и субъективистский, структурный и агентный, позитивистский и интерпретативный. Созданные в конце XX в. интегративные теории (теория структуры Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса) рассматриваются как проявление «мягкой формы» постмодернизма в социологии [17]. В то же время, несмотря на популярность интегративных теорий, другие теории и парадигмы не исчезают, а, напротив, успешно развиваются [18], усиливая мультипарадигмальность в современной социологии. И хотя сторонники классической модели научного знания по-прежнему оценивают нынешний плюрализм в социологии как кризис, приверженцы нового типа рациональности полагают, что мультипарадигмальность является «нормой», поскольку отсутствие единой господствующей парадигмы адекватно признанию неопределенности современного социума, рост его сложности и вариативности на современном историческом этапе развития. Это значит, что социолог как субъект по-

знания не может претендовать не только на универсальное знание и создание полной картины социальной реальности, но даже на научную обоснованность своих результатов познания социума. Знание, получаемое социологом, всегда фрагментарно, частично; оно сохраняет момент неопределенности, поэтому социолог не только конструирует и репрезентирует картину социальной реальности, но и участвует в производстве знания и самой реальности. Знание, как и реальность, соединяется с субъектом познания.

Еще одним проявлением постмодернистского воздействия на социологию можно считать осознание ею сущностной неопределенности социального мира, невозможности однозначно познать его законы и прогнозировать его развитие (признание «веера» возможных путей развития общества), т. е. признания, что в обществе не существует «единственно верного» пути развития, якобы «открываемого» наукой. Было признано, что не существует абсолютной истины ни в каких научных идеалах и нормах познания: все они содержат лишь частично истинное знание. Это не означает отказ от науки, напротив, понимание вариативности развития социума повышает роль научного знания в принятии практических решений, однако требует руководствоваться не только внутринаучными критериями, но и ориентироваться на лежащие вне поля науки социетальные цели и ценности гуманистического развития общества.

В идеале новый тип рациональности, утвердившийся в науке, включает в себя рефлексию над ценностями, присущими субъекту познания. Этот подход позволяет осознать связь между истинностью и нравственностью, что создает условия для поиска новых стратегий в преодолении глобальных рисков современности и адаптации науки к условиям неопределенности. Решением данной проблемы заняты многие социологи, развивающие разные теории современного общества, но равно осознающие необходимость постоянных трансформаций социального знания [10; 19; 20].

Вся история социологии демонстрирует существование в мире разных моделей развития общества, т. е. свидетельствует о том, что социальные теории, принимающие на себя объяснительную или интерпретационную роль в отношении различных обществ и мира в целом, могут и даже должны быть различными. В настоящее время социальные теории также должны использовать разные познавательные инструменты для познания структурного и культурного разнообразия общества, в том числе на посткоммунистическом пространстве [20–23].

Сегодня мировая социология находится «на перепутье». В ней идет поиск новых макросоциологических концепций, которые бы могли предложить картины социальной реальности, адекватные для объяснения, интерпретации или производства нового знания о развитии глобальных процессов. Возможно, социология вновь подходит к очередной точке бифуркации, новой эпистемологической реконфигурации ее концептов и средств научного познания, соответствующей нынешнему состоянию науки и куль-

туры, определенному типу рациональности. В любом случае нормы и идеалы научного познания в социологии развиваются в тесной связи с общим развитием науки на конкретном этапе исторического развития общества.

Библиографические ссылки

1. *Alexander J. C.* The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford : Oxford University Press, 2003.
2. *Мертон П.* Социальная теория и социальная структура. М. : Хранитель, 2006.
3. *Стенин В. С.* Новые проблемы философии науки // Социология. 2011. № 3.
4. *Hedstrom P., Ylikoski P.* Causal Mechanisms in the Social Sciences // Annual review of Sociology. 2010. № 36.
5. *Стенин В. С.* Научное познание в социальном контексте // Избр. тр. Минск : БГУ, 2012.
6. *Ritzer G.* Metatheorizing in Sociology // Sociological Forum. 1990. Vol. 5, № 1.
7. *Иванов Д. В.* Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013. № 4 (100).
8. *Осинов Г. В.* Такой истории социологии нет ни у одной из зарубежных стран. Это трагическая, драматическая история // Телескоп. 2013. № 4.
9. *Зборовский Г. Е.* Метaparадигмальная модель теоретической социологии // Социс. 2008. № 4.
10. *Sztompka P.* Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16, № 1.
11. *Кун Т.* Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977.
12. *Вебер, М.* Критические исследования в области логики наук о культуре // Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Тезисы о Фейербахе // Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
14. *Сорокин П. А.* Социальная реальность // Вестн. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1912. Т. 9, вып. 3.
15. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; науч. ред. пер. Г. С. Батыгин. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
16. *Дудина В. И.* Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии // Социс. 2013. № 10.
17. *Иванов Д. В.* Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социс. 2013. № 9.
18. *Alexander J. C.* Trauma: A Social Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
19. *Alexander J. C., Thompson K.* A Contemporary Introduction to Sociology: Culture and Society in Transition. Boulder : Paradigm Publishers, 2008.
20. *Bauman Z.* Culture in a Liquid Modern World. Cambridge : Polity, 2011.
21. *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // Daedalus. 2002. Vol. 129, № 1.
22. *Arnason J.* Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Tradition-sn. Leiden : Brill, 2003.
23. *Wittrock B., Arnason J.* Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries: Crystallizations, Divergences, Renaissances. Leiden ; Boston : Brill, 2005.

1.4. НОВЫЕ «ПОВОРОТЫ» В РАЗВИТИИ СОЦИОЛОГИИ

В истории современной социологической теории П. Штомпка выделяет три главных парадигматических сдвига, которыми, по его мнению, определяется переход от «первой» ко «второй» и затем «третьей» социологии. Польский ученый пишет: «Есть удивительный “парадигматический сдвиг”, даже фактически три одновременных парадигматических сдвига, очевидных в современной теории. Первый сдвиг — от фиксированных органических систем к *текущим полям социальных сил*. Другими словами, от “первой” ко “второй” социологии [2]. Социальный строй видится возникающим, создаваемым, постоянным достижением агентов, производимым и воспроизводимым действием людей. Примерами таких точек зрения полны работы Бергера и Лукмана, Элиаса, Гидденса, Бурдьё. Второй сдвиг — от картины эволюции или социального развития к *социальному становлению*. Делается акцент на исторических сценариях с открытым исходом, движимым решениями, выбором, но также контингентными, случайными происшествиями. Это лучше всего представлено “исторической социологией” — авторами типа Ч. Тилли, М. Арчер, Т. Скокпол, П. Штомпка [3; 4]. Третий сдвиг — от картины “гомо социологикус” (нормативно направляемый исполнитель роли), все еще представляемого “неофункционализмом” (Дж. Александер, Н. Луман, Р. Мюнх), к “гомо когитанс” (обладающему знанием и смыслом актору, сформированному и ограничиваемому коллективными символическими системами знания и верования). Эту тенденцию часто называют *интерпретативным* (культурным, лингвистическим) *поворотом*» [1, с. 7–8].

Как замечает по поводу последнего поворота британский социолог Брайан Тернер во введении к сборнику первоисточников по современным социальным теориям, «Современная социальная теория совершила поворот на 180 градусов, отдав предпочтение и приоритет культурным явлениям и культурным отношениям» [5, р. 1–19].

Поскольку социология является мультипарадигмальной дисциплиной, появление «новых» социологий, т. е. «сдвиги», не элиминируют «старые» социологии: все они продолжают сосуществовать в лоне дисциплины. Данный факт, невероятный для естественных наук, что в конкретный исторический период времени доминирует только одна парадигма, резко отличает социологию от естественнонаучных дисциплин, но это нисколько не мешает ей оставаться наукой.

Кроме указанных сдвигов, выделенных П. Штомпкой, в развитии теоретической социологии в конце XX — начале XXI в., как показывает социологическая практика, проявились новые черты, отличающие нынешний период ее развития. Одна из них состоит в сближении социологии с различными другими типами знания. Использование концептуального аппа-

рата разных дисциплин и обобщение информации различных наук в общей исследовательской рамке вызвало необходимость применения междисциплинарного (интердисциплинарного, постдисциплинарного, как называют его разные авторы) подхода в теоретических и прикладных исследованиях. «Отход» социологии от прежней монодисциплинарности, открытость иным типам знаний (антропологическим, психологическим, историческим и др.) получил в социологии характеристику, называемую «поворотом»: в социологическую дисциплину включаются новые знания, методы исследования и проблемы. Такие повороты позволяют создавать новый тип теорий и парадигм, интегрирующих знания разных дисциплин и имеющих более высокую объяснительную способность, предлагающих совершенно иные методы исследования. Появление теорий и парадигм такого рода открывает новую страницу в развитии теоретического знания об обществе.

Главная причина появления в социологии поворотов – резкое усложнение социума, который стал во многом непредсказуемым, не поддающимся управлению рациональными субъектами, постоянно меняющимся миром. Изучение этого социума предполагает использование новых теоретических и методологических подходов, причем самых разнообразных, а значит, и изменение формы и содержания самой социологии.

В. А. Ядов выдвинул тезис о том, что вся современная социология переживает очередной поворот, связанный с переходом на качественно иной уровень развития. Главными чертами этого поворота, по мнению В. А. Ядова, выступают следующие [6]:

1) дальнейшая коррекция, или реконструкция, глобалистских концепций для более адекватной «привязки» этих гранд-теорий (термин, используемый В. Ядовым) к особым континентам, культурам, обществам;

2) создание новых методологий межстрановых компаративных исследований, которые быстро развиваются, но зачастую имеют слабые места именно в методологии;

3) сдвиг проблематики эмпирических исследований в сторону изучения локальных общностей разного масштаба. В частности, имеется в виду более активное участие в сравнительных исследованиях социологов из стран Азии, Африки, Латинской Америки, что позволит смягчить противостояние глобального Севера и Юга в социологии;

4) дальнейшее расширенное применение качественной методологии как для регистрации данных, так и для их концептуализации, что особенно необходимо в исследованиях жизненных миров и повседневности;

5) дальнейшее обогащение исследовательских технологий. Сегодня стали привычными в социологии онлайн-опросы, рефлексивные мониторинги, видеосъемка карманным аппаратом случайного наблюдателя, выложенная в сети Интернет. Будут развиваться сопутствующие технологии – пока еще новое направление для социологии.

Происходящие изменения в теоретико-методологическом развитии современной социологии характеризуют также другим термином — «сдвиг», под которым понимается переключение исследовательского интереса ученых на некоторые темы, проблемы, которые ранее почему-то не представляли для них столь существенного интереса, а теперь приобрели центральность и переопределили всю концептуальную рамку, использованную учеными ранее. Общепринято говорить в таких случаях о парадигмальных сдвигах, т. е. о вытеснении одних парадигм другими, а также о сближении социологии с другими науками (например, историей, философией).

Подобные феномены имели место в истории социологии и раньше, начиная с ее отцов-основателей Конта и Спенсера, широко использовавших естествознание в своих теоретических построениях. Эта же линия развивалась в XX в.: например, Жорж Гурвич ратовал за сближение социологии с философией и историей. Возврат к идее единства наук и необходимости целостного подхода к анализу социальных процессов и явлений на современном этапе означает, что появились новые эвристические возможности такой интеграции наук, которые социология может использовать в результате таких сдвигов и поворотов. Таким образом, социологи провозглашают открытость своей науки к знаниям как естественных, так и технических и конечно других социальных дисциплин, гуманитарного знания в целом.

Сдвиги и повороты тесно связаны между собой в социологии. Так, П. Штомпка, продвигающий идею поворота к изучению повседневности, используя методы наблюдения и визуальной социологии, утверждает, что поворот к повседневности — «явный признак подлинно парадигмального сдвига, призыв к третьей социологии — после второй социологии поведения и действия, первой социологии организмов и систем» [7, с. 3]. Таким способом социология задает новый угол зрения на известные проблемы, позволяет продвинуться в их исследовании на основе качественных подходов. Штомпка перечисляет эти качественные подходы и методы, позволяющие получить приращение нового знания: наблюдение, кейс-стади, глубокие интервью, интерпретация «эго-документов», т. е. непреднамеренно созданных личных свидетельств пережитого — письма, жизненные истории, семейные фото. Он также называет плодотворным анализ социальной иконосферы как особо интересного инновационного метода.

И здесь у Штомпки также есть немало предшественников: социологов, которые широко использовали методы социальной и культурной антропологии, этнографии, культурологии. Такие методы применялись и социологами Чикагской школы, и сторонниками символического интеракционизма, однако были «забыты» позднее и вытеснены статистико-математическими методами, массовыми опросами. Если в фокусе внимания социологии оказывается повседневная жизнь, то очевидна необходимость и эффективность использования методов визуальной социологии, о чем и говорит польский

ученый. По его глубокому убеждению, массовые опросы никогда не раскроют нюансов этой повседневности, тогда как тонкое наблюдение за жизненными ситуациями, произведенное опытным ученым, может дать ему огромный материал для последующего обобщения и теоретизирования.

П. Штомпка утверждает, что совершаемый нынешний поворот в социологии к исследованию проблем повседневной жизни качественными методами — это не социологическая мода, а реальный парадигмальный сдвиг в сторону «третьей» социологии, т. е. социологии повседневности, социальной экзистенции.

Эта «третья» социология (новая ее парадигма), с одной стороны, несет опасность низведения социологической науки до уровня простых описаний коллективных или межличностных отношений, типичного опыта людей. С другой стороны, Штомпка отмечает, что уже есть примеры конструирования полномасштабных объяснительных теорий, подвергающих повседневную жизнь глубокому анализу. В качестве таких примеров Штомпка называет работу американского теоретика Джонатана Тернера, сконструировавшего теорию интеракции по типу «лицом к лицу» [8], книгу известного американского теоретика Рэндола Коллинза, в которой дан анализ цепи ритуалов взаимодействий [9], и культуральную прагматику и социальные перформансы Джеффри Александера и его единомышленников [10].

Что же принципиально нового в трактовке предмета исследования и механизмов объяснения повседневной жизни дает эта «третья» социология, т. е. новая социологическая парадигма повседневности? Штомпка подчеркивает ее антиредукционистский характер. Если «первая» социология (позитивизм) редуцирует поведение людей к жесткому следованию неким нормам и законам, установленным структурами и системами, а «вторая» социология (микросоциологический субъективизм) низводит человеческие взаимодействия до простого агрегата поведения и действий, то «третья» социология рассматривает реальные интеракции людей, происходящие на уровне между структурами и действиями, т. е. на уровне социально-индивидуальных практик, реально составляющих повседневную человеческую жизнь. Последняя, таким образом, не является ни полностью детерминированной структурами и системами, ни полностью свободной от них. Лишь соединяясь в реальном социальном событии, социальные структуры (ситуационный контекст) и социальные агенты (личные влияния действующих индивидов) сводятся вместе и образуют неделимый феномен, который и является центром внимания социологов. Тем самым социология повседневной жизни отбрасывает полную зависимость человека от обстоятельств, судьбы, и не признает его полную свободу, оставляя все же пространство для креативного участия каждого человека в динамичной и единственно реальной повседневной жизни.

На теоретической основе новой парадигмы повседневности Штомпка отвергает классическую социологическую теорию развития общества как универсальной модернизации с ее жестко детерминированным направле-

нием и ранее заданным результатом. Однако он не поддерживает и концепций полной непредсказуемости, спонтанности развития общества, которые абсолютизируют свободу воли агентов действия. Его новый подход к развитию общества — признание его социального становления, самопреобразования благодаря социальной агентности, осуществляемой в рамках, ограниченных предшествующей человеческой практикой.

Таким образом, провозглашенный Штомпкой и другими социологами (причем не только западными) «поворот к социальной экзистенции», к повседневности знаменует парадигмальный сдвиг в современной социологии (вернее, один из многих сдвигов): конструирование новой теоретической рамки и разработка новых методологических подходов к исследованию социальной экзистенции, с акцентом на качественные методы. Новое понимание предмета исследования (повседневности) диктует и адекватные методы. Прежде всего Штомпка говорит о фотографировании ситуаций повседневной жизни и интерпретации имеющихся фотографий. Фотографии передают некие смыслы социологу, которому надо только правильно их расшифровать и обобщить. Социолог становится фотографом повседневности и ее интерпретатором. Таким способом он получает возможность глубже заглянуть в социальные феномены, в отличие от социологов, принадлежавших к позитивистской (первой) и субъективистской (второй) социологии.

Подробное рассмотрение поворота к повседневности и парадигмального сдвига, представленных Штомпкой, наглядно показывает, какого рода изменения происходят в современной теоретической социологии, и демонстрируют взаимосвязанность этих сдвигов, поворотов с существенными преобразованиями в самом обществе.

Сдвиги и повороты в социологии — закономерность ее развития. Так, еще в 1970-е гг. начался лингвистический поворот, который отразился во многих парадигмах, в том числе в структурно-функциональной. В развивавшейся тогда концепции неофункционализма положения лингвистического поворота выразились в том, что актер стал трактоваться больше как творец, или производитель, чем как продукт социального мира. Благодаря проведению принципиального различия между действием и агентством появилась возможность рассматривать действие с точки зрения его разных качеств: активным или пассивным, рациональным или иррациональным, осознанным или эспрессивным.

В конце XX в. логическим продолжением лингвистического поворота (в плане продвижения интерпретативных моделей в теоретическую социологию) произошел так называемый культуральный поворот, который также связан с именем Дж. Александера, к этому времени уже отошедшим от позиций неофункционализма и создавшим новую, культуральную социологию [11]. Этот поворот означал переосмысление роли культуры в обществе как автономной детерминанты социальных изменений. Пример Дж. Александера наглядно показывает, что один и тот же ученый может быть участ-

ником или инициатором ряда поворотов в социологии, если к этому есть достаточные основания в развитии самого общества и уровня его осмысления в науке.

И повороты, и сдвиги свидетельствуют о том, что теоретическая социология активно реконструируется, создавая новые парадигмы, наполняя новым содержанием теории и пересматривая весь накопившийся теоретический багаж прошлого. Сдвиги часто связаны и с опережающим развитием отдельных направлений в социологии в определенный момент времени, переключением интереса ученых на иной предмет исследования или же на реконструирование самого предмета, создание другой модели этого предмета и объекта.

В современной западной социологии вопросами поворотов и сдвигов занимались многие известные ученые. Например, проблему поворотов глубоко анализировал английский социолог Джон Урри [12; 13], который выделил три поворота: сложности, ресурсности и мобильности. При этом главными оказались два последних. Так, Урри выступил за ресурсный поворот к развитию посткарбонной социологии и созданию посткарбонного общества [14, р. 16]. Что касается поворота к социологии мобильностей, он был осуществлен на основе постдисциплинарного подхода, который автор применил к процессу создания новой парадигмы и значительную лепту в который внес сам [15]. В целом введение в научный оборот социологии указанных поворотов – это индикатор турбулентности современного общества, заставляющий социологов очень тщательно исследовать его новые свойства и характеристики.

Во Франции социологи Люк Болтански и Лоран Тевено выдвинули теорию общества, ознаменовавшую «прагматический поворот» в социологии, связанный с «возвращением субъекта» во французских социальных науках в 1990-е гг. В книге «Критика и обоснование справедливости» [16] авторы уделяют главное внимание анализу конкретных ситуаций споров и конфликтов в повседневной жизни людей, жителей города, при этом делается акцент на анализе тех аргументов, которые участники конфликтов чаще всего используют для обоснования справедливости своих позиций в этих спорах, т. е. на притязаниях на справедливость.

Среди поворотов последних десятилетий кроме вышеназванных выделяют также поворот к теориям риска, постмодернистский поворот, материалистический и др. [17, с. 19; 18, с. 20]. Эти сдвиги и повороты, как считают их сторонники, были подготовлены самим развитием социологии, т. е. внутренними интеллектуальными процессами развития в этой науке, попытками осознать сложности современного общества, и прежде всего осмысления жизненного мира повседневности, в который погружены и социологи, и простые люди. В качестве теоретических тенденций, подготовивших современные сдвиги в социологии, П. Штомпка выделяет по меньшей мере три [7, с. 7]:

1) критика абстракций структурно-функционального анализа, происшедшая в форме субъективистского поворота к изучению мотивов, интенций, стоящих за социальными действиями (И. Гофман), агентного поворота к изучению социальных акторов и путей, которыми они конструируют социальные структуры (Г. Гарфинкель), культурного поворота к поиску скрытых смыслов, правил и представлений, регулирующих поведение людей (А. Шютц, П. Бергер и Т. Лукман);

2) постмодернистская критика прежней социологии (Ж. Бодрийяр, З. Бауман), которая раскрыла текучесть и рефлексивность современного общества и акцентировала внимание на его новых чертах (фрагментация, случайность, хаос, риск, глобализация и т. п.);

3) феминистская социальная критика классической социологии, которая обнаружила проявления и причины подавления, дискриминации и эксплуатации женщин в контекстах повседневной жизни, прежде всего в семье и на рабочем месте.

Эти интеллектуальные тренды в совокупности способствовали переосмыслению прежних парадигм, их реконструкции и выдвижению новых подходов к пониманию и объяснению социальной реальности. Были разработаны новые концепты социологии (социальная экзистенция, или существование); переосмыслен концепт повседневной жизни, пространства и времени, в которых она протекает, непосредственная ситуация жизни, контекст, перформативное действие. Несмотря на то что эти концепты существовали в социологии прежде, их реконструкция позволила переосмыслить ее перспективы, как полагает Штомпка. Вывод ученого относительно этих перспектив заключается в том, что новая парадигма не перечеркивает существование и использование старых: «Новые парадигмы не обесценивают старые, а добавляются к ним, в сумме обогащая наше видение. Социология повседневной жизни предлагает добавить изучение социальных событий на самом реальном, очевидном и банальном уровне повседневной жизни к анализу комплексных абстракций, социальных систем, структур, социальных действий. Она претендует на то, что такие абстракции воплощены и реализованы в эпизодах повседневной жизни» [7, с. 12].

Значительное внимание в современной социологии уделяется изменению восприятия пространства и времени. Так, для Штомпки время перестает быть просто мерой социальных изменений, оно осознается как проблема культуры, проблема сознания человека, живущего в турбулентную эпоху перемен [19, с. 493–510]. Оно рассматривается индивидом как самостоятельный капитал или товар, который можно беречь, терять, использовать, продавать и покупать. В то же время у П. Бурдьё, давшего социологический анализ времени в 1990-е гг., оно получило трактовку вида интеллектуального и научного капитала [20].

Многообразие поворотов и сдвигов в современной социологии можно интерпретировать как множественность новых теоретических и методологических подходов к объяснению усложнившегося социума, прежде всего к пониманию его взаимоотношений с природной средой, что и обусловило необходимость обогащения социологии знаниями биологии, географии, генетики и других естественных наук, не говоря уже о знаниях, почерпнутых из родственных социальных и гуманитарных дисциплин. Ученые приходят к пониманию, что «человеческий и физический миры тесно взаимосвязаны и их невозможно анализировать отдельно — как общество и как природу или людей и объекты» [13, с. 28]. Только интегрированное использование всех научных знаний позволит сегодня так исследовать современное общество, чтобы не навредить ни природной среде, ни человеческому сообществу и, несмотря на открывающиеся новые сложные связи и отношения в социуме, а также связи социума с природной средой, непредсказуемость многих явлений, нарастание кризисности и рисков, все же пытаться с помощью социологии искать пути разрешения существующих и предстоящих проблем и конфликтов. В качестве примера реализации такого подхода к изучению общества на современном этапе можно привести Мануэля Кастельса, который использовал теории информационных систем и сетей в анализе современного общества и создал концепцию информационного и теорию сетевого общества. Эти концепции были изложены Кастельсом в известной трилогии, посвященной становлению информационного общества [21]. Он подробно проанализировал влияние Интернета на современное общество, продемонстрировав, как тесное сближение информационных технологий с социумом радикальным образом изменило все сферы деятельности общества [22]. Очевидно, что данное направление в развитии социологии — ее сближение с другими науками, включая естественные и технические, но прежде всего социально-гуманитарные, — будет и дальше продолжаться. А следовательно, будут происходить новые прорывы в знаниях, которые получат определение новых поворотов в социологии.

Библиографические ссылки

1. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социс. 2005. № 10.
2. *Dawe A.* Theories of Social Action // A History of Sociological Analysis / T. B. Bottomore, R. Nisbet (eds.). N. Y. : Basic Books, 1978.
3. *Sztompka P.* Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.
4. *Sztompka, P.* The Sociology of Social Change. Oxford : Oxford University Press, 1996.
5. *Turner B. S.* Introduction // Blackwell Companion to Social Theory. Malden : Blackwell Publishers, 1996.

6. Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // Социс. 2012. № 4.
7. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социс. 2009. № 8.
8. Turner J. Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior. Stanford : Stanford University Press, 2002.
9. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton : Princeton University Press, 2004.
10. Alexander J., Giesen B., Mast J. Social Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
11. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford : Oxford University Press, 2003.
12. Urry J. Global Complexity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
13. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М. : Праксис, 2012.
14. Urry J. Climate Change and Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
15. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.
16. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М. : Новое лит. обозрение, 2013.
17. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социс. 2012. № 5.
18. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология: Quo vadis? // Социс. 2013. № 9.
19. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005.
20. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М. : Алетейя, 2005.
21. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture : in 3 vol. Cambridge ; Oxford : Blackwell, 1996–1998. Vol. I : The Rise of the Network Society. 1996 ; Vol. II : The Power of Identity. 1997 ; Vol. III : The End of the Millennium. 1998.
22. Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society. Oxford : Oxford University Press, 2001.

2. ПАРАДИГМЫ СОЦИОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Множество работ западных социологов теоретического и эмпирического содержания, посвященных глобализации, так или иначе касаются пяти ключевых тем: происходит ли глобализация на самом деле, ведет ли она к конвергенции стран, т. е. нивелирует ли их, делает схожими, подрывает ли глобализация роль национальных государств, чем глобализация отличается от модернизации, происходит ли становление единой глобальной культуры, поглощающей различные национальные, групповые культуры и субкультуры [1, р. 235]. Несмотря на множество точек зрения, большинство авторов согласны с утверждением, выраженным французским социологом Мауро Гийеном, что глобализация «очень далека от того, чтобы представлять собой универсальный, необратимый и неумолимый тренд. Скорее, глобализация является фрагментированной, незаконченной, разорванной, непредсказуемой» [1, р. 241]. Во многих отношениях исследование ее траекторий приводит ученых к противоречиям и затруднениям.

Три основных подхода к пониманию сущности и значимости глобализации в западной социологии могут быть обозначены как: 1) гиперглобалистский (признающий наличие единой глобальной экономики и описывающий глобальное общество как турбокапитализм, супертерриториальный и даже маниакальный капитализм); 2) скептический (противоположный первому); 3) трансформационный (подчеркивающий пространственную реорганизацию и передел экономической, политической, военной и культурной власти в мире). В рамки указанных трех подходов укладываются разнообразные теории и парадигмы, существующие в современном концептуальном пространстве [2]. Каждая из рассмотренных ниже парадигм затрагивает ключевые вопросы глобализации. Различные «ответы», данные представленными авторами на «вызовы глобализации», еще раз подтверждают, что в современной социологии нет единой теоретической позиции ни по одному кардинальному вопросу, однако это не мешает ей развиваться как мультипарадигмальная дисциплина.

2.1. ПАРАДИГМА ОБЩЕСТВА РИСКА

Современное общество по-разному определяется в мировой социологии. Это зависит от того, какой критерий выбирает тот или иной ученый при сравнении нынешнего этапа развития с предшествующими. Только во второй половине XX в. появилось множество терминов, которые и сегодня остаются в ходу у социологов, политиков, философов. С 1970-х гг. мировая общественность осознала и стала широко обсуждать новые глобальные риски и вызовы современной эпохи. В связи с этим многими авторами было признано, что глобальный мир становится непредсказуемым и неуправляемым: в нем все взаимосвязано, но не понятной детерминистской каузальностью, а намного более сложными способами. При этом сколь бы тщательно ни просчитывались последствия того или иного масштабного человеческого действия, крупной научно-технической инновации, точно предвидеть реальное будущее развитие невозможно. Как утверждает британский политолог Ричард Саква, точный механизм прогнозов неясен и здесь нет детерминистских отношений. Случайность была признана одной из неотъемлемых характеристик современности многими авторами (У. Бек, Х. Йоас, Э. Гидденс), а порождающие ее глобальные риски – фактором, достойным того, чтобы претендовать на признание главным определением современной эпохи и основой новой парадигмы современности.

Ряд социологов определили современное общество как «общество второго модерна» (Э. Гидденс, У. Бек), а также как «общество риска» [3–7]. Созданная в конце XX в. концепция общества риска определяет теоретические рамки, которые позволяют адекватно изучать и объяснять сложные диалектические взаимодействия, имеющие место в современном обществе, и по-новому определять роль человека в его взаимоотношениях с природой и техникой.

Сегодня уже стало привычным характеризовать нынешний этап развития общества как «общество риска». Согласно теориям, получившим известность в конце XX в., эпоха позднего модерна (или постмодерна) в корне порывает с предшествующей эпохой: она безвозвратно разрушает былую стабильность и устойчивость существования, будь то в экономике или политической сфере, в результате чего ни одна страна, ни одно поколение, ни один человек больше не застрахован от неожиданностей и неопределенностей, тающихся в новейшей технологии, в состоянии экологии, сфере труда, современных международных отношениях.

К создателям зарубежной версии данной концепции относятся такие известные ученые, как немецкие социологи У. Бек и Н. Луман, английский социолог Э. Гидденс и др. Ключевым аспектом концепции выступает тезис, что современное общество, которое в других теориях называют информационным, постиндустриальным, постмодерном и т. д., является одновременно и обществом риска. Подчеркнем, что эта концепция – продукт интеллек-

туальной деятельности нескольких авторов, среди которых нельзя выделить «главного»: все авторы принадлежат к социологической элите Запада.

Начнем анализ с идей У. Бека, так как именно для него концепция «общества риска» стала решающей вехой в научной карьере (что касается Э. Гидденса и Н. Лумана, они уже были хорошо известны, когда стали работать в этой парадигме).

Благодаря работе «Общество риска. На пути к другому модерну», вышедшей впервые в 1986 г., У. Бек сразу получил широкую известность. Эта книга привлекла огромное внимание еще и потому, что вышла в год аварии на ЧАЭС и тем самым практически подтвердила тенденции развития общества риска. Бек утверждал, что основное противоречие эпохи — уже не классовое противостояние, а угроза природе от неконтролируемого индустриального развития. Новая динамика развития связана с исчезновением прежних структур в культуре и структуре общества. Индивидуальная защита от рисков стала невозможна: нужны общие усилия, наднациональные действия общества по предотвращению и противостоянию рискам модернизации. Перед их лицом все люди равны, так как риски касаются богатых и бедных, женщин и мужчин, молодых и старых. Только наука помогает ощутить эти новые риски, получить о них объективную информацию. Однако и ученые могут ошибаться либо принимать политизированные решения в интересах тех или иных групп, поэтому в новых условиях наука может служить «легитимным прикрытием глобального индустриального загрязнения» [8, с. 72]. Ввиду этого политические последствия рисков трудно предсказуемы. Нужна новая экологическая мораль, чтобы человечество могло на практике противостоять рискам.

Бек собрал и логически обобщил эмпирические данные о современном обществе, которые свидетельствовали, по его мнению, о конце прежней эпохи и переходе к другому типу общества. Он также заявил о прерывности социального развития, потому что новое общество перечеркивало многие закономерности, типичные для «прежнего модерна». Собранные факты и аргументы позволили Беку сделать вывод о переходе общества в середине 1980-х гг. на этап «рефлексивного модерна», характеризующийся критическим сомнением в основах данного типа общества. Главное отличие этапа — три новые тенденции развития общества, которые и делают его в корне непохожим на прежнее:

1) современное общество стало «обществом риска», потому что новые риски, продуцируемые современным производством, затмили все прежние социальные и классовые конфликты и потеряли значение, так как новые конфликты касаются всех, невзирая на их социальные различия; и защиту от них можно искать только на надклассовом, наднациональном уровне. Новые риски уравнивали все классы и сословия перед их лицом;

2) резкий рост индивидуализма привел к тому, что прежние субкультуры потеряли свое значение: теперь каждый отдельный человек является примером своего собственного набора культурных норм и ценностей, что

свидетельствует о неадекватности разделения культуры по классам, сословиям, социальным группам: «Сословные субкультуры и классовые формы жизни утрачивают свое значение. Возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования... В этом смысле индивидуализация приводит к уничтожению относящихся к жизненному миру основ мышления в традиционных категориях больших социальных групп – социальных классов, сословий или слоев» [8, с. 106–107];

3) современное общество является рефлексивным: происходящая рефлексивная модернизация радикально изменила взаимоотношения политики и науки. Так, живя в «кризисном обществе», люди могут осознать новые риски только с помощью научной экспертизы, научных расчетов, так как эти риски часто невидимы, неосязаемы (например, радиация), поэтому надо либо самим повышать свой уровень знаний, либо доверять ученым. Это значит, что больше нельзя положиться на обыденные знания, прежний опыт. Данное обстоятельство резко повышает статус естественнонаучного знания: оно втягивается в процесс принятия политических решений, хотя не всегда можно уверенно предвидеть последствия тех или иных рисков, а следовательно, и своих экспертных решений. Несовершенство и неполнота научного знания сами становятся причиной новых рисков и возможных катастроф.

В признании рискогенности современного общества заключается исходная позиция для понимания вызовов и угроз, возникающих перед человеком и человечеством в начале XXI в., и их существенного воздействия на сложные системы взаимосвязи человека, техники и окружающей среды. А противостояние этим новым рискам возможно только посредством совместных действий народов и государств на всех уровнях вплоть до глобального.

Современный человек неизбежно обречен на постоянное столкновение с различными индивидуальными угрозами и рисками на протяжении всей своей жизни. То же самое применимо к социальным институтам, общностям, включая современное государство, которое сталкивается с рисками и угрозами на международном уровне. По мнению У. Бека, мы живем в «обществе риска», находящемся в стадии перехода от первой фазы эпохи модерна ко второй его фазе [8, с. 9]. Иными словами, мы переживаем трансформацию индустриального общества в постиндустриальное, для которого необходимы иные теоретические схемы объяснения социальных изменений. Общество нуждается в новом научном языке для понимания того, что произошло, почему риск стал неизбежной частью нашей жизни. По мнению Э. Гидденса, Н. Лумана, У. Бека, нужна новая парадигма развития общества как парадигмы риска: только используя парадигму риска в качестве фрейма (т. е. новой рамки анализа), мы не будем ошибочно считать, что обществу удастся избежать тех или иных радикальных преобразований как на региональном, так и глобальном уровне.

Проблемы общества риска связаны с необходимостью предотвращения систематически возникающих в процессе модернизации разнообразных

опасностей для «нормального» функционирования общества, с ограничением разрушительных последствий уже реализованных в практике рисков. Так, У. Бек озабочен тем, чтобы в условиях научно-технических инноваций и глобализации общество сохранило экологические, медицинские, социальные нормы своего развития. При этом социолог отлично осознает неразрывное единство природы и окружающей среды. У. Бек подчеркивает, что «наша эпоха – конец противопоставления общества и природы. Нет природы вне общества, как и нет общества вне природы. В конце двадцатого века природа есть общество, а оно – также природа» [3, р. 81].

Немецкий автор подчеркивает, что опасности и риски стали неизбежными: это неотъемлемая часть современного развития, результат конфликтности современной социально-политической структуры, а также особенность научно-технического развития. Обществу ничего не остается, кроме как признать рискогенный характер своего развития и попытаться не только своевременно обнаруживать новые риски и угрозы, но и управлять рисками, минимизировать их, отыскивать способы их разрешения [8, с. 23].

Анализируя рискогенность современного общества, западные авторы выделяют несколько аспектов, которые в полной мере применимы и к системе взаимодействия человека с окружающей его средой (и первой, природной, и второй, техногенной): 1) риски, продуцируемые высоким уровнем развития производства (радиоактивные отходы производства, вредные вещества, загрязняющие среду обитания, генно-модифицированные продукты). Эти риски зачастую остаются неизвестны широким слоям населения, а иногда и общественности: о них знают те эксперты, которые связаны с этими производствами и поэтому не заинтересованы в обнародовании информации о данных рисках; 2) риски модернизации (они зачастую непредсказуемы, а потому их нельзя рассчитать). От этих рисков никто не защищен: богатство не спасает от экологических и технических катастроф; 3) цивилизационные риски, связанные с экономическим и техническим развитием современного общества и желанием масс больше потреблять, не задумываясь об ограничениях, обусловленных необходимостью бережного отношения к природным богатствам; 4) риски, связанные с неразвитым сознанием, с малой степенью осознанности рискогенной ситуации и незнанием путей решения проблем; 5) рост антиглобализма как потенциальной угрозы политических рисков. Акцент лишь на научно-технических решениях накопившихся проблем может привести к политическим либо экологическим катастрофам, реорганизации власти. Все это в совокупности и означает у Бека, что общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его «нормальным» постоянным состоянием грозит стать чрезвычайное положение, а безопасность общества – главной ценностью [8, с. 27].

Системное взаимодействие техники, человека и экологии подчиняется тем же законам, по которым развивается современная глобальная цивилизация. Это означает, что в рамках этой сложной системы неизбежны кон-

фликты, риски, угрозы: без них нет современного развития. Избавиться от них невозможно. Однако надо пытаться их прогнозировать, минимизировать разрушительные последствия, даже управлять рисками. Это касается и каждого отдельного агента системного взаимодействия, и действия этой сложной системы в целом. Ключевым компонентом данной системы должен стать человек, осуществляющий рефлекссию по поводу модернизационного развития общества.

Бек также обращает внимание на рост отходов в обществе риска: для него это одна из характеристик современного общества. Рост отходов в обществе означает и возрастание в нем энергии распада, так как к отходам можно относить и товары, и людей, выброшенных из мира конкуренции в «человеческие отходы», лишенные психологической и социальной поддержки. Особую роль при этом играет социальная среда.

Практически сходные идеи о современном обществе в начале 1990-х гг. высказывал и Э. Гидденс, творческое сотрудничество Бека с которым воплотилось в разработку обоими учеными в 1990-е гг. проблем глобализации [9]. Как и в вопросах риска, Бек проявляет в оценках глобализации умеренный оптимизм, оказавший влияние на общий тон дебатов о рисках в обществе модерна в 1990-е гг.

Немецкий социолог Никлас Луман также не оставил без внимания лавинообразный рост рисков в современном обществе. Его теория риска связана с критикой, которую он дает рациональности современного общества. Н. Луман считал, что социология должна поставить вопрос о том, «как общество объясняет и выправляет отклонение от нормы, неудачу или непредвиденную случайность. Эта темная сторона жизни, этот груз разочарования, когда ожидания ни к чему не приводят, должны стать более очевидными, чем сильнее наша надежда на нормальный ход событий». Таким образом, социология должна включить все стороны риска в предмет своего исследования, более того, попытаться найти объяснения исследуемым рискам и отклонениям от нормы. Н. Луман пишет: «Объяснение нарушения не может быть оставлено на волю случая: необходимо показать, что это нарушение имеет свой собственный порядок, так сказать вторичную нормальность. Таким образом, вопрос, как объясняются и как обходятся несчастья, содержит значительный критический потенциал — критический не в смысле призыва к отрицанию общества, подверженного несчастьям, а критического в смысле обострения обычно неочевидной способности проводить отличия. Дело заключается скорее в том, что мы можем познать нормальные процессы нашего общества, изучая, как общество пытается осмыслить свои неудачи в форме риска». Риск является обратной стороной нормальной формы, и «только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы и можем распознать ее как форму» [10, р. VIII].

Н. Луман рассматривает риски также сквозь призму бедствий и опасностей. Он акцентирует внимание на восприятии рисков, что, по его мне-

нию, является не психологической, а социальной проблемой, поскольку в современном обществе на первый план выдвигаются вопросы о том, кто принимает решения и каким образом риск можно рассчитать, поскольку к вопросам о восприятии риска и его оценке добавляется проблема «выбора рисков», детерминированная социальными факторами [6, с. 211]. По мнению Лумана, современное общество способно понять, какие изменения вызываются его собственными структурами и какого рода последствий можно ожидать от этого в будущем. В таких случаях минимизация рисков зависит от принимаемых нами решений. Будущее — это форма вероятности, поэтому современное общество переживает свое будущее, беря на себя риск принимаемых сегодня решений.

Если же общество привыкает к жизни в экстремальных, мобилизационных условиях, каждодневная борьба за выживание создает в нем чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска. В такой ситуации необходимо огромное количество коллективных усилий, чтобы привести его к уровню, на котором жизнь будет вновь восприниматься нормальной, а не продуцирующей все новые риски.

В теории общества риска английского социолога Э. Гидденса риск выступает «ключом к пониманию базовых характеристик современного мира» [4, с. 17]. Гидденс выделяет два вида риска: 1) внешний по отношению к обществу, связанный с объективными законами природы; 2) производный, создающийся деятельностью человека. В сложных системах, где взаимодействует человек и техника, могут иметь место риски обоих видов, слияние которых резко усложняет возможность их понимания и регулирования.

Гидденс назвал современное общество «поздним модерном» и в качестве его основных характеристик указал на неопределенность, непостоянство, нестабильность. Для выживания в таких условиях каждый человек должен стать более динамичным, а социальная политика государства — более гибкой. Гидденс подчеркнул, что развитие современного общества может привести к непредсказуемым последствиям.

Не все ученые согласны с утверждением о том, что человечество не сможет достоверно и в полном масштабе предвидеть и предотвращать новые риски хотя бы в будущем. Однако начало XXI в. — события 11 сентября 2001 года в Америке, всплеск международного терроризма, последовавшие за этим американские военные акции в Афганистане и Ираке — эти события подтвердили правоту рискогенного подхода. Угрозы разного рода и вызовы современной эпохи предельно обострились, более того, они вселяют панику и ужас в сознание многих людей во всем мире. Так, сегодня перед лицом терроризма гражданское население обнаружило, что оно находится в ситуации риска, и поэтому будет требовать от государства более эффективных ответов на риски [11].

Конечно, риски существуют в любом обществе, однако по мере развития научно-технического прогресса потенциальная угроза социуму от взаи-

модействия человека и техники возросла. В традиционном обществе риски были преимущественно связаны с факторами природного характера (природные катаклизмы, неурожай, эпидемии). В эпоху индустриализации к ним добавились новые риски, создаваемые активностью человека в сфере производства (главным образом, ее ошибками). В индустриально развитом обществе производство богатства также ведет к возрастанию рисков (в том числе в функционировании человеко-машинных систем), которые могут вызвать рост неравенства и новые социальные конфликты, подорвать демократию и т. д. [12]. Серьезные просчеты в функционировании современных социально-технических систем расшатывают общественный порядок. Пример тому — Чернобыльская катастрофа, проявившаяся вначале как «техническая проблема», спровоцированная «человеческим фактором» (ошибками в работе персонала, обслуживающего атомную станцию). Эта авария внесла существенный вклад в развал всей советской социально-политической системы, так как обнажила многие ее слабые места и продемонстрировала неспособность системы к саморазвитию в условиях нового этапа НТР, роста глобальной конкуренции. Авария на Фукусиме была связана с природными катаклизмами, а также с ошибками в расчетах рискостойчивости станции, заложенных в проект людьми.

Важный аспект «общества риска», который поднял У. Бек, касается также связи рисков с информацией о них. По его мнению, сам по себе риск не означает катастрофу. Риск — это ожидание катастрофы. Риски — это проецирование будущего в настоящее, тогда как подлинный характер будущих катастроф в принципе неизвестен. Без техник визуализации, символических форм, средств массовой информации риски ничего собой не представляют. Таким образом, глобальные риски — это в действительности риски, созданные СМИ в глобальном масштабе. Поэтому контроль над СМИ очень важен для предотвращения паники, страхов по поводу возможных катастроф, которые могут никогда и не произойти. В социологическом и политическом смысле СМИ провоцируют массовое ожидание разрушений и бедствий, и тем самым массовые действия, которые сами по себе приводят к всевозможным потрясениям на уровне национальных и международных институтов и в повседневной жизни. С политической точки зрения глобальные риски создают глобальное общественное мнение, мобилизующее людей, невзирая на любые границы — государственные, религиозные, этнические и т. п.

Еще один аспект рисков в современном обществе отмечает польско-британский социолог З. Бауман. По его мнению, рост открытости современного общества предоставляет его членам невиданные раньше возможности для жизнедеятельности. Однако вместе с новыми благами новое общество несет в себе новые риски и опасности. Бауман раскрывает эти опасности, обращаясь к концепциям глобализации и миграции. Он пишет, что создается новый мировой беспорядок: «В образе мирового беспорядка отразилось

внезапное осознание... по сути стихийной и случайной природы вещей, которые ранее, казалось, находились под жестким контролем или хотя бы «технически поддавались контролю» [13, с. 86].

В условиях глобализации наступает конец безопасности для национальных культурных ценностей, которую раньше, в эпоху индустриального модерна, создавали государственные границы. Речь здесь идет не только об огромном числе иностранных культурных артефактов, свободно пересекающих теперь государственные границы. Проблема в том, что благодаря свободному передвижению товаров и людей усложняется сама жизнь: все в ней приходит в движение и приобретает элемент неупорядоченного хаоса, порождающего невиданные ранее парадоксы и амбивалентности. Образ жизни людей становится рискогенным в условиях всеобщих перемен: самые разные культуры свободно функционируют в одно и то же время, подрывая традиции и прежние нормы жизни, производя и умножая количество различных субкультур. Значительную лепту в создание этого культурного хаоса и разнообразия вносят процессы неконтролируемой миграции: эмигранты привозят с собой не только свои субкультуры, но и формы криминального поведения и девиантности. Таким образом, открытость общества приносит множество ненамеренных побочных эффектов, которые Бауман считает негативной стороной глобализации. К ним он также относит растущую обеспокоенность населения своей уменьшающейся безопасностью, сопровождающуюся новыми страхами человеческой незащищенности, мировым беспорядком (и политическим, и экономическим), дерегуляцией социальной жизни и ростом глобального беззакония (2004). Чтобы как-то уменьшить свои страхи и риски, люди стараются надежно оградить себя от вторжения нежелательных воздействий и других людей, не принадлежащих к «их» сообществу. Так возникает феномен «жизни за забором», который усиливает одиночество людей, ограждает их от «чужаков», разделяет общество на замкнутые группы, но который не может реально освободить от рисков и опасностей [13, с. 109].

Теории общества риска всесторонне показывают, что современное общество по своей природе рискогенно и потому не дает возможности избежать всевозможных рисков. Развитие человека и общества позволит лишь заранее предвидеть сложности современных рисков, внести вклад в их минимизацию, но не элиминировать риски — ни собственно технические, ни человеческие и экологические. Человечество обречено на постоянное существование в рамках риска. Остается понять эту закономерность и строить человеческую деятельность с ее учетом.

Неотъемлемой чертой общества риска является рефлексивность, т. е. способность осознавать складывающуюся ситуацию, видеть ее как бы со стороны, осмысливать появляющиеся возможности развития и условия, необходимые для следования тем или иным путем. Без развития рефлексивной способности общества было бы очень трудно отыскивать, определять

пути дальнейшего существования человечества. Именно данная способность к рефлексии позволяет сохранить человечество на базе признания и упрощения таких базовых экологических ценностей, как признание самоценности природы, бережное отношение к ее многообразию, умеренность в потреблении природных богатств и т. п., отказ от которых был бы равносителен самоубийству. Однако их глубокое осознание, тем более принятие практических шагов по укреплению данных ценностей, пока еще представляются скорее желаемым, нежели осуществленным действием. Человечество достигло пределов использования природных ресурсов, оно подвластно множеству рисков, и главное теперь — не потерять время и трансформировать модус существования в рамках парадигмы рисков.

У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш, Э. Тоффлер и другие авторы многое сделали для широкой популяризации идей парадигмы риска. Главная их заслуга в том, что они не только провели глубокий анализ новых рисков, но и осмыслили их в новых теоретических рамках, которые способствовали неизбежности поиска более эффективных социальных акторов на глобальной арене для коллективного противостояния рискам, а также для обеспечения выживания человечества в рискогенных условиях.

В условиях начавшегося в первой декаде XXI в. кризиса и продолжающегося экономического застоя теория общества риска У. Бека была принята в Германии многими специалистами как методология, на основе которой разрабатываются модели и подходы исследования рисков и неопределенностей в разных сферах общества. Так, Й. Беккерт исследует экономические неопределенности финансовых рынков; В. Штик и К. Дойчман — изменения институциональной структуры при экономическом кризисе, поведение экономических акторов в условиях неопределенности. В качестве других «зон риска» анализу подвергается современная модель германского государства, сфера религии (в частности, ислам рассматривается некоторыми социологами как потенциальная угроза интеграции германского общества), экология и изменение климата (широко обсуждается концепция «углеродного общества»). Механизмами сдерживания ненадежности считаются образование, общественность, негосударственные общественные организации, христианская религия (при условии ее внутренней толерантности к другим конфессиям), различные культурные объединения: все эти институты активно исследуются в германской социологии.

Библиографические ссылки

1. *Mauro F. G.* Is Globalization Civilizing, Destructive or Feeble? A Critique of Five Key Debates in the Social Science Literature // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27.
2. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture* / D. Held [et al.]. Cambridge : Polity Press, 1999.
3. *Beck U.* Risk Society. Toward a New Modernity. London : SAGE, 1992.

4. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004.
5. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford : Stanford University Press, 1994.
6. Луман Н. Теория общества // Теория общества : сб. / под общ. ред. А. Ф. Филиппова. М. : КАНОН-пресс-Ц, 1999.
7. Яницкий О. Н. Россия: риски и опасности «переходного общества». М. : Ин-т социологии РАН, 1998.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
9. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
10. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N. Y. : Walter de Gruyter, Inc., 1993.
11. Staples W. G. Everyday Surveillance. Vigilance and Visibility in Postmodern Life. 2nd ed. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield, 2014.
12. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : Изд-во АСТ, 2002.
13. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004.

2.2. ПОСТМОДЕРН КАК ТЕКУЧАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Польско-британский социолог Зигмунд Бауман — один из известнейших социологических постмодернистов современного этапа социологии. Социологический постмодернизм — совокупность способов осмысления общества постмодерна, т. е. этапа развития капитализма, пришедшего на смену первому (индустриальному) и второму (рефлексивному) модерну. Эти приемы и способы осмысления и интерпретации постмодерна нашли выражение в концепциях и парадигмах, основанных на отказе от внешней принудительной каузальности, от привычных представлений о пространстве и времени, от всякой определенности относительно социальной реальности, которая теперь мыслится как набор символов. Представители постмодерна придерживаются идеи множества типов модернов и постмодернов, а также считают, что приход постмодерна не означает исчезновение модерна: эти типы общества могут сосуществовать.

В концепции общества постмодерна Бауман дал собственное определение постмодерна, сущность которого он определил как *текучесть* [1]. Бауман показал, что общественное сознание на этапе постмодерна не ориентировано на поиск истины и достижение стабильности. В отличие от прежнего общества модерна, в обществе постмодерна все реалии стали относительными, неопределенными, или, как говорит Бауман, текучими; и задача социолога, проводящего анализ общества в русле постмодерна, состоит в том, чтобы проявить свое искусство интерпретации этой новой

ситуации. По мнению Баумана, причины и возможности такого поворота были заложены в амбивалентности идей, составляющих основу модерна: данный тип общества изначально имел как позитивные, так и негативные аспекты, определяющие его природу [2]. Многие идеи в работах З. Баумана имеют сходство с идеями У. Бека о рисках и индивидуализации [3], Э. Гидденса о позднем модерне и глобализации [4], травме (П. Штомпка), однако его исходная точка рассуждений другая. З. Бауман начинает анализ современности с феномена холокоста, т. е. массового убийства нацистами евреев в годы Второй мировой войны. Холокост положен им в основу анализа проблем современности и интерпретации перехода от модерна к постмодерну. Именно опубликованная Бауманом в 1989 г. книга «Модерн и холокост» принесла ему широкую известность [5].

Трактовка геноцида состояла в том, что массовые убийства евреев немцами, осуществленные индустриальными методами, — это не случайность и не немецкая проблема антисемитизма, не последствия развития позднего капитализма; холокост — это побочный продукт движения общества модерна к радикально планируемому и управляемому миру, к однозначности, ясности и порядку в представлении о «лучшем обществе». В основе геноцида, осуществленного из стремлений к идеальному обществу, лежали идеи Просвещения, которые утверждали возможность совершенствования природы и управления ею, вплоть до «очистки» общества от «ненужных» элементов. По мнению Баумана, геноцид — последовательное воплощение в политику и практику нацизма идей цивилизации модерна и эпохи Просвещения.

В своих работах об эпохе модерна З. Бауман делает акцент на негативных аспектах этого типа общества, в чем примыкает к пессимистической неомарксистской традиции М. Хоркхаймера и Т. Адорно, лежащей в основе их известной работы «Диалектика Просвещения». Возведя холокост в ранг мирового феномена и связав его с природой общества модерна, Бауман тем самым преуменьшил роль нацизма и конкретно-исторического контекста Европы 1930-х гг., которые во многом обусловили геноцид. Поэтому мрачные представления З. Баумана о современности основаны на теоретическом фундаменте его трактовки модерна и холокоста как ее логического проявления. В трактовке Баумана негативные стороны развития модерна перечеркнули или почти затмили его позитивные стороны. Отсюда — его неверие в нравственный прогресс человечества, а как следствие — утверждение, что мы должны постоянно жить с двойственностью модерна, неоднозначностью, проявляющейся и в этике. Мораль вообще объявлена личным достоянием, не зависящим от социальной системы.

Как и У. Бек, З. Бауман признает рост индивидуализации в обществе, считая, что последствия этого явления негативны. Экспансия рынка привела к росту неопределенностей и превратила граждан в потребителей. Если типичными лицами эпохи модерна были солдат и производитель, то в эпо-

ху постмодерна — это турист и потребитель. Турист, который быстро меняет свое местоположение, ни к чему не привязываясь, — типичный образ текучей современности, это реакция на нестабильность социальных структур постмодерна и амбивалентность культуры постмодерна. Диагноз текучести обесценил нашу жизнь, привязанности, стабильность в целом. В сущности, общество постмодерна поменяло нашу жизнь и ценности, по утверждению Баумана, и человек ничего не может изменить. Остановимся подробнее на постмодернистской теории Баумана о текучей современности.

Бауман дает описание текучей современности, характерной для общества постмодерна. Она отличается тем, что в ней постоянно происходят изменения, доминируют средства массовой информации и их продукты, имеет место плюрализм культур, ценностей, норм жизни, и при этом отсутствуют любые властные универсалии. В конечном счете, как и у Бодрийера, современность у Баумана — отсутствие реальности, ибо все в ней представляет собой лишь символы. Метафора «текучая» подчеркивает, что ничто в этом обществе не является стабильным, связанным определенным пространством и временем; все легко перемещается в пространстве и становится недолговечным. Бауман утверждает: «В настоящее время не хватает именно таких паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться. Это означает, что теперь мы переходим из эры заранее заданных “референтных групп” в эпоху “универсального сравнения”, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергаться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [1, с. 13].

Столь же текучей и размытой в обществе постмодерна становится мораль. В текучем обществе люди не могут быть плохими или хорошими: они морально амбивалентны. Сама мораль также неустойчива и амбивалентна, поэтому моральные конфликты вообще неразрешимы — ведь твердые моральные принципы отсутствуют. Нет ни общей универсальной человеческой морали, ни рационального порядка, ни морального контроля. Мораль трансформируется в этическую систему, которая регулирует межличностные взаимодействия, хотя люди и обречены жить с неразрешенными моральными дилеммами.

Квинтэссенция концепции Баумана о постмодерне — сравнительная характеристика общественного сознания двух эпох: модерна и постмодерна. Главная отличительная черта постмодернистского сознания — его рефлексивность, критическое отношение ко всему — к окружающему миру, себе, своим идеям, действиям, а социологов-постмодернистов — к своим интерпретациям современности. По мнению Баумана, такое сознание позволяет индивидам освободиться от власти структур, которые господствуют в обществе модерна и предопределяют жизненные ориентиры граждан этого

общества. Постмодернистское сознание позволяет индивидам выйти также за пределы влияния социальных структур. Данные обстоятельства дают возможность индивидам лучше реализовать свой интеллектуальный потенциал независимо от их социального происхождения, что было невозможно в обществе модерна.

Как и у других представителей постмодернизма, у З. Баумана общественное сознание постмодерна не ориентировано на поиск окончательных истин. Более того, постмодернисты утверждают, что нужен новый (текущий) стандарт истины, поскольку она всегда относительна. То, что сегодня представляется истиной, завтра может быть заменено другим утверждением. Поэтому и сознание теперь краткосрочное, изменчивое, в отличие от сознания эпохи модерна, которое было ориентировано на длительную перспективу.

В качестве примеров текущей современности Бауман рассматривает изменения, произошедшие в области труда. Средний американец в течение трудовой жизни смещает как минимум одиннадцать рабочих мест, причем каждое новое место соответствует более высоким уровням ожиданий. Гибкость — это новый лозунг на рынке труда, означающий переход к работе по краткосрочным контрактам либо вообще без контракта, т. е. к непостоянной работе без всяких гарантий. Такого же рода изменения происходят и в сексуальной сфере. Брак «на всю жизнь» исчез: его заменила череда сменяемых браков, создаваемая и прекращаемая по первому желанию партнеров. Брак стал временным, краткосрочным институтом, как и труд. В сфере формирования идентичности тоже произошли изменения: каждый может обретать ту идентичность, какую он хочет; однако проблема состоит в том, чтобы понять, какую же идентичность будет выгодно принять в конкретный момент времени, и как не ошибиться в ее смене, если принятая ранее идентичность потеряет свою ценность в глазах ее носителя.

Бауман показывает, чем этика поведения в эпоху модерна отличается от этики в эпоху постмодерна. Если раньше интеллектуалы стремились контролировать мир и управлять им, покорять природу рационально, то постмодернисты стараются разрушить контроль над природой, понимая, что он уже невозможен в современном мире текучести. Если в обществе модерна интеллектуалы отличались четкими рациональными суждениями, могли делать «единственно правильный» выбор между разными мнениями, формировать моральные суждения, имеющие универсальную ценность, то в обществе постмодерна на смену таким интеллектуалам пришли «интерпретаторы», которые уже не ищут никаких истин, а просто обеспечивают коммуникацию между разными сообществами путем доходчивого доведения идей одного сообщества до другого, адаптации знаний без потери его смысла.

Бауман полагает, что постмодернистское мышление толерантно, поскольку оно признает амбивалентность знания, морали, суждений и мнений. Любое из них имеет право на существование, так как различия мнен-

ний и суждений признаются естественными и необходимыми в текучей реальности.

Подобно Бодрийяру, Бауман утверждает, что в условиях текучей современности огромное влияние приобретает виртуальная реальность, состоящая из симулякров. Уже не люди, а коды сигнификации определяют, что именно люди должны хотеть, потреблять, делать в жизни.

Общество потребления, или современный этап развития постмодерна, сфокусировано на потребительстве. Тем самым оно продуцирует различия во всех сферах жизнедеятельности людей, их образе жизни, культуре. «Эти различия столь глубоки и многообразны, что с полным основанием позволяют утверждать: мы живем в обществе, имеющем самостоятельный, своеобразный характер — обществе потребления. Потребитель общества потребления резко отличается от потребителей во всех других ранее существовавших обществах» [4, с. 117]. Потребление занимает теперь решающую роль, которую раньше в жизни людей играла работа. Потребительство стало неотъемлемым атрибутом постмодерна, а погоня за новыми объектами потребления, диктуемая кодами сигнификации, — смыслом существования.

Возникает так называемый *потребительский синдром*: в условиях текучего модерна фактор новизны потребления приобретает наивысшую ценность. Потребительский синдром порождает в людях неудовлетворенные желания бесконечного потребления, так как конечной точки насыщения просто не существует. В результате господства потребительства, по утверждению Баумана, в текучей современности формируется новый социальный тип «человека выбирающего». Квинтэссенция потребительского синдрома — это скорость, с которой делаются покупки, доступ к товарам, затрата финансовых средств и немедленное желание делать это снова.

Для текучей современности, по мнению Баумана, характерен также «эффект бабочки», т. е. невозможность предсказания дальнейшего поведения современности как сложной системы с многими независимыми переменными. Система настолько усложнилась, что стала непредсказуемой не по причине человеческой некомпетентности, а из-за сложнейшей природы самой системы. Поэтому Бауман говорит, что будущее современного мира — это «великое неизвестное», которое останется таковым, что бы мы ни делали.

Создавая свои работы об обществе постмодерна, Бауман использует форму эссе, что в целом адекватно теоретизированию в рамках постмодерна. Характеризуя это общество в целом, а также подробно анализируя ряд его деталей, Бауман ставит больше вопросов, чем дает на них ответов. В этом также проявляется подход социолога-постмодерниста: социум становится слишком сложным, время простых и линейных решений ушло в прошлое, новые решения должны быть так же сложны, как и сама современность, однако текучесть, постоянная изменчивость последней делает невозможным найти истины, которые были адекватны для теоретизирования эпохи модерна.

Библиографические ссылки

1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.
2. *Bauman Z.* Modernity and Ambivalence. Ithaca : Cornell University Press, 1991.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
4. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004.
5. *Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Ithaca : Cornell University Press, 1989.

2.3. МАКДОНАЛЬДИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Джордж Ритцер – американский социолог, автор многих учебников по истории классической и современной социологии, которые переведены на разные языки мира, включая русский. Он является заслуженным профессором социологии в университете штата Мэриленд, США.

Как теоретик современности Дж. Ритцер прославился тем, что издал несколько социологических бестселлеров по проблемам современного общества в эпоху глобализации. Первой концепцией, принесшей Ритцеру известность, стала теория *макдональдизации* общества [1], которая позднее переросла у него в современную парадигму рациональности [2], адекватную рефлексивному модерну и постмодерну, которую он далее включил как составную часть в общее теоретизирование о глобализации. Тем самым он поставил свою парадигму на один уровень с другими парадигмами современности. Метафорическое утверждение Ритцера, взятое за основу его парадигмы, а именно идея, что современное общество развивается по модели ресторанов МакДональда, очень быстро распространилась не только среди профессионалов-социологов, но и в массовом сознании Запада. Созданный Ритцером новый термин «макдональдизация» широко используют сегодня для характеристики культуры и общества в целом в эпоху постмодерна. *Макдональдизация* – это процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают проникать в другие сферы общества, затрагивая не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, политику, семейные отношения и т. д.

Сама идея макдональдизации как рационализации современной жизни является развитием классической теории Макса Вебера о рационализации современного общества и его культуры. В книге «Макдональдизация общества» Ритцер следует веберовской традиции использования метафор в выстраивании точной характеристики этих процессов. Если М. Вебер взял идею «железной клетки» для художественного обозначения им рациональных правил и норм, которым должен следовать в обществе человек, то Дж. Ритцер применяет в тех же целях идею МакДональда. Он считает, что рестораны быстрого питания, изобретенные МакДональдсом и носящие его

имя, являются наилучшим примером современных форм инструментальной рациональности и тех иррациональных и пагубных последствий, которые они оказывают на людей.

Ритцер выделил четыре принципа макдональдизации, используемые для этих целей: эффективность, калькулируемость, предсказуемость и контроль, которые одинаково эффективно применяются для управления в различных областях жизни в современном обществе.

Разрабатывая парадигму макдональдизации, Ритцер анализирует сотни примеров макдональдизированных социальных практик, характерных для современного общества. Он показывает, что, будучи социально и культурно востребованным типом рациональности, эти социальные практики стали быстро распространяться, приобретая все новые и новые формы. В совокупности такие практики адекватны современным микросоциальным практикам людей. В них одновременно присутствуют элементы *эффективности, калькулируемости, предсказуемости и контроля*. Как полагает Ритцер, по этим четырем параметрам можно измерить макдональдизацию, где бы она ни имела место.

Под *эффективностью* имеется в виду оптимальный метод продвижения от одного места к другому. Ресторан Макдональдс как раз и предлагает посетителям самый *эффективный* из имеющихся путей от голода к сытости. В обществе с увеличивающейся социальной мобильностью, в котором люди постоянно перемещаются с места на место, эффективность быстрой еды, часто не выходя из машины, не может не быть привлекательной. *Калькулируемость* акцентирует *количественные параметры* предлагаемых товаров и услуг (размер порций и их стоимость, затраты времени). В макдональдизированных системах *количество* стало эквивалентом качества: быстрая доставка, по существу, означает *хорошая, качественная* доставка. Аналогично большее значит *лучшее*. *Предсказуемость* предполагает, что товары и услуги будут одинаковыми, независимо от времени и места, когда и где они предлагаются. Успех принципов работы ресторана быстрого обслуживания состоит в том, что люди испытывают комфорт от того, что в столь *хаотичном* мире на его *локальном* уровне есть фактор *порядка*. *Контроль* осуществляется посредством технологий, в которых *отсутствует либо* сведен к минимуму *собственно человеческий фактор*. Кроме того, контролируется время, затрачиваемое на обслуживание клиентов: ограниченное меню, небольшой выбор, неудобные жесткие сиденья – все это заставляет посетителей *быстро* употреблять пищу и уходить.

Такова в общих чертах суть макдональдизированной рациональности. Во всех этих случаях четко прослеживаются атрибуты рациональности – эффективность, калькулируемость, предсказуемость и контроль. Однако наряду с этим имеет место и *дегуманизация человеческих отношений*, суть которой Дж. Ритцер называет проявлением *иррациональной рациональности*.

Следующая теория, которую развивает Ритцер, связана с влиянием на его творчество идей Ж. Бодрийяра, которые прекрасно вписались в его собственную концепцию макдональдизации общества. Так была создана обновленная теория потребления — *просьюмеризм* (слияние produce — производить и consume — потреблять) [3, р. 13–36]. В начале XX в. Ритцер развил новое понимание термина «потребление» и показал неразрывную связь процесса потребления с процессом производства (заметим, что эти же идеи высказывал чуть раньше Алвин Тоффлер). Ритцер считает, что уже в примитивном обществе эти процессы (производство и потребление) совпадали, а в веке нынешнем человечество якобы вновь возвращается к тому, что часто само потребление товара или знания требует некоторого участия потребителя в его производстве (или поддержании, воспроизводстве). Так, кредитные карты и их широкое использование превратили сегодняшнее общество в «глобальное общество кредиток» — термин, который, с его точки зрения, прекрасно описывает Америку конца XX — начала XXI в. Работа в Интернете (действия пользователей в Фейсбуке, соучастие в создании статей Википедии, общение в блогах и т. п.) — прекрасные современные примеры потребления. Ритцер делает вывод, что любую современную экономическую активность можно рассматривать, отыскав ей место на шкале, полюсами которой являются производство, с одной стороны, и потребление — с другой.

Дж. Ритцер широко известен и как критический аналитик глобализации. В ряде своих произведений он подробно рассмотрел сущность этого процесса, его составные компоненты, раскрыл саму природу глобализации и описал ее воздействие на разные стороны жизни современного общества. Можно выделить несколько отдельных теорий, которые в своей целостности дают представление о критических взглядах Ритцера на глобализацию.

В начале XXI в. Ритцер создал теорию «*глобализации ничто*» (т. е. того, что не существует, чего нет). Этой концепции посвящена его работа «Глобализация ничто» [4]. Согласно данной теории, глобализация формализирует все социальные отношения, превращает в симулякры и эти отношения, и вещи, и людей, создает артефакты, за которыми — пустота. По сути дела, Ритцер критикует современное потребительское общество и те отношения между людьми, которые в нем складываются. Он считает, что эти процессы, разрушающие общество, невозможно остановить, так как они распространились по всему земному шару.

Остановимся на концепции глобализации ничто, где «ничто» противопоставляется «нечто», т. е. симулякра противопоставляется чему-то реальному, что ранее имело место, а теперь лишь служит референтом для описания социальной пустоты, характерной для современных процессов развития. Как считает Дж. Ритцер, на характер макдональдизированных практик влияют два взаимосвязанных процесса — *глобализация* и *глокализация*. По мысли социолога, если глобализация производит «*ничто*», то глокализация — «*нечто*».

Под «*ничто*» социолог понимает возникающие под влиянием процессов глобализации и десоциализации социальные формы, «лишенные определенного ценностного содержания», в которых человеческие отношения дегуманизируются. Ничто может выражаться в четырех типах десоциализированных реалий: *не-мест* (супермаркеты), *не-вещей* (футболка), *не-людей* (телемаркетологи) и *не-услуг* (деиндивидуализированные расчеты с помощью кредитной карты), т. е. в них, по существу, отсутствует характерный ценностно-культурный компонент. Эти новые формы отчуждения стали весьма актуальны в современном обществе. При этом *ничто* сосуществует с «*нечто*» — специфическими для конкретной культуры социальными формами. Если *ничто* — «пустые социальные формы», то «*нечто*», напротив, — та социальная форма, которая характеризуется конкретным ценностным содержанием.

«Ничто» и «нечто» существуют только в единстве, в континууме, представляя его противоположные полюса. Соответственно, Ритцер анализирует четыре пары континуума дегуманизированных — гуманизированных отношений: не-места — места, не-вещи — вещи, не-люди — люди, не-услуги — услуги.

В целом Ритцер рассматривает глобализацию как всемирно возрастающий процесс интеграции и взаимозависимости обществ и культур. Природу этого процесса можно понять через концепты потребления товаров и услуг, глобализацию ничто, глокализацию, а также гробализацию [4, р. XIII].

Глокализация — это комбинация двух слов, глобализация и локализация, которая используется для описания продуктов или услуги, созданных и распространенных глобально, но также имеющих форму, приспособленную для пользователя или потребителя на локальном рынке. В связи с этим продукты и услуги, или результаты глокализации, разнятся в зависимости от их разного местоположения. Местные жители способны воздействовать на свою собственную ситуацию в мире и становиться креативными агентами по вопросам, какие продукты и услуги должны быть представлены на их местном рынке в рамках глокализированного мира. Ритцер объясняет глокализацию как относительно благоприятный процесс, который способствует созданию многообразия и гетерогенности в обществе.

Гробализация — еще один новый термин, изобретенный Ритцером как сочетание двух разных терминов, каждый из которых употребляется самостоятельно. По его мнению, глобализация состоит из глокализации и гробализации. Гробализация характеризует «империалистические амбиции наций, корпораций, организаций и т. д. и их желание, а на самом деле потребность в навязывании себя в самые различные географические регионы» [4, р. 73]. Будучи оппозицией к глокализации, гробализация имеет целью «подавить локальное». Ее конечная цель состоит в получении прибыли, которая будет расти через одностороннюю гомогенизацию, получившую наименование гробализации. Капитализм, американизм и макдональдизация являют-

ся составными частями глобализации. Таким образом, три движущие силы глобализации — это капитализм, макдональдизация, американизация. Глобализация создает мир, в котором:

- 1) вещи стали более гомогенными и вездесущими;
- 2) более крупные силы уничтожили способность людей к адаптации и инновации, которые сохранили бы их автономию;
- 3) социальные процессы являются принудительными, определяющими действия локальных сообществ;
- 4) потребительские товары и средства массовой информации стали ключевыми факторами, в огромной степени определяющими природу индивида и групп, в которые входит индивид.

В качестве примера глобализации Ритцер приводит американские учебники. Он пишет, что учебники ориентируют учащихся на рационализацию, макдональдизацию, коммуникацию информации (глобализация ничто). Учащиеся не в состоянии сравнить конкурирующие идеи по такому учебнику. Вместо этого они просто потребляют преподнесенную им в тексте информацию. В то же время такие учебники пользуются огромной популярностью во всем мире, при минимальной их переделке для подгона под любые местные стандарты.

Ритцер пишет, что глобализация и глокализация в совокупности рассматриваются как центральные процессы глобализации. Глобализация, в свою очередь, анализировалась в рамках трех ее ключевых subprocesses: капитализма, макдональдизации и американизации. Именно глобализация в целом и капитализм, макдональдизация и американизация в частности являются ключевыми силами в глобальном распространении Ничто. Хотя не существует каких-либо формальных отношений между глобализацией и Ничто, между ними есть родство: одно имеет тенденцию вызывать к жизни другое. С одной стороны, все расширяющийся глобальный рынок настаивает на больших количествах и огромном разнообразии Ничто, чтобы удовлетворить возрастающий спрос на него. С другой стороны, производство такого большого количества Ничто и требование, чтобы оно было прибыльным и успешным, приводит к нарастающему поиску все более отдаленных глобальных рынков для него. Намного легче глобализировать Ничто, чем Нечто; производство Ничто соответствует глобальному распространению. Глобализация внутренне экспансивна: она по определению ориентирована на рост, и глобальный рынок предлагает наибольшую возможную концентрацию экспансионизма. Намного легче продать пустые формы — Ничто, чем феномены, обремененные содержанием, — Нечто [5, с. 476–477].

Хотя капитализм, макдональдизацию и американизацию можно рассматривать как ключевые силы в глобализации Ничто, макдональдизация — самая чистая из них сила. Капитализм (как общее правило, он производит все, что прибыльно, включая Нечто) и американизация (ее продукты отражают американскую культуру) намного менее чистые силы, но они обе более су-

щественны, чем макдональдизация. В любом случае в реальности сложно провести различие между этими тремя процессами и результатом, который в реальном мире они взаимно усиливают. Например, Макдональдс как парадигма процесса макдональдизации является высоко успешной капиталистической фирмой, и он также тесно связан с американизацией.

Вышеперечисленное подразумевает, что основной фактор их роста – получение прибылей. Значительная часть глобализации объяснима требованиями современной капиталистической экономики.

Ключевая динамика глобализации характеризуется конфликтом между глобализацией и глокализацией. Эта точка зрения Ритцера отличается от общепринятого взгляда на глобальный конфликт, где глокализация противопоставлена глобализации. Однако, по Ритцеру, глобализация содержит внутри себя оба эти процесса и охватывает конфликтующие процессы.

Ритцер считает неверным рассматривать локальное как нечто незначительное в сравнении с глобализацией. Многое, о чем мы часто думаем как о локальном, в реальности глокально. *«Все тяжелее найти что-либо на свете, не тронутое глобализацией»* [4, р. 31]. Основная альтернатива во все большей части мира – это выбор между тем, что внутренне и глубоко глобализировано, т. е. глобализацией, и тем, где смешиваются глобальное и остатки локальных элементов, т. е. глокализацией. Это подразумевает практически полный триумф глобального по всему миру. Те, кто хочет противостоять глобализации, должны поддерживать другую главную форму глобализации – глокализацию – и действовать в согласии с ней. Хотя локальное в конце концов может быть обречено на полное поглощение силами глобализации и глокализации, то, что остается от локального, продолжает, по крайней мере в настоящее время, играть ключевую роль в мире в качестве источника как разнообразия, так и инновации.

Можно спорить, что мир идет ко все большему унищению, поскольку локальное падает в своем значении и, возможно, исчезает. Парадокс в том, что в то же время как глобализация приносит с собой не имеющее равного развитие в некоторых частях мира, она ведет к культурному унищению других, уменьшая или исключая роль их локального.

Ритцер подчеркивает, что хотя фокус его анализа экономический и культурный, «концепт глобализации достаточно силен, чтобы охватывать и политику, и военные вопросы. С распадом СССР Соединенные Штаты – верховная власть в мире, и сложно придумать им какого-либо серьезного соперника в этих областях. Глобализация – это подходящий термин, чтобы описать усилия США по распространению своей власти, как политической, так и военной, на весь мир» [4, р. 178]. Ритцер приводит примеры войны с Ираком (1991), вытеснение Талибана в Афганистане в 2001–2002 гг., войну, которая привела к свержению Саддама Хусейна и его режима в Ираке. Он заключает, что американизация – это часть глобализации, так как значительная доля политической и военной глобализации происходит из США.

Ритцер ставит вопрос: что можно противопоставить глобализации, как сохранить в мире локальное? Отвечая на этот вопрос, он пишет, что ничего, видимо, делать не надо, чтобы противостоять глобализации, потому что «именно глобализационная тенденция будет продолжаться и никакая нация (даже американцы), не говоря уже об индивидах (или малой группе), ничего не может с этим поделать» [4, р. 181]. Трудно представить себе обстоятельство (кроме глобальной катастрофы), которое привело бы к замедлению, остановке или повороту глобализации Ничто в противоположном направлении. С другой стороны, это тенденция с множеством положительных эффектов. В мире потребления становится больше вещей, доступных большему количеству людей по более низким ценам и часто — в величественных «кафедральных соборах потребления» благодаря глобализации Ничто. Большинству людей по всему миру нравится процветание Ничто, и те, кому еще предстоит испытать его, будут в восхищении от этого опыта. Конечно, есть и много людей, которые мало что выигрывают от глобализации и даже становятся ее жертвами. Однако, кажется, им не хватает власти разобраться с этим процессом в своей собственной стране, не говоря уже обо всем мире.

Идущая на глобальном уровне борьба между локальным, с одной стороны, и глобальным и глокальным — с другой, в высокой степени неравна; это борьба, которая выигрывается двойными силами глобализации. Практически вся власть — экономическая, маркетинговая, рекламная и т. д. — держится на силах, которые поддерживают глобализацию. На так называемом свободном рынке глобальное и глокальное стремительно уничтожают локальное. В результате должны предприниматься активные усилия для поддержания и подкрепления локального. Задача не в том, чтобы оттолкнуть мир на столетия назад в эпоху, когда локальное было практически всем для подавляющего большинства людей на планете. Задача — в сохранении хотя бы некоторых аспектов локального, чтобы люди могли сделать действительно рациональный выбор между локальным, глобальным и глокальным.

Библиографические ссылки

1. *Ritzer G.* The McDonaldization of Society. Newbury Park : Pince Forge Press, 1993.
2. *Ritzer G.* The McDonaldization Thesis: Explorations and Extensions. London : Sage, 1998.
3. *Ritzer G., Jurgenson N.* Production, Consumption, Prosumption. The nature of capitalism in the age of the digital 'prosumer' // Journal of Consumer Culture. 2010. Vol. 10, № 1.
4. *Ritzer G.* Globalization of Nothing. Thousand Oaks : Pine Forge Press, 2004.
5. *Ритцер Дж.* Глобализация ничто // Современная западная социология : хрестоматия / авт.-сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. Минск : Тесей, 2008.

2.4. МИР-СИСТЕМНАЯ ПАРАДИГМА: ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ

И. Валлерстайн известен в социологии прежде всего как разработчик мир-системного подхода, который был положен в основу авторского историко-социологического исследования развития цивилизации [1]. На этом основании российские авторы причисляют Валлерстайна к представителям исторической социологии и современным неомарксистам, поскольку он анализирует социально-экономические различия обществ и разделяет тезис о классовом противоборстве в современную эпоху. Однако, в отличие от Карла Маркса, И. Валлерстайн уделяет основное внимание надгосударственным мировым сообществам, отличающимся друг от друга характером разделения труда. Это и есть мир-системы: они состоят из обществ, которые находятся в состоянии противоборства, причем каждое из них имеет социально-экономическое, политическое и культурное отличие от других обществ этой мир-системы. На этом основании каждое такое общество стремится к доминированию внутри мир-системы. Согласно Валлерстайну, современный глобализирующийся мир состоит из мир-систем. В свою очередь, анализируемые под углом зрения доминирующего способа производства, они разделяются на миры-империи и миры-экономики [2].

Миры-империи основаны на политическом и военном господстве. Примером мир-империи является любая империя в истории человечества: Римская, Византийская, Российская, Оттоманская и т. п. Миры-экономики основаны на экономическом господстве, которое приходит на смену военному вместе с капитализмом. Такие миры-экономики более стабильны, чем миры-империи, поскольку они держатся на экономическом господстве и включают весь мир, т. е. являются глобальными сообществами. Валлерстайн пишет, что миры-экономики представляют собой огромные неравные цепи интегрированных производственных структур, разделенных многочисленными политическими структурами. Логика их существования заключается в том, что прибавочная стоимость неравномерно распределяется в пользу структур (государств), захвативших монополию на рынке. Социальное неравенство внутри современной мир-экономики покоится на международном разделении труда, на основании которого Валлерстайн разделил все государства на три группы; каждая из групп отличается своим политическим и экономическим статусом в рамках мир-экономики:

1) центр, или ядро мир-экономики. Центр включает самые развитые капиталистические страны, которые эксплуатируют весь мир благодаря высокому уровню в них капитализации и наличию высококвалифицированного труда. В этих странах управление рабочей силой осуществляется экономическими методами;

2) периферия, или сырьевые экономики «третьего» и «четвертого» мира. Здесь преобладает неквалифицированный труд, процветает эксплуатация рабочей силы и бедность;

3) полупериферия, включающая государства, находящиеся между центром и периферией, обладающие промежуточным статусом: недостаточное развитие технологической базы, политическая и экономическая зависимость от первой группы стран, отсутствие свободного рынка труда. В отношении рабочей силы применяются как экономические, так и политические меры принуждения.

Таким образом, в современной мир-системе поддерживается как экономическая эксплуатация, так и политическое неравенство, которое выходит за границы государств. Неравенство — условие существования мир-экономики, которая возникла только благодаря географической экспансии и колонизации, положившим начало неравному обмену между странами. Сегодня экономическое неравенство действует в глобальном масштабе, создавая глобальные классовые отношения между странами.

По мнению Валлерстайна, такие отношения эксплуатации и неравенства не могут существовать вечно. Сегодня, в условиях нарастания глобального кризиса, они могут вызвать рост классовой борьбы между указанными тремя группами стран. В ближайшие 50 лет эта борьба приведет к радикальным переменам и перераспределению мирового богатства. Однако когда это произойдет конкретно и каким будет новая конфигурация мир-экономики, т. е. в пользу каких стран нынешней полупериферии или периферии произойдет этот передел мира, Валлерстайн сказать не решается.

Таким образом, по мысли Валлерстайна, современный капитализм, или, точнее, современная спекулятивно-монополистическая капиталистическая экономика, привела всю нынешнюю мир-экономику к кризисному состоянию. Капитализм, развиваясь от рыночно-конкурентной к спекулятивно-монополистической форме экономики, сделал невозможным дальнейшее «нормальное» развитие всей системы мир-экономики. Вместо свободной конкуренции в ней развились политические формы подавления конкуренции, осуществляются спекулятивные авантюры, преобладает виртуальная форма финансового капитала, которая привела к новым противоречиям на глобальном уровне и подрывает основы существующей экономики мир-системы.

Рассматривая известную проблему «Запад против остального мира», Валлерстайн утверждает, что она устарела. Социальные науки нуждаются в иной методологии, позволяющей показать новую динамику отношений между Западом и остальным миром, включая Север и Юг, чтобы создать «плюралистический универсализм», включающий разные представления о социальном пространстве и времени, о различных регионах, и позволяющий найти новые, менее противоречивые формы взаимоотношений регионов и стран. Если это произойдет, тогда внутри новой мир-системы, воз-

можно, не будет места для взаимоотношений государств в рамках нынешней триады «центр – полуферия – периферия». Однако этот вопрос не решается, так как распад системы и конструирование новой конфигурации государств еще впереди.

В рамках анализа современной мир-системы Валлерстайн рассматривает процессы глобализации и кризиса современного капитализма. Он утверждает, что современная мир-система первой половины XXI в. по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, что имело место в XX в. Этот вывод Валлерстайн основывает на трех предположениях:

1. Любая историческая система имеет свое начало и конец. Они возникают, развиваются довольно длительный период времени, но затем, по мере своего дальнейшего отклонения от равновесия достигают точки бифуркации и наступает конец системы.

2. В точке бифуркации даже незначительные воздействия приводят к масштабным изменениям, тогда как в системы нормального развития сильные воздействия могут приносить лишь ограниченные результаты. Таким образом, последствия бифуркаций по природе непредсказуемы.

3. Современная мир-система уже вступила в стадию кризиса, который предшествует ее концу. Поэтому «вряд ли она еще будет существовать через пятьдесят лет» [3, с. 5].

Валлерстайн предупреждает, что нынешние позитивные представления о перспективах глобализации могут оказаться ошибочными: вместо интеграции разных стран мира она способна привести современную систему к разрушению, ввиду исчерпания ресурсов этого типа организации общества. То, что социология описывает термином «глобализация», относится не только к XX в. На самом деле глобализация происходит в мире уже около 500 лет. Анализ современного положения в мире, считает Валлерстайн, может быть плодотворным в рамках двух временных периодов: 1) от 1945 г. до наших дней; 2) примерно от 1450 г. также до наших дней. Период после 1945 г. – это так называемый долгий кондратьевский цикл, в рамках которого А-фаза (подъем) длилась до 1967–1976 гг. и сменилась Б-фазой (спада), продолжающейся до сих пор. История мировой экономики за этот период времени укладывается в эту объяснительную схему. Если обратиться к другому, более чем пятисотлетнему периоду глобализации, который Валлерстайн условно начинает с 1450 г., то и в этих рамках капиталистическая мир-экономика подошла к своим критическим точкам. Вероятно, уже достигнуты пределы возможного накопления капитала, т. е. пределы экономических основ существующей мир-системы. Различные антисистемные социальные движения подорвали легитимность действующих политических структур. Пришло время системного, терминального кризиса мир-системы, характеризующегося неустойчивостью и хаотичностью развития. Сравнивая современный мир с несущимся без тормозов под гору автомобилем,

Валлерстайн не видит «мудрого шофера», способного спасти себя и пассажиров. Впереди эту систему ждет разрушение и замена на новую, ныне неизвестную еще мир-систему [4, с. 263].

Мир-системная методология позволила Валлерстайну сделать важнейшие критические выводы об историческом развитии человечества. Анализ мировых систем, проделанный ученым, лишает понятие прогресса статуса неизбежной траектории исторического развития. По Валлерстайну, прогресс есть не более чем аналитическая переменная, призванная лишь научно описывать реальность, но не существующая как таковая. В зависимости от избранного нами критерия исторические системы могут оцениваться как лучшие или худшие, более или менее прогрессивные. При этом ученый не уверен в реальности существования линейной тенденции развития (вверх, вниз или прямо). Вполне возможно, что реальное развитие идет неровно, либо его вообще нельзя определить в ценностных категориях. Известно лишь одно: все многочисленные исторические системы, существовавшие ранее, имели начало и конец, и мы не можем определить одну общую линию их развития.

Итак, глобализация имеет длительную историю развития и ведет, по видимому, к гибели современной мир-экономики, которая вошла в период длительного кризиса. Как Валлерстайн показал в своем докладе на конгрессе Международного института социологии в Ереване (2009) «Динамика неразрешенного глобального кризиса: 30 лет спустя», истоки сегодняшнего мирового кризиса уходят корнями в 1970-е гг., когда закончился цикл подъема капиталистической экономики и начался период спада. То, что сегодня происходит, — лишь «прорвавшийся болезненный нарыв», тогда как причина болезни давно известна и неустранима. Этот вывод опирается у Валлерстайна не только на неомарксизм, но и на идеи французской исторической школы «Анналов» (Фернан Бродель), на концепцию зависимого развития в леворадикальном латино-американском варианте (Фернандо Кардозо). По мнению Валлерстайна, современная фаза кризиса означает конец неолиберальной экономической глобализации, окончательная победа которой неоднократно провозглашалась западными политиками (так называемым Вашингтонским консенсусом).

Такой же вывод о кризисе современной капиталистической системы делают представители других социальных наук. В последние десятилетия мир-системный подход успешно применяется в анализе археологического и этнографического материала ранних цивилизаций, в антропологии. Признание данного подхода связано с тем, насколько приемлема в идеологическом плане такая интерпретация современного глобального развития для той или иной страны, для ее политической и научной элиты. Намного ранее, как признавал Рэндалл Коллинз и некоторые другие ученые, научно-му социологическому сообществу стало очевидно, что подход Валлерстайна в основных своих чертах правомерен. Нынешний упадок неолиберальных

рыночных концепций в очередной раз подтвердил правоту этой идеи. Современный рост интереса к мир-системному анализу означает, что классовый анализ современности себя не исчерпал.

Международные социологические конгрессы, состоявшиеся в начале XXI в. в Ереване (2009), Гетеборге (2010), Йокогаме (2014), показали очевидное: для большинства непредвзято мыслящих социальных ученых нынешний финансовый кризис означает крах глобального либерального миропорядка. Рушится не идея глобального целостного мира, а ее нынешнее воплощение, связанное с неолиберальной идеологией и концепцией глобализации. В начале 1990-х гг. идеологи глобализации даже утверждали, что постсоветские страны смогут быстро достичь уровня развитых западных стран, если будут внедрять «западную модель» модернизации в сфере экономики и политических отношений. Идеи шоковой терапии и свободного рынка, демократии и прав человека стали общими лозунгами первого периода постсоветской трансформации. Однако, как полагает американский социолог Крейг Калхун, директор Лондонской школы экономики, глобализация не учитывала экономическую поляризацию мира, когда одни страны становились и становятся все более богатыми, а другие — более бедными.

Применительно к Европе нынешняя концепция глобализации означает рост неравенства как внутри стран, принадлежащих сегодня к Евросоюзу, так и между Евросоюзом и остальными странами (точнее, оставшимися за бортом этого сообщества несколькими бывшими республиками Югославии и бывшего СССР). Учитывая даже более высокий (в плане возможной интеграции с Евросоюзом) статус Молдовы и Украины, подписавших в 2014 г. соглашения на этот счет с Евросоюзом, политическое и экономическое неравенство между Евросоюзом и остальными странами не уменьшается. Вряд ли об этом мечтали политики, стоявшие у истоков этого союза; однако остается неоспоримым утверждение Валлерстайна о том, что отношения «центр — периферия» сознательно поддерживаются теми странами — участниками этих отношений, которым выгодно сохранение своего высокого статуса экономического и политического «центра», — Германией, Францией, Великобританией. Если ситуация обострится и политические либо экономические выгоды той или иной страны упадут, вполне вероятно, она захочет выйти из Европейского союза, нисколько не заботясь ни об имидже этой организации, ни о потенциальном вреде, какой может нанести такой выход одной страны для всего сообщества. Великобритания уже заявила о такой возможности, если число мигрантов в эту островную страну не будет упорядочено.

Есть и другие факторы, способствующие обострению глобального неравенства в мире. Им посвящена книга известного шведского социолога-неомарксиста Йорана Терборна «Убивающие пространства неравенства» [5], представленная международному социологическому сообществу на конгресс-

се МСА в Йокогаме. Терборн выделил три главных пространства, или сферы неравенства: здоровья и смерти (*vital*); свободы действия (*existential*); ресурсов (*material*). Первое касается социальных факторов смертности и продолжительности жизни, второе — признания или непризнания разных социальных групп по происхождению; третье — неравенства доступа к ресурсам, карьере и социальным контактам, с одной стороны, и неравенства вознаграждений — дохода и богатства — с другой.

По его мнению, в современном мире неравенство во всех этих сферах выросло, поэтому мир стал еще более несправедливым и неравным. Классическая социология вообще не заостряла внимания на неравенстве [5, р. 2]. Однако обострение неравенства в мире привело к многочисленным революциям в XX и XXI вв. Современный анализ этой проблемы требует многоаспектного и глобального подхода, без которого социальное неравенство будет невозможно преодолеть.

Глобализация резко обострила противостояние Запада и исламского мира, усилила социальные конфликты в разных регионах. Оказалось, что концепция глобализации означала сохранение американского доминирования, с чем не могли согласиться многие постколониальные страны и быстро набирающие силу «новые экономики». В ситуации разразившегося мирового кризиса эта концепция обнажила свои базовые недостатки и практически исчерпала себя. Идет активный поиск макросоциологических концепций, которые могли бы иначе объяснить мировые процессы. Социальные науки подошли к точке бифуркации, поворота от концепций глобализации к новому видению мира. Будущее мира, по мнению шведского социолога, зависит от той глобальной стратегии, которой будут следовать страны мира, поэтому существуют и пессимистические и оптимистические сценарии. Выбор между ними остается за глобальными акторами современности.

Отметим, что в отличие от прошлых десятилетий, в настоящее время процесс активного поиска новых концепций в социологии, попытки прорывов в социальных науках предпринимаются не только западными авторами. Сегодня постсоветские страны и ученые этих стран имеют шанс сказать свое слово в общественности, выдвинув новые теории. Как утверждает армянско-американский ученый Г. Дерлугьян, «за пределами Америки и Западной Европы Россия и ближайшие соседи остаются едва ли не единственной серьезной базой интеллектуального воспроизводства, несмотря на потрясения последних лет, сохранившей достаточно автономные традиции и энергию» [6, с. 294]. Для этого ученым постсоветских стран необходимо отбросить западные идеи и схемы, дискредитировавшие себя в теории и на практике, даже если в недавнем прошлом они представлялись неоспоримыми. Речь идет и о западных теориях модернизации, оптимистических версиях глобалистских концепций, теории рационального выбора и многих других, пока еще имеющих распространение в постсоветском регионе идеях (националистических теориях, теориях «особого пути», суверенной

демократии). Данная мысль переключается с принципиальным положением, высказанным на III Всероссийском социологическом конгрессе (2008): не замыкаться в кругу «доморощенной теории», утверждающей российское превосходство, не преклоняться перед западными авторами, а пытаться выходить на международный уровень, активно используя как национальное, так и зарубежное наследие, творчески его переосмысливая [7, с. 18].

Библиографические ссылки

1. World-Systems Analysis: Theory and Methodology / I. Wallerstein [et al.]. Beverly Hills : Sage, 1982.
2. *Wallerstein I. M.* The Modern World System. N. Y. : Academic Press, 1974–1980. Vol. 1, 2.
3. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2004.
4. *Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // *International Sociology*. 2000. Vol. 15, № 3.
5. *Therborn G.* The Killing Fields of Inequality. Cambridge : Polity Press, 2013.
6. *Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.
7. *Титаренко Л. Г.* Социология на перепутье (О 39-м конгрессе Международного института социологии) // *Социс*. 2010. № 3. С. 15–22.

3. ДИАГНОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ

3.1. ДИСБАЛАНС СИСТЕМЫ И ЖИЗНЕННОГО МИРА

Начиная с 1980-х гг. в полемике критики постмодернистов, в интеллектуальном сообществе социологов стало популярным обращение к так называемым *диагнозам современности*, или попыткам определить сущность и характер современной эпохи. С одной стороны, это была понятная для широкой общественности теоретическая форма преподнесения сложных научных споров об обществе, социально-политических и экономических проблемах современного общества модерна [1]; с другой — яркое доказательство того, что социология не находится в состоянии кризиса и может предложить аналитическое представление о современности, построить научно обоснованные прогнозы на будущее. Наконец, выдвижение собственных диагнозов современности было формой конкуренции между ведущими теоретиками того времени, которая позволяла им открыто или косвенно развернуть аргументы своих теоретических конструкций и дать критику чужих.

Немецкие социологи Ханс Йоас и Вольфганг Кнобль отмечают, что ответы на три основных вопроса, характеризующие природу и сущность той или иной теории и парадигмы, дают возможность определить, каков будет диагноз времени, сделанный тем или иным социологом, т. е. каким образом он раскроет сущность современной эпохи [2, с. 22].

В процессе создания и обсуждения диагнозов современности в 1980-е гг. приняло участие много известных западных социологов: Зигмунд Бауман, Роберт Белла, Юрген Хабермас, Ульрих Бек. Созданные ими краткие характеристики общества («диагнозы») сыграли важную роль не только в те годы, когда они были выдвинуты, но и позднее и получили резонанс как в рамках социологии, так и далеко за ее пределами. Каждый такой диагноз можно рассматривать и как презентацию автором своей теоре-

тической позиции, демонстрацию ее аналитических возможностей в критике современного общества и в определенной мере, поскольку они были выдвинуты в полемике и широко обсуждались, — как реконструкцию своей и чужих позиций.

Юрген Хабермас — один из старейших ныне здравствующих мыслителей современности (род. в 1929 г.). Он признан крупнейшим немецким социальным философом конца XX — начала XXI в. Будучи в молодости учеником неомарксистов Т. Адорно и М. Хоркхаймера (в 1956—1959 гг. — ассистент в Институте социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, руководимом тогда М. Хоркхаймером), в 1960-е гг. он стал видным представителем второго поколения неомарксизма Франкфуртской школы, вплоть до ее распада в 1969 г. От своих учителей Хабермаса отличала тенденция соединить марксизм с новейшими тенденциями современной философии и социологии (лингвистическая философия, герменевтика, феноменология и т. д.). После отказа Хабермаса от неомарксизма он стал одним из идеологов западно-германских «новых левых», однако и от них он начал отмежевываться по мере того, как в левом движении получили преобладание культурно-нигилистические и «акционистские» тенденции. Многие годы Хабермас преподавал философию и социологию во Франкфуртском университете, где стал преемником Хоркхаймера и Адорно на кафедре философии, а в 1980—1983 гг. — директором Института социальных исследований. Одновременно с этим в 1971—1980 гг. Хабермас был содиректором престижного Института Макса Планка в Штарнберге (Бавария).

Ведущей темой социальной философии Хабермаса явилась проблема политически активной общественности, обострившаяся на Западе с середины XX в. Получая на протяжении 1960-х гг. все более отвлеченную абстрактно-философскую формулировку, эта проблема предстает у Хабермаса как стержневая для его творчества: все другие социально-культурные проблемы современности зависят, по мнению автора, от проблемы общественности. В поисках путей выхода западно-европейской общественности из глубокого кризиса, в котором она оказалась в 1970—1980-е гг., Хабермас старался обосновать важную роль общественности как носителя структурных изменений в современном «позднекапиталистическом» обществе.

Главный вклад Хабермаса в социологию — его интеграционная теория, теория коммуникативного действия. В одноименной работе Хабермас предлагает читателю широкую социально-философскую концепцию коммуникации, базирующуюся на дуалистическом разделении двух главных сфер человеческого существования: сферы труда (взаимодействие людей с природой) и сферы «интеракции» (область межчеловеческого взаимодействия). Хабермас пытался «встроить» свою концепцию в процесс эволюции западной теоретической социологии от М. Вебера и Э. Дюркгейма до Т. Парсонса. Он показал, как можно вывести дихотомию труда и интеракции на более

общий уровень анализа: у Хабермаса это противоречие между трудом и интеракцией растворяется в антиномии неотчужденного «жизненного мира» и отчуждающей «системы» современного («позднего») капитализма, «колонизирующего» эту жизненную основу межчеловеческой коммуникации, утверждая принцип «технической рациональности».

Диагноз времени — одна из четырех фундаментальных проблем, рассматриваемых Ю. Хабермасом в главном труде «Теория коммуникативного действия» [3]. Эта проблема ставится и решается ученым на основании единых принципов и подходов к трем другим проблемам: теории рациональности, теории действия и теории социального порядка. Во всех этих случаях Хабермас исходит из своих базовых представлений о разделенности концепций жизненного мира и системы, образующих два дихотомических порядка. Параллельное использование этих концепций позволяет автору сформировать критический взгляд на современное ему общество, а также определить его «диагноз». Постановка этого диагноза опирается на понимание Хабермасом общественной эволюции как процесса постепенного разделения (вплоть до полного разрыва) жизненного мира и системы, в ходе которого формируются также специализированные системы государства, рынка, политики. Он утверждает, что лишь экономика и политика в ходе эволюции полностью выделились из сферы членов общества, и поэтому их можно анализировать через понятие системы. Деньги и власть полностью заместили в этих сферах непосредственную связь и коммуникативное взаимопонимание.

Поскольку для Ю. Хабермаса изначально очень важно соединить теорию действия и теорию системы, он не может допустить, чтобы какие-то сферы полностью руководствовались функциональными требованиями системы и игнорировали коммуникативные правила. Поэтому в диагнозе времени он пытается найти способ соединения потенциала рациональности, который изначально заложен в языке (как средстве коммуникации) и требований эффективности, идущих от системы. Однако Хабермас никак не может найти в реальности подтверждения тому, что эти два начала — система и действие — сбалансированы. Напротив, основной тезис, базисное положение его диагноза современности гласит: баланс, равновесие между системой и жизненным миром нарушены. Система наступает на жизненный мир: рационально управляемые экономические и политические процессы грозят полностью подчинить себе жизненный мир.

Таким образом, Ю. Хабермас констатирует, что система экономики и система рациональной политики окончательно выделились и порвали с жизненным миром. Они больше никак не связаны с ним, так как управляются принципами рациональной эффективности. Если бы этого не произошло, в сферах экономики и политики невозможно было бы достичь эффективных результатов. Ход социально-культурной эволюции был именно таким, и это помогло высвободить и использовать потенциал эффективности общества. Однако Хабермас решительно предостерегает общество от полного порабо-

щения системой жизненного мира и перенесения принципов эффективной рациональности в повседневное общение, межличностную коммуникацию. Такой шаг привел бы к «смерти» альтруизма и других форм немонетаризированного человеческого общения (взаимопомощи, дружбы, бескорыстной помощи и т. п.). Деньги, по убеждению Хабермаса, не должны становиться универсальным посредником человеческих взаимоотношений, а система не должна полностью колонизировать жизненный мир.

У Хабермаса рынок становится угрозой настоящему и будущему существованию человеческого общества. Посредством рыночных отношений система колонизирует человеческие взаимоотношения, лишает их собственно человеческого изменения. Второй институт, который вносит свою лепту в колонизацию жизненного мира, — государство, с его желанием полного подчинения человеческих связей нормам права, что приводит к бюрократизации и зарегулируемости человеческих связей. Хабермас считает, что постоянное вмешательство власти, опирающейся на нормы права, в личную жизнь людей заменяет повседневную коммуникацию, превращает граждан в чиновников, живущих по бюрократическим нормам.

Хабермас критически оценивает указанную тенденцию колонизации системы жизненного мира и рассматривает ее как очевидную угрозу настоящему и будущему. Этот диагноз позволяет прогнозировать возможное нарастание в обществе протестного потенциала против тенденции колонизации. Такой потенциал может выливаться в экологические движения и акции «зеленых» партий против загрязнения природной среды, бездумного использования техники в покорении «второй природы», в неорганизованные движения против чрезмерной урбанизации и рационализации современной жизни и т. п. Учитывая, что работа Хабермаса была написана в 1980-е гг., можно констатировать, что его прогнозы оказались верными: в 1990-е и особенно в начале XX в. Германию потрясли протесты против захоронения ядерных отходов, загрязнения природы, а представители «зеленых» завоевали места в правительстве.

Новаторство диагноза современности Хабермаса можно усмотреть прежде всего в том, что критика современного общества была полностью выстроена в терминах его теории коммуникативного действия, которая на тот период времени рассматривалась многими социологами как наиболее эффективная интегративная теория. Она успешно конкурировала и с теорией систем Н. Лумана, и с теорией структуризации Э. Гидденса, также рассматривавшихся как варианты интегративных теорий, авторы которых, однако, не ставили целью дать на их основе диагноз современности. Ю. Хабермас был уверен, что его теория, используемая в постановке диагноза своего времени, превосходит по своему уровню и критическую теорию общества Т. Адорно и М. Хоркхаймера, и понятийную систему, разработанную мэтрами классической социологии М. Вебером и К. Марксом. Его собственная теория позволила Хабермасу уточнить раскрытые упомянутыми авторами тенденции овеществления и отчуждения в обществе, конструктивно переработать критику науки и тех-

ники во Франкфуртской школе, избежать пессимизма в характеристике развития современной культуры.

Таким образом, формула «колонизации жизненного мира системой» Хабермаса была доходчивой и легко воспринималась в научной среде, несмотря на абстрактность его теории коммуникативного действия, лежащей в основе формулы. Эта теория оказала влияние на публичные дебаты о современности и о будущем в 1980-е гг., хотя – ввиду своей абстрактности – не могла быть использована в каких-либо эмпирических исследованиях, не давала критериев для замеров действий системы по «колонизации» жизненного мира.

Библиографические ссылки

1. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь мир, 2003.
2. *Йоас Х., Кнобль В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб. : Алетейя, 2011.
3. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bd. Fr./M. : Suhrkamp, 1981 Bd. 1, 2 ; Habermas J. The Theory of Communicative Action : in 2 vol. L. : Beacon Press, 1984. Vol. 1, 2.

3.2. РЕАЛЬНОСТЬ СИМУЛЯКРОВ

Жан Бодрийяр (1929–2007) – французский социолог и культуролог. На творчество Бодрийяра в разное время оказали влияние идеи К. Маркса и Э. Дюркгейма, а также структуралистов, среди которых особое место отводилось структурным лингвистам: А. Лефевру, Р. Барту, М. Фуко. Бодрийяр – представитель социологического постмодернизма, с позиций которого он критически анализирует современное общество и культуру в своих трудах; среди них широко известны такие, как «Система вещей» [1], «В тени молчаливого большинства, или конец социального» [2], «Америка» [3], «Общество потребления. Его мифы и структуры» [4] и др.

Остановимся на теоретико-методологической позиции французского автора. Постмодернизм исходит из того, что период модерна завершен, общество вступило в период постмодерна. Соответственно, классические социологические теории, концепции и понятия научного анализа нуждаются в замене их на новые инструменты. Утверждается, что современное общество определяется новыми массмедиа и информационными технологиями, поэтому социальный порядок в этом обществе основан на знаках. Истина и социальное вообще исчезли, поэтому необходимо использовать метод деконструкции для нового теоретизирования.

В работе «К критике политической экономии знака» [5], благодаря которой Ж. Бодрийяр стал знаменитым, автор соединил семиологию и марксистскую политическую экономию для анализа знаковой системы, утвердившейся в современном обществе и структурирующей повседневную жизнь.

Он утверждал, что в обществе постмодерна коды сигнификации (значимого смысла) стали контролировать как предметы, так и индивидов. Все ценности общества становятся знаками, определяемыми этими кодами. При этом коды образуют такую структуру контроля и власти, которая представляется более мягкой, но в то же время является более тоталитарной, чем капиталистическая эксплуатация. Социальные отношения теперь якобы не столько контролируются собственностью, сколько кодами сигнификации. Эти новые реалии означают, что в обществе произошла революция и утвердилась новая власть — семиократия, т. е. власть кодов сигнификации.

Революция, в частности, означает, что товары приобрели новый вид стоимости — знаковую стоимость, т. е. стоимость товара, выраженную в бренде, престиже, марке, стиле. В результате этого товары становятся частью знаковой системы, а потребительская и обменная стоимости товаров, о которых писал К. Маркс, — нефункциональными. В обществе постмодерна люди потребляют не предметы в собственном смысле слова, а их знаки. Само потребление становится процессом манипуляции знаками. И производство, и потребление регулируются не столько реальными объективными потребностями людей, сколько знаками. Поэтому новый социологический инструментарий должен изучать роль знаков, производство смыслов, что и составляет содержание новой парадигмы, которую Бодрийяр развивает в своих работах. По его мнению, тем самым он лишь пытается охватить новую объективную реальность, сложившуюся в обществе постмодерна, — смыслы и знаки.

Коды сигнификации контролируют и определяют, что, в каких пределах и какой группе индивидов следует потреблять. Индивиды не могут выйти за пределы этого контроля, так как они подвержены в этом обществе тотальному отчуждению. Теперь, как пишет Бодрийяр, неотчужденного социального бытия уже нет [3]. Следствием постмодернистских изменений является и *отмирание социального*. Люди перестают различаться по социальному происхождению или положению. Основой их дифференциации становятся потребляемые ими знаки. Через потребление конкретных знаков мы уподобляемся тем, кто использует сходные знаки, и, напротив, становимся отличными от тех людей, кто данные знаки не применяет.

Если социальное отмирает, то с ним исчезает и классическая социология, предметом которой являлось социальное. Тогда возникает потребность в новом подходе к теоретизированию об окружающем мире. Бодрийяр предпринимает попытку создания принципиально иной теории об обществе — «антисоциальной» теории с принципиально новыми понятиями. Некоторые авторы, критикуя постмодерн, называют такие формы теоретизирования социологической фантастикой и вообще отрицают его способность к теоретизированию. Действительно, то, что Бодрийяр считает своей теорией, включает зачастую непривычные понятия, афоризмы, стихи и анекдоты. Такова форма теории постмодерна и ее научный инструментарий.

В рамках развиваемой парадигмы Бодрийяр пытается выразить сущность современного социального порядка: чем выше активность манипуляции знаками, тем активнее идет процесс овеществления субъектов. Это означает рост дегуманизации общества, который в таком аспекте не анализировался ни марксистами, ни неомарксистами.

Средствами распространения кодов сигнификации в обществе постмодерна являются медиа, которые теперь переносят не какое-либо определенное содержание, а форму; подвергают своему действию все, что схватывается формой и знаком, управляется кодом. При этом размывается целостность социально-культурных процессов: на ее место приходит фрагментация событий, помеченных кодом. «С распространением массмедиа статус прощества поменялся...: он стал тотальной мифологической системой интерпретации, крепко связанной сетью моделей означивания, от которой не может вернуться ни одно событие» [2].

Бодрийяр анализирует современное общество на примере США как модели потребительства, осуществляя деконструкцию отношений между индивидами и предметами потребления. В обществе постмодерна люди не покупают то, в чем они нуждаются. Следуя принуждению кода сигнификации, они вынуждены делать определенные покупки, поддаваясь соблазнам, навязываемым массмедиа. Современное потребительское общество регулируется соблазном с помощью символического обмена.

В потребительском обществе нет символов, которые не были бы товаром. Абсолютно все символы — от еды и выпивки до искусства и политики — производятся, обмениваются и продаются. Так возникает и утверждается символический обмен — базовая универсалия общества постмодерна, выраженная в том, что знаки, опосредованные символами, превращаются в товары и значимые ценности. Тем самым символический обмен подрывает основу рационализации всего капиталистического общества, так как сами символы теряют своих конкретных референтов в реальности.

Символический обмен разрушает прежнее функционирование социальных отношений, причем главным разрушителем выступает не революция, а контроль со стороны кода сигнификации. Код контролируется средствами массовой информации, которые практически полностью манипулируют им. Манипуляция проявляется в том, что символы, выраженные в коде, становятся абсолютно индетерминированы, так как они не связаны с реальным окружающим миром. Связь между символами и реальностью разрушается и исчезает. Обмен происходит между символами относительно друг друга, но не между символами и реальностью. Это означает, что за символами не стоит ничего конкретного. Так стирается всякая грань между реальностью и вымыслом, между истиной и заблуждением. Реальность и истина перестают существовать. Весь мир теряет качество реальности и становится гиперреальностью.

Гиперреальность — это симуляция чего-либо. Процесс симуляции и разнообразные симулякры как его результат становятся у Бодрийера символом современной эпохи. Симуляция — это «замена реального знаками реального», обретение знаками статуса самодостаточной реальности. Это порождение гиперреальности при помощи создания моделей реального, в результате чего исчезает различие между симуляцией и реальным. Бодрийер в качестве примера приводит Диснейленд, который воспринимается сегодня более реальным, чем социальная реальность за его пределами. Сегодня развитие человеческой цивилизации идет в направлении утверждения мира симуляций, которые распространились на все сферы общественной жизни. Поэтому современные люди живут в мире симуляций.

Симулякры — это знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, уродливые мутанты, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу. Этот термин связан с понятием Платона, обозначающим копию копии, т. е. он означает такое многократное копирование изначального образца, которое в итоге приводит к утрате идентичности образа. Таким образом симулякры становятся знаками, которые имеют автономный смысл и вообще не соотнесены с реальностью.

Сегодня люди все более имеют дело с воображаемыми представлениями о реальности, а не с самой реальностью. Современное общество основано на симулякрах. Бодрийер описывает процесс превращения символов в гиперреальность через серию последовательных превращений символов: 1) символ отражает сущностную характеристику реальности; 2) символ маскирует и искажает сущность реальности; 3) символ перестает вообще соотноситься с реальностью, превращаясь в подобие или видимость чего-либо. Таким образом, гиперреальность имеет дело с видимостью реальности, поскольку все прежние реалии фрагментируются и обретают форму гиперреальности. Так, политические партии не отстаивают никаких реальных интересов, не борются за что-то реальное, поэтому противостояние политических партий — симуляция оппозиции. Общественное мнение людей не выражает их мнений, а лишь воспроизводит то, что было ранее создано в виде символов средствами массовой информации. Однако симулякры широко используются в процессах коммуникации современного общества. Они воспринимаются людьми как реальность, потому что у людей имеются ассоциации симулякр с конкретными объектами, явлениями, которые заменяются знаками реального и создают тем самым иллюзию реальности и всего, что в ней существует.

Бодрийер утверждает, что нравится нам или нет, различные симулякры стали частью нашей действительности. В этом смысле симулякры — символ современности, ее диагноз. Они существуют вполне реально, хотя их жизнь может быть недолгой. Телевидение создало массу симулякров-образов разных типов людей, которые стали «близкими» всем зрителям, кажутся «правдивыми» и таким образом подменили мир реальных человеческих отношений,

который теперь недоступен для восприятия граждан, погруженных в мир, созданный медиа. Отсюда — невозможность ответить на вопрос, какая реальность «истинная». В ряде случаев симулякры исторических событий лишают людей социальной памяти, полностью изменяя смысл социальных практик, подрывают историческую преемственность в ментальном или нравственном развитии нации.

Еще большую роль играют симулякры в культуре: они неотделимы от новых культурных продуктов, которые вследствие этого теряют качественную неопределенность. Например, звукозаписывающая техника позволяет сегодня манипулировать со звуком таким образом, что любые произведения классики приобретают иное звучание, не аутентичное задуманному автором. Современная аппаратура позволяет слушателям как бы стать соавторами исполнения, регулируя те или иные параметры исполнения произведения, создавая тем самым его новый вариант, т. е. копию копии. Симулякры размывают различия между китчем и настоящим искусством, что ведет к культурной деградации. Сегодня многие товары-симулякры заполнили рынок, так что рядовому потребителю бывает трудно отличить его от оригинального: он не знает наверняка, что покупает. Симулякры появились в политике, в международных отношениях, где вербальная симуляция стратегического партнерства является уже нормой, от которой мир становится непредсказуемым, полным неопределенности в области политических интересов.

По мнению Бодрийяра, выход из создавшегося положения, т. е. подмены реальности симулякрами, может быть только радикальным: надо повернуть систему против самой себя: система должна совершить самоубийство.

Библиографические ссылки

1. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М. : Рудомино, 1995.
2. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
3. *Бодрийяр Ж.* Америка. М. : Владимир Даль, 2000.
4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика : Культурная революция, 2006.
5. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М. : Библион-Русская книга, 2003.

3.3. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Хотя американский социолог и политолог Сэмюэль Хантингтон (1927—2008) специально не занимался «постановкой диагноза» современности, в своих работах он постоянно обращался к этой проблеме: как идет развитие современного мира, какая детерминанта предопределяет это развитие, какая политика в современном мире позволяет достичь лучшего результа-

та? [1–3]. Данный С. Хантингтоном диагноз современности как предопределенное различием в базовых ценностях столкновение современных цивилизаций являлся политически ангажированным и служил основанием для оправдания внешней политики США. Однако именно по этой причине он был широко разрекламирован на Западе в конце XX – начале XXI в. и стал известным не только научной общественности, но и простым гражданам многих стран мира.

С. Хантингтон много лет являлся профессором политических наук; в 1970–80-е гг. занимался советологией, проблемами продвижения демократии и политического управления. Он является автором нескольких бестселлеров, которые принесли ему известность не только в научных кругах, но и в средствах массовой информации в США и в мире. Его работы были хорошо известны в СССР в период распада страны и в первую декаду после него [4; 5]. Хантингтон – автор или соавтор нескольких нашумевших теорий, которые, несмотря на уязвимость их аргументации, были с большим мастерством преподнесены публике и поэтому пользовались успехом у широкого круга читателей. К ним относятся теория третьей волны демократизации, теория американской идентичности и особенно теория конфликта цивилизаций.

Длительный интерес к теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона был связан не столько с оригинальностью или потрясающей объяснительной силой его теории, сколько с тем, что он являлся представителем науки очень влиятельного в США Гарвардского университета. Чаще всего и сегодня, кроме прочих важных причин, страна, представителем которой выступает автор той или иной теории, а также его статус, имеет большое значение и во многом определяет круг читателей, интерес к работе, ее оценку и судьбу в целом.

Случай С. Хантингтона интересен еще и тем, что изначально теория столкновения цивилизаций получила резко отрицательную оценку в постсоветской социальной науке. Причиной этого были ее геополитические следствия, обоснование отсталости одних стран и доминирования других исходя из критерия господствующей религии как эмпирического индикатора выделенных цивилизаций. Самой передовой объявлялась протестантская религия и соответственно страны, где доминирует протестантизм. Недаром С. Хантингтон ссылается на М. Вебера, считавшего протестантскую этику важным фактором успешного развития капитализма в Западной Европе. Католические страны уступают протестантским, однако эта цивилизация также имеет высокие достижения, в отличие от православной цивилизации, куда включаются Россия и многие другие постсоциалистические страны (Беларусь, Украина, Болгария), действительно отстающие в экономическом развитии от так называемых протестантских стран. Таким образом, в иерархии цивилизаций последнее место отводилось постсоциалистическим православным странам (независимо от того, что в СССР православие было не в почете и большинство граждан считали себя атеистами). Признавая различия в культурных ценностях, российские ученые в 1990-е гг. подчеркивали

равноправие всех цивилизаций и не соглашались с прогнозами Хантингтона по поводу ограниченных возможностей продвижения в России (и других странах православной цивилизации) демократии, сближения ее ценностей с ценностями Запада. Особенно критично постсоветские ученые восприняли тезис С. Хантингтона об абсолютном доминировании Запада после распада СССР и его лозунг «Запад против остального мира» (the West versus the Rest), который был распространен среди многих американских и западноевропейских авторов. Социологи бывших советских стран не хотели больше политического противостояния, поддерживая риторику ельциновской элиты о скором вхождении России, других постсоветских стран в «нормальный» мир демократии (Хантингтонская «третья волна» демократии признавалась ими действенным средством такого демократического транзита), процветания и сотрудничества с Западом, в том числе в науке.

В новых геополитических условиях, сложившихся два десятилетия спустя после первого издания книги Хантингтона, часть российских авторов, настроенная патриотически-националистически, напротив, подчеркивает, что Россия действительно суть «иная цивилизация», не нуждающаяся в оценках, которые даются ей по критериям западной цивилизации. Сегодня они не оспаривают многие идеи Хантингтона и признают православную цивилизацию, но уже не как «отсталую», а как «передовую движущую силу» современности. Эта смена отношения к западной концепции, служившей инструментом обоснования противостояния стран на международной арене, продолжения между ними холодной войны (хотя и не исключался переход ее в «горячую»), возможно, может повлиять и на отношение к другим западным теориям в тех или иных научных кругах постсоветских стран.

С. Хантингтон считал цивилизации «наивысшей культурной общностью людей и самым широким уровнем культурной идентификации» [4, с. 51]. Цивилизации, таким образом, являются многосторонними целостностями, которые могут содержать одно или более политических образований с различными формами правления. Цивилизации развиваются и существуют, согласно теоретикам цивилизационного подхода, на протяжении многих веков. Однако объединение в цивилизации возможно лишь «тогда, когда страны, входящие в международную систему, имеют “общие интересы и общие ценности”», считают себя связанными единым сводом правил», при этом «каждая цивилизация видит себя центром мира и пишет свою историю как центральный сюжет истории человечества» [4, с. 72].

Основное положение теории Хантингтона заключается в том, что цивилизации противостоят друг другу, и столкновения происходят «по линиям разломов» между ними: «Столкновения цивилизаций будут предопределять глобальную политику. Линии разлома между цивилизациями будут линиями борьбы за будущее... Конфликт между цивилизациями станет последней фазой в эволюции конфликтов в современном мире» [6].

Отметим, что хотя цивилизации имеют много сторон и аспектов, по которым проводят их отличия друг от друга, американский социолог на первый план выдвинул культуру, тем самым отделив ее от идеологии и экономики, которые считались доминирующими в марксистском анализе общества: «Моя гипотеза состоит в том, что фундаментальный источник конфликта в современном новом мире не будет главным образом идеологическим или главным образом экономическим. Великим критерием разделения внутри человеческого сообщества и доминирующим источником конфликта станет культура» [6].

Политическим следствием этого культурного раздела между цивилизациями является необходимость для США вступать в кооперацию, объединяться с теми странами, культурные ценности которых сходны с американскими. США также должны распространять свои ценности в мире, насколько это возможно. В тех случаях, когда ценности двух цивилизаций не совпадают, между ними неизбежно происходят противостояние и конфликты [3].

В контексте постсоветской Восточной Европы особый интерес представляют рассуждения Хантингтона о двух цивилизациях – Западной и Православной. Центр Западной цивилизации находится, по Хантингтону, в Европе и Северной Америке, а именно: он якобы расположен в Америке в США и в Европе во Франции и Германии. Центр православной цивилизации находится в России. Главным отличием данной цивилизации от Западной Хантингтон считает «византийские корни, двести лет татарского ига, бюрократического деспотизма, ограниченное влияние Возрождения, Реформации, Просвещения и других значительных событий, имевших место на Западе» [4, с. 72]. Отсюда следует, что у этих цивилизаций разные культурные ценности, что и обуславливает их конфликты и противостояния.

Границы двух цивилизаций, согласно данной концепции, проходят по территории Беларуси и Украины на основе религиозно-культурных водоразделов в Европе. Территориально к православной цивилизации Хантингтон относит: Беларусь, Украину, Румынию, Молдову, Сербию, Боснию и Герцеговину. К западноевропейской цивилизации, согласно Хантингтону, в Восточной и Центральной Европе относятся, соответственно, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Венгрия, Словения и Хорватия [4, с. 243].

Жители Центральной Европы также придают большое значение этой разделительной линии. Страны, достигшие значительных успехов в отказе от коммунистического наследия, в продвижении к демократии и рыночной экономике, отделены от государств, которым это не удалось, «линией, разделяющей католицизм и христианство, с одной стороны, от православия – с другой» [4, с. 247]. В вопросе принятия в Евросоюз предпочтение явно отдается тем государствам, которые в культурном плане принадлежат к Западу и которые более развиты экономически. Если следовать этому критерию, то вышеградские страны (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), республики Балтии, Словения, Хорватия и Мальта по праву стали членами Евросо-

юза, и теперь его границы совпали с историческими границами западной цивилизации в Европе. Однако после включения в 2007 г. в Евросоюз двух православных стран, Румынии и Болгарии, а также недавних соглашений об ассоциации ЕС с Украиной, очевидно, что политические интересы Запада совершенно не совпадают с религиозно-культурными водоразделами, а ориентированы на глобальное господство.

Данная теория подвергалась серьезной критике с разных сторон, в том числе западными авторами, которые отмечали ее идеологизированный характер. Практически теория Хантингтона предопределяла настоящее положение и последующее развитие той или иной страны ее прошлой культурой и особенно религиозными ценностями. Это и был «диагноз»: невозможность для стран незападной цивилизации достичь того уровня развития, который характерен для Запада. Хантингтон в своем диагнозе упрощал многие исторические особенности стран. Так, рассуждая о православной религиозности Восточной Европы, он не принимал во внимание тот важный фактор, что бывшие советские страны имели совсем не такую же по своей природе религиозность, что страны Центральной или Западной Европы, где религиозные убеждения не преследовались на государственном уровне. В этом отношении один из западных критиков теории Хантингтона Н. Дэвис отмечал: «Бедность, отсталость и тирания никоим образом не отлучают Восточную Европу от остального континента. В значительной степени благодаря испытаниям, через которые прошли эти страны, они стали более европейскими, т. е. более преданными тем ценностям, которые на богатом Западе воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Также нельзя исключать Восточную Европу на том основании, будто она «другая». Все европейские страны разные» [7, с. 29].

Закрепленное Хантингтоном геополитическое разделение мира, таким образом, не отображает реальных современных культурных или религиозных реалий. Однако всегда находят поводы вне социологии использовать идеи Хантингтона в определенных политических целях, например в доказательстве культурной отсталости православных стран. Тем не менее после того как в 1990–2000-х гг. новые страны были приняты в члены Европейского союза, включая и те, в которых доминировало православие, политико-институциональный разрыв по обозначенной линии между странами внутри Евросоюза только усилился. Причины тому — не религиозные ценности, а незавершенность проведенных в этих странах политических и административных реформ, а также изначально намного более низкий уровень экономического развития, чем у «старых» членов Евросоюза.

Хантингтон полагал, что успех демократизации в Центральной и Восточной Европе может приблизить эти страны к Западу по критерию демократических ценностей. Однако этого не произошло — третья волна демократизации захлебнулась. Как справедливо пишет о нынешних разрушительных тенденциях наступления либеральной демократии М. Буравой, «мы живем

в период третьей волны демократии по Сэмюэлю Хантингтону, но эта либеральная демократия, заменяя кричащий деспотизм колониализма и коммунизма, скрывает сговор с третьей волной маркетизации (и свое содействие ей), которая рушит человеческое общество по всей планете» [8, с. 5].

Библиографические ссылки

1. *Huntington S. P., Moore C. H.* Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-party Systems. N. Y. : Basic Book, 1970.
2. *Huntington S. P.* American Politics: The Promise of Disharmony. Cambridge : Belknap Press ; Harvard University Press, 1983.
3. *Huntington S. P.* The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. Norman ; L. : University of Oklahoma Press, 1993.
4. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
5. *Huntington S. P.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N. Y. : Simon & Schuster, 2005.
6. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72, № 3. URL: <http://www.foreignaffairs.com/issues/1993/72/3> (date of access: 5.10.2013).
7. *Дэвис Н.* Канцэпцыя Эўропы // Фрагмэнты філязофіі, культуралёгіі, літаратуры. 2000. № 3, 4. URL: <http://knihi.com/storage/frahmenty/9devis.htm> (дата обращения: 15.09.2011).
8. *Буравой М.* Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социс. 2009. № 4.

3.4. КОСМОПОЛИТИЗМ В ОБЩЕСТВЕ ВСЕМИРНОГО РИСКА

Ульрих Бек (1944–2015) прославился как один из авторов не только парадигмы риска, но и ряда других концепций и социологических новаций. Он также известен как ученый, который уже не раз пытался поставить обществу научно обоснованный диагноз. Бек работал профессором социологии в разных университетах Германии. С 1992 г. — профессор социологии и директор Института социологии при Мюнхенском университете, а также Лондонской школы экономики. Друг и коллега Энтони Гидденса, вместе с которым Бек разрабатывал теорию общества риска и опубликовал ряд совместных работ. В 2000-х гг. Бек — руководитель программы «Возвращающаяся современность» Немецкого научно-исследовательского общества.

У. Бек является автором концепций рефлексивной модернизации и общества риска, которые принесли ему широкую известность, как и работы по периодизации эпохи модерна и всестороннему исследованию глобализации. В последние годы Бек активно разрабатывал теорию космополитизма. Опираясь на тезис о превращении общества «второго модерна» в «общество риска», Бек последовательно переходит к тезису о том, что, учитывая гло-

бальный характер социальных изменений, можно опять говорить о новом парадигмальном сдвиге — космополитическом. По его мнению, глобальное общество риска требует нового, космополитического мышления и адекватной космополитической парадигмы [1]. Современные кризисы (террористические акты в США 11 сентября 2001 г., финансовый кризис, глобальное потепление, ядерная катастрофа в Фукусиме, упадок евро, «арабская весна» и др.) можно осмыслить в рамках глобального подхода в новых категориях, так как старые парадигмы не могут объяснить эти события.

Космополитизм как диагноз современности относится в равной мере и к обществу (принятию политических и иных решений), и к социологии. Поворот к космополитизму в теоретическом смысле можно рассматривать как ответ на гносеологический вызов глобализации, т. е. как новый метод и рамку анализа взаимосвязанности мира.

У. Бек выступает с концепцией космополитизации общества [2], согласно которой национальные государства отжили свое время и играют все меньшую роль в условиях глобализации. Бек утверждает, что человечество не может свернуть с этого пути, плох он или хорош; поэтому внутри социологии необходимо отбросить разделения на теории Юга и Севера, прекратить споры и «найти практические ответы на социологические проблемы повседневности» [3, р. 17]. Сам термин был предложен в науке ранее, дискуссии на тему космополитизма были активными во всех ведущих западных странах и международных социологических журналах. Истоки этой концепции были найдены в классической немецкой социологии [4, р. 813–832].

Продвигая космополитизм как новую теоретическую парадигму, нормативную теорию и политическую реальность, Бек резко критикует так называемый *методологический национализм*, который приравнивает современное общество к национальному государству, ограниченному территорией и границами. Он утверждает: «В обществе глобальных рисков национализм становится врагом нации» [5]. Бек поясняет, почему неприемлем методологический национализм, который исходит из того, что национальное государство и общество являются «естественными» формами современного мира. Бек считает, что неправомерно разделять человечество на ограниченное число наций, каждая из которых самоорганизуется в форме национальных государств и устанавливает границы, отделяющие ее от других национальных государств. «Противопоставление национального и интернационального представляет собой фундаментальную категорию политической организации» [6, с. 45]. Однако этот подход устарел, так как он препятствует пониманию социальными науками сущности того, что определяет политическую динамику мирового сообщества риска или Европы риска. Если такой позиции придерживаются политики, они отстаивают свою национальную точку зрения. Когда же ее отстаивают представители социальных наук, это и есть подход, обозначенный как методологический национализм. Бек пишет: «Методологический национализм — не второстепенная проблема или

незначительное заблуждение. Он включает в себя как привычный порядок сбора / обработки данных, так и базовые концепты современной социологии (общество, класс, государство, демократия, семья, воображаемое сообщество и т. д.)».

В XIX в. классическая европейская социология возникла и формировалась в условиях национальной парадигмы. В те времена космополитизм осуждался как неприемлемый. Классики XIX в. рассуждали с позиции своей нации: Дюркгейм создал концепцию солидарности и национальной интеграции для Франции; социология М. Вебера, хотя и касалась мировых проблем, в политическом плане вдохновлялась немецкой нацией и идеей национального государства.

Бек предостерегает от смешения критики методологического национализма и признания конца национального государства. Вопреки прежним утверждениям ряда политических ученых, национальные государства будут и дальше процветать или преобразовываться в транснациональные государства (например, Европейский союз). Однако национальная организация как принцип организации действий в обществе и политике больше не может оставаться отправной точкой для социального ученого. Поэтому, как утверждает Бек, «общественные науки способны адекватно реагировать на вызовы глобализации, только если им удастся преодолеть методологический национализм и разработать основы новоявленной космополитической общественной науки».

Пока еще эпоха, называемая эпохой глобализации и всеобщих рисков, не стала эрой космополитизма, по мнению Бека. Скорее, сегодня идет процесс космополитизации. Эту разницу необходимо понимать: результат и процесс. При этом не имеет значения, желают ли отдельные страны или социологи космополитизироваться: это объективный процесс, вовлекающий в свою орбиту весь мир. С точки зрения философии космополитизм — это задача, сознательное решение, норма и ответственность элит общества. Для социолога космополитизация — повседневный, часто незаметный и неосознанный процесс, который необходимо исследовать на всех уровнях социальной жизни, поскольку космополитизация «охватывает все — от верхушки общества до повседневной жизни семей, ситуаций на работе, индивидуальных карьер и живых организмов, хотя над этим еще развеваются государственные флаги, а позиции государств, национальная идентичность и национальные формы сознания даже укрепляются» [6, с. 50].

Диагноз космополитизации, озвученный в начале XXI в. [7], соединяется у Бека с диагнозом «общества всемирного риска», данного в 1990-е: они дополняют друг друга. Поскольку риски являются всеохватывающими (ядерный, экологический, финансовый, военный, террористический, биохимический и информационный), их присутствие ощущается повсеместно и «возможны только три варианта реагирования: отрицание, апатия и трансформация». Ни один из вариантов не эффективен, но только транс-

формация характеризует проблему, которую отражает понятие «общество всемирного риска», т. е. позволяет искать ответ на вопрос: «как множество ожидаемых вариантов рукотворного будущего и связанных с ними опасных последствий влияют на восприятие, условия жизни и институты современных обществ и трансформируют их?» [5].

Что же нового в обществе всемирного риска? Современное общество до основания сотрясает глобальное предчувствие глобальных катастроф (изменение климата, финансовый кризис). Такое восприятие глобализированных, искусственно созданных рисков и неопределенности характеризуется тремя признаками: делокализацией, некалькулируемостью, невозместимостью рисков. Больше не существует «райских уголков», свободных от рисков: везде могут происходить аварии, стихийные бедствия, изменяться климат. Поэтому сегодня нет реальной компенсации угроз, действует принцип «предосторожность через превентивные меры».

Остановимся на прогностическом потенциале космополитического диагноза, поставленного «глобальному обществу риска» Беком в начале XXI в. Ожидает ли сам автор воплощения в жизнь этой парадигмы? Хотя Бек сохраняет определенный оптимизм и ставит ответ на этот вопрос в зависимости от степени восприятия идеологии космополитизма политическими акторами разных стран и регионов, он понимает, что рост рисков в мире, скорее, способствует росту политической борьбы за передел власти и ресурсов, чем поиску консенсуса для коллективного предотвращения новых катастроф и смягчения социального неравенства. Он склоняется к мысли, что будет формироваться космополитическая *Realpolitik*, которая «ставит во главу угла власть и интересы», а не общие идеи. Используя эту космополитическую реал-политику, он надеется, что появится возможность отстаивать интересы отдельных игроков таким образом, чтобы они служили реализации общих космополитических целей, поскольку ни одна нация не сможет справиться со своими проблемами в одиночку. «Космополитизм, понимаемый таким образом, не призывает к тому, чтобы жертвовать собственными интересами или отдавать предпочтение исключительно высоким идеям и идеалам. Напротив, космополитическая *Realpolitik* признает, что политические действия по большей части основаны на интересах. Но настаивает на том, чтобы преследование собственных интересов было совместимо с интересами более широкого сообщества. Так, космополитический реализм означает признание легитимных интересов других и их учет при формулировании собственных интересов. В этом процессе интересы становятся “рефлексивными национальными интересами” через повторяемые совместные стратегии самоограничения; точнее, полномочия возникают из самоограничения» [8]. В идеале индивидуальные и коллективные цели, как национальные, так и глобальные, могут быть достигнуты одновременно. В реальности, однако, часто приходится сталкиваться с ограничениями и дилеммами космополитической *Realpolitik*.

Бек остается на почве реализма и понимает, что в реальной политике космополитизм — не панацея от всех мировых проблем, он не всегда может быть эффективен. «Имеет ли та или иная проблема космополитическое решение, зависит от нормативных и институциональных рамок. Тем не менее основная идея такова: будущее открыто и зависит от решений, которые мы принимаем» [6, с. 56].

В то же время Бек продолжает высказывать уверенность в том, что космополитизму принадлежит будущее: «космополитические обязательства приобретают подлинно всемирное значение не только при ответах на вызовы общества глобального риска». Бек формулирует новый императив космополитического сотрудничества: сотрудничай или потерпишь крах. Права человека или катастрофа человечества. «Космополитизация — отправная точка для исследований, политическая реальность и нормативная теория. Это кардинально важная теория нашего времени, поскольку она бросает вызов так называемым национальным истинам, которые в эпоху всеобщего глобального риска устарели» [6, с. 57].

Космополитизм как теория и диагноз времени имеет своих сторонников и противников в разных странах, поскольку односторонне фокусирует внимание на тенденции глобализации и абсолютизирует некие универсальные тренды в развитии общества.

Как утверждают оппоненты Бека — сторонники современной «публичной социологии» (термин М. Буравого) — на практике космополитизм означает «последовательное отрицание компромисса между равенством и различием раз и навсегда», так как социологи не должны идти на поводу у событий, только анализируя их: они сами должны активно участвовать в социально-политической жизни и стараться изменять ее к лучшему [9, р. 7]. В теоретическом отношении сторонники других парадигм справедливо отмечают связь теории космополитизма с прежними теориями модернизации, понимавшими мировое развитие как «глобальную экспансию западного секулярного общества модернизировать, представленного как универсальный процесс человеческого развития» [10, р. 59].

Библиографические ссылки

1. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
2. *Beck U.* The Cosmopolitan Perspective: The Second Age of Modernity // *British Journal of Sociology.* 2000. № 5(11).
3. *Beck U.* What does Cosmopolitan theory have to say to Southern Sociology? // *Global Dialogue.* 2011. Vol. 1, № 3.
4. *Inglis D.* Cosmopolitan sociology and the classical canon: F. Tonnies and emergence of global Gessellschaft // *The British Journal of Sociology.* 2009. Vol. 60, № 4.

5. *Beck U.* World Risk Society. Cambridge : Polity Press, 1999.
6. *Бек У.* Космополитический поворот // Полис. 2012. № 5.
7. *Beck U.* The Cosmopolitan Vision. Cambridge : Polity Press, 2006.
8. *Beck U., Grande E.* Cosmopolitan Europe. Cambridge : Polity Press, 2007.
9. *Lutz H.* From Cosmopolitanism to Public Sociology // Global Dialogue. 2011. Vol. 1, № 3.
10. *Casanova J.* Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // Current Sociology. 2011. № 59(2).

3.5. ТУРБУЛЕНТНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Иммануил Морис Валлерстайн (род. 1930) — один из старейших американских социологов и основателей мир-системного подхода в социальных науках, историк экономики. В знак признания его заслуг избирался президентом Международной социологической ассоциации (1994—1998). Родился Валлерстайн в Нью-Йорке, получил блестящее образование в престижном Колумбийском университете, где потом стал доктором наук, а в 1958—1971 гг. преподавал на факультете социологии этого университета. С середины 1970-х гг. до выхода на пенсию был директором Центра изучения экономики, исторических систем и цивилизации имени Фернана Броделя. С 2000 г. по настоящее время — ведущий исследователь в Йельском университете. Автор более 30 книг и многочисленных статей, он и сейчас пишет новые работы, принимает активное участие в научных конференциях. И. Валлерстайн относится к тому типу социологов, которые свободно оперируют глобальными данными, касающимися социальных процессов, рассматриваемых в огромных временных и пространственных рамках.

Основной вклад Валлерстайна в мировую социологию — разработка мир-системного подхода [1]. Согласно этому подходу единственной социальной реальностью являются «социальные системы», подразделяемые на мини-системы и миры-системы, которые подвергаются им глубокому анализу. Валлерстайн уделяет главное внимание мирам-системам, подразделяемым им на миры-империи и миры-экономики. Критерий этого деления — различные способы производства. Наиболее устойчивыми, по мнению Валлерстайна, являются миры-империи, в которых экономика находится под диктатом политической власти. Наряду с ними возникают миры-экономики, где нет социальных ограничений для развития производства, что становится возможным при освобождении экономики из-под диктата политики вследствие победы капиталистического способа производства [2]. Больше всего Валлерстайна интересует капиталистический мир-экономики — единственный из миров, который не только выжил, но и победил остальные социальные системы, «втянув» их в себя. Разработанная Валлерстайном мир-системная

методология исследований была успешно применена им к анализу современных глобальных проблем [3].

Эта методология способствовала осмыслению автором траекторий будущего развития, а также позволила ему поставить собственный критический и нелицеприятный «диагноз» современности. Как настоящее, так и будущее мира мыслится Валлерстайну довольно конфликтным, поскольку ни одна острая проблема конца XX в. не была решена. Поэтому новые революционные потрясения мира, которые радикально изменят его, не исключены. Современный мир не похож на старый, он стал менее рациональным и уже не дает оснований для прогрессистских прогнозов на будущее [4]. Валлерстайн уверен, что развитие мира идет и будет идти дальше по качественно иному, чем сейчас, сценарию. Сегодняшний структурный кризис современной мир-системы привел, по его мнению, эту мир-систему к ситуации ее перехода в другое качество. В известной статье Валлерстайна «Глобализация или век перехода? Один долгосрочный взгляд на траекторию мир-системы», опубликованной в журнале «Международная социология», говорится о том, что современная мир-система вступает в период хаотичного движения, и это неизбежно ведет к системной бифуркации и к переходу к новой структуре. Однако природа ее еще не определилась. Более того, Валлерстайн утверждает, что вообще нельзя заранее определить, каким будет новая мир-система, так как она подвержена вмешательству людей, которое может существенно повлиять на происходящие процессы: «Массы в мире, обращавшиеся к государствам как агентам трансформации, сейчас вернулись к прежнему более фундаментальному скептицизму в отношении способности существующих государств двигать вперед трансформацию или даже поддерживать общественный порядок», – пишет автор [5, с. 263].

В рамках своей методологии Валлерстайн весьма критикует глобализацию: пока еще она не помогла сделать мир более справедливым и не уменьшила социальное неравенство. Оставаясь в рамках своего макросоциологического подхода, Валлерстайн не высказывает оптимизма и относительно процессов модернизации. На этом основании Валлерстайн решительно ставит современности «старый диагноз»: он считает, что теория модернизации идеологически окрашена и предлагает капиталистическую модель общества, представленную как образец для всех. По утверждению Валлерстайна, «мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире», который становится все более несправедливым по отношению к странам, не находящимся в центре этого мира [6].

Так же критически Валлерстайн оценивает и глобализацию: в разгар глобального экономического кризиса 2008 г. социолог решительно заявил: это провал неолиберального типа глобализации, навязываемого всему миру глобальной финансовой элитой в качестве единственной.

Валлерстайн дает анализ экономической ситуации в мире за последние полвека. Программа неолиберальной глобализации воспользовалась застоєм

в прибылях во всем мире, который начался после длительного периода беспрецедентного глобального роста в период 1945 – начала 1970-х гг., что стимулировало господство кейнсианских и/или социалистических взглядов в политике. Зстой в доходах создал проблемы платежных балансов большинства правительств мира, особенно на глобальном Юге и в так называемом блоке социалистических стран. Неолиберальное контрнаступление возглавили правые правительства США и Великобритании (Рейган и Тэтчер), а также два межправительственных финансовых агентства – МВФ и Всемирный банк. Они вместе создали и провели в жизнь то, что стали называть Вашингтонским консенсусом. Лозунгом этой глобальной политики стал тезис «Нет никакой альтернативы» (There is No Alternative). Этот лозунг давал понять правительствам всех стран, что им нужно подчиняться неолиберальным рекомендациям международных финансовых организаций; в противном случае им откажут в международной помощи при любых трудностях, с которыми они столкнутся.

В 1980-е гг. эти идеи выступали как противовес столь же старым кейнсианским или социалистическим взглядам, доминировавшим тогда в большинстве стран мира: экономика должна быть смешанной (государственные плюс частные предприятия); правительства должны защищать своих граждан от популистских квази-монопольных корпораций, собственники которых – иностранцы; правительства должны также прикладывать усилия для выравнивания жизненных шансов разных групп населения путем трансфертных выплат менее зажиточным согражданам. Последнее особенно важно для того, чтобы дать всем гражданам шанс получить образование, услуги здравоохранения, иметь гарантированный уровень доходов. Достижение этих целей, конечно, требовало роста налогообложения зажиточных граждан и корпораций.

Одним из важнейших последствий либеральной глобализации конца XX в. стал крах мировой системы социализма. Валлерстайн пишет: «Социалистические, даже кейнсианские идеи были основательно дискредитированы в общественном мнении и отвергнуты политическими элитами. Наиболее очевидным последствием стало падение коммунистических режимов в Центрально-Восточной Европе и бывшем Советском Союзе плюс политический курс, дружественный к рынку, во все еще номинально социалистическом Китае» [6, с. 91].

Валлерстайн реалистически констатирует, что либерализм, будучи взят на вооружение политиками и учеными-обществоведами современности, одержал полную победу над другими политическими и социальными идеями: «Либеральная идея “среднего пути” одержала победу. Либеральные убеждения легли в основу геокультуры нашей мир-системы. Они определяют политические структуры ведущих государств, создавших модель, к воплощению которой следовало и следует стремиться другим государствам» [4, с. 209].

По мнению Валлерстайна, народы мира могут сделать важные выводы из экономического кризиса 2008 г., совпавшего с крахом неолиберальной глобализации:

«1. Конец роли доллара США как мировой резервной валюты, что делает невозможным продолжение политики сверх-задолженности правительств и США и их клиентов.

2. Возврат к высоким уровням протекционизма и на глобальном Севере, и на глобальном Юге.

3. Возврат к покупке государством падающих предприятий и проведение кейнсианских мер. Последнее — возврат к росту государственных перераспределительных социальных мер.

Маятник в политике пошел назад. Неолиберальную глобализацию через десяток лет будут описывать как цикл истории капиталистической мир-экономики. Реальный вопрос не в том, кончилась ли эта фаза, а в том, сможет ли такой поворот, как в прошлом, вернуть относительное равновесие этой мир-системе. Или вреда сделано слишком много, и мы сейчас вошли в фазу более насильственного хаоса в мир-экономике и поэтому во всей мир-системе в целом?» [6, с. 92].

Однако конкретными выводами относительно экономического кризиса Валлерстайн только начинает свой «диагноз современности». Опираясь на экономический кризис, ученый идет дальше в анализе общества, переходит на мировой уровень. Главная проблема на этом уровне видится ему в том, что нарушено глобальное равновесие в мире, и вернуть его уже невозможно — точка бифуркации пройдена. Валлерстайн пишет: «Что заставляет систему уходить дальше от равновесия? Вкратце, дело в том, что за последние 500 лет основные расходы капиталистического производства: персонал, ресурсы, налоги — постоянно поднимались в форме процента возможной цены продаж так, что сегодня невозможно извлечь крупную прибыль из квази-монопольного производства, которое всегда было базой значимого накопления капитала. Не потому, что у капитализма не получается то, что он делает лучше всех. Именно потому, что он это делал хорошо, он, наконец, подорвал основу будущего накопления» [6, с. 94].

Итак, диагноз современности Валлерстайна совпадает с тем, который ставят ей и другие мэтры современности: непредсказуемость, неопределенность будущего и полная беспорядочность настоящего. Этот диагноз получил название турбулентности. «Когда мы подходим к такой точке развития, система вступает в бифуркацию. Непосредственным следствием становится хаотичная турбулентность, которую в данный момент испытывает наша мир-система и будет испытывать еще, наверное, лет 20–50. Когда каждый тянет в любом направлении, которое кажется в данный момент лучшим, новый строй возникнет из хаоса одним или двумя альтернативными и очень разными путями» [5, с. 94].

Отметим, что теме турбулентности современности была посвящена X конференция Европейской социологической ассоциации в Женеве (2011), на которой эпоха турбулентности была охарактеризована таким образом: «Первое. Невероятно велика скорость изменений, скорость распространения кризиса и появления экономик с существенным государственным долгом. Второе. С момента создания Евросоюза, нового интеграционного эксперимента, не было таких сильных ощущений дезинтеграции в его странах. Не было и ощущения столь разрушительного влияния финансового капитала, атакующего национальные государства, озабоченности национальных политиков сиюминутной политической выгодой в их странах в ущерб европейской солидарности и долгосрочным перспективам. Наконец, эрозия социального государства — основного завоевания европейских обществ» [7, с. 4].

Что ожидает мировое сообщество в эпоху турбулентности? Мировая социология пока не дала точных прогнозов на этот счет, тогда как И. Валлерстайн, опираясь на свою методологию мир-системного анализа, сделал вывод, что «нынешняя система не выживет», хотя и «нельзя предсказать, какой новый строй придет ей на смену. Выбор будет результатом бесконечного множества отдельных действий.... Выбор новой системы — предмет крупнейшего политического противоборства во всем мире нашего времени» [6, с. 94]. Судя по рассуждениям Валлерстайна, основанным на экономических циклах, переживаемых мир-системой, на качественный переход к новому состоянию понадобится до 50 лет. И хотя пока мир-система находится в кризисе, переход уже начался [5, с. 263].

Библиографические ссылки

1. World-Systems Analysis: Theory and Methodology / I. Wallerstein [et al.]. Beverly Hills : Sage, 1982.
2. *Wallerstein I.* The Capitalist World-Economy. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.
3. Dynamics of Global Crisis / I. Wallerstein [et al.]. N. Y. : Monthly Review Press, 1982.
4. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2004.
5. *Wallerstein I.* Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15, № 3.
6. *Валлерстайн И.* 2008: Провал неолиберальной глобализации // Социс. 2009. № 6.
7. *Данилова Е. Н.* Турбулентное время... в Швейцарии // Социс. 2012. № 3.

4. АЛЬТЕРНАТИВЫ ЗАПАДНОМУ МОДЕРНУ

Альтернативы в социологии означают разного рода оппозиционные направления, парадигмы и теории, критикующие традиционный социологический канон. Хотя само понятие «альтернатива» подразумевает единственное число, в социологии оно используется для определения характера многих альтернативных выборов, не совпадающих с мейнстримом. Особенно большое количество альтернатив появилось во второй половине — конце XX в.: все они рассматривали классическую социологию как ангажированную, рефлексирующую реальность только продвинутых стран Запада; таким образом, эти альтернативы были изначально повернуты против теорий, авторами которых были социологи стран «Большой четверки».

Интеллектуальная история альтернативных концепций может быть прослежена начиная с Франкфуртской школы, теоретики которой (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе) критически пересмотрели всю историю общества вплоть до стадии «позднего капитализма» и назвали традиционную социологию апологетической по отношению к этому обществу. Была поставлена задача найти радикально иные способы репрезентации реальности и ее изучения с помощью диалектики.

В эпоху кризиса социологии 1960–70-х гг. появились новые альтернативы А. Гоулднера [1] и Р. Фридрихса; наконец, в 1979 г. итальянский социолог Франко Ферраротти выпустил труд под названием «Альтернативная социология», в котором он критиковал страны и Запада, и Востока и утверждал, что их социологи служат интересам господствующих классов [2]. Он описал альтернативную социологию как модель будущего социологии, исследующую всю мировую систему, не оглядываясь на интересы правящих классов, как это делают якобы ангажированные социологи.

Поиски альтернатив устаревшим в современную эпоху классическим и постклассическим парадигмам идут по меньшей мере несколько десятилетий. В рамках собственно западной социологии, ее мейнстрима, их результатом стало возникновение новых теорий и парадигм, которые могут рассматриваться как альтернативные (в указанном академическом смысле слова). В данном

разделе они представлены новой теорией модернизации, противопоставленной прежним (классическим) односторонним ее вариантам, и парадигмой мультимодерности, идеи которой заложил израильский социолог Ш. Айзенштадт и которая затем нашла сторонников во многих странах мира. Эта парадигма провозглашала равные права на развитие многих вариантов модерна, т. е. лишала западный модерн универсальности, низводила его на положение одного из многих модернов.

В 1980-е гг. альтернативная социология характеризовалась не только антитехнократическими и антипозитивистскими идеями, но также экстремистскими тенденциями, продвигающими анархию вместо государства, прямую демократию вместо репрезентативной демократии. Популярность этих идей вскоре упала, однако они повлияли на другие направления социальных исследований (феминизм, пост-колониализм, культурные исследования), где на первый план были выдвинуты включенные качественные методы исследования и альтернативные взгляды на социальный мир.

Феминистская альтернатива занимает особое место. Она появилась в 1970—80-е гг. как попытка радикального переосмысления и социологии, и всех социальных наук, попытка создать новый взгляд на социальный мир и его агентов, в котором женщины и мужчины были бы представлены на равных. Позднее феминистская парадигма стала объединять всех авторов, которые отвергали функционализм и приписывание социальных ролей мужчинам и женщинам исходя из их биологической природы, хотя внутри феминизма сами его сторонники размежевались на множество лагерей и направлений.

Образец радикального альтернативного мышления представлен в работе «Южная теория» Р. Коннелл [3]. Автор предлагает новую глобальную социальную науку, включающую в себя идеи многих социологов, живущих и работающих за пределами социологического мейнстрима, в бывших колониальных и полуколониальных странах. Для Коннелл Южная теория — одна из многих альтернатив, которая помогает создать более демократическое и плюралистическое мировоззрение, где Северная (или Западная) теория будет всего лишь одним из вариантов. Другие авторы требуют включить в социологические исследования не только традиционные социологические данные, но и доказательства, представленные литературой, искусством или естественными науками.

Особо выделяется идея Востока. Так, работавший в США арабский интеллектуал Эдвард Саид представил идею Востока как «Другого» по отношению к Западу (1979). Саид показал, что неподходящая теоретическая рамка может привести к неправильному пониманию мира Востока и что нужны различные теоретические парадигмы для глубокого понимания незападных обществ [4].

4.1. ПЕРЕСМОТР ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Классическая теория модернизации была разработана Т. Парсонсом в середине XX в. Она претендовала на статус универсальной и выделяла три ступени эволюции общества, якобы неизбежные в его модернизационном развитии: доиндустриальную (традиционное общество), индустриальную и постиндустриальную (современное общество). Каждая из этих ступеней характеризовалась с помощью эволюционных универсалий, или подсистем эволюционного развития: например, традиционное общество имело четыре универсалии (систему родства, технологию, религию, семью, систему вербальной коммуникации), тогда как современное — десять, главными из которых были рынок и демократия. Проследивая развертывание этих десяти универсалий, социолог тем самым может определить, на каком этапе развития находится то или иное общество в процессе модернизации. Модернизация тесно связывалась с урбанизацией, научно-техническим прогрессом, индустриализацией и т. п. Образцом в этом процессе, конечно, считались США [5]. В этом варианте модернизация представляла как часть более общей структурно-функциональной парадигмы, включая все ее недостатки, а ее модель выглядела весьма абстрактной и трудно приложимой к эмпирическим исследованиям.

Теория модернизации Парсонса была в 1950-е гг. перенесена и на европейскую почву. Так, весьма популярными эти теории и идеи образцовости США как универсальной модели модерна были в Германии [6]. На теоретической базе теорий модернизации в 1950-е гг. проводились междисциплинарные исследования, в частности, замерялась «степень близости» Германии по тому или иному параметру образцовому «обществу модерна». Только студенческие «левые» движения конца 1960-х гг. положили конец доминированию теории модернизации в западной социологии в описании и объяснении макросоциальных изменений, а также серьезно подорвали доверие и к парсоновской парадигме.

Однако теория модернизации продолжала и далее развиваться в реформированном виде в трудах неопарсонянцев, а с середины 1980-х гг. она снова актуализировалась. Немецкий социолог В. Цапф объясняет причины возрождения теорий модернизации так: упадок мировой системы социализма дал сторонникам модернизации новые эмпирические доказательства правоты этой теории [7, s. 63].

Новый подъем интереса к наследию Парсонса в Германии связан с Рихардом Мюнхом, основной труд которого, написанный в 1982 г., — «Теория действия. К реконструкции вклада Талкотта Парсонса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера» — был направлен прежде всего против других теорий действия, включая теории Хабермаса и Лумана [8]. Проанализировав большое количество источников, Р. Мюнх попытался доказать, что волюнтаристская теория действий Парсонса является вершиной социальной мысли и превосходит все другие теории. По мнению Р. Мюнха, Парсонс избежал всех форм редуцио-

низма, которые имеют место не только у современных немецких теоретиков, но и у классиков теории действия — Э. Дюркгейма и М. Вебера. Полемизируя с Н. Луманом, популярность которого в те годы росла, Р. Мюнх заявлял, что излишняя радикализация функционализма, осуществленная Н. Луманом, искажила смысл парсоновского представления о взаимопроникновении подсистем. Как утверждал Мюнх, для западного развития было характерно воздействие культурных образцов и ценностей на самые различные подсистемы, что привело к взаимопроникновению этики и современного мира. Иначе говоря, он доказывал, что тезис Парсонса о нормативной интеграции общества «работает» и в современном обществе. Мюнх остался верен парсоновскому нормативному функционализму и в более поздних своих работах, где он провел сравнительный анализ ведущих западных стран [9; 10].

В американской социологии после Парсонса было предпринято много попыток приспособить теорию модернизации к эмпирическим исследованиям, чтобы использовать ее для сравнительных исследований разных стран и получению эмпирических данных по поводу успехов модернизации той или иной страны. Появились новые теории, не навязывающие жестких универсальных схем развития.

Современные версии модернизации существенно отличаются от парсоновского паттерна. Таких новых версий довольно много; они избавлены от первоначальной односторонности теоретической модели модернизации: вместо акцента на развитии экономических факторов признают многие внутренние и внешние факторы и условия развития. Прежде всего было радикально переосмыслено место социокультурного контекста модернизации, значение которого резко возросло по сравнению со схемой Парсонса, а также пересмотрены и многие другие ее концептуальные характеристики. В настоящее время западная социология имеет в своем арсенале полностью реформированную, усложненную и избавленную от прежних недостатков теорию, пригодную для проведения на ее основе эмпирических исследований. Поэтому современный вариант западной теории модернизации может считаться альтернативой структурно-функционального варианта Парсонса.

Раскроем содержание и структуру современной концепции на примере теории модернизации, созданной американским социологом и политологом Рональдом Инглхартом. На базе этой теории уже несколько десятков лет проводятся эмпирические сравнительные исследования в рамках крупномасштабных проектов World Value Studies и European Value Studies, куда включены и постсоветские страны.

В основу теории «двойного ценностного перехода» Р. Инглхарта положена модернизационная идея, связывающая культурное развитие с этапом социально-экономической модернизации страны. Эта теория за более чем два десятилетия ее развития претерпела значительные изменения, сама была «модернизирована» автором. Концепция модернизации Р. Инглхарта изначально (в 1980-е гг.) связывала воедино три различных критерия развития общества: социальные ценности, экономический рост и уровень демократии [11].

По мнению Инглхарта, под чьим руководством или с его участием было проведено около 400 исследований, ценности — это индикатор позиции общества, анализируемого по шкале «выживание — самовыражение». Эти взаимоотношения комплексно исследовались международной командой Инглхарта в разных регионах мира, в результате чего был сделан вывод об их влиянии друг на друга [12, р. 9]. Однако когда выбранные переменные стали изучаться как единая система, оказалось, что экономический успех не всегда сопровождается ростом демократии или ценностей самовыражения [13, р. 14]. Инглхарт подверг радикальному пересмотру классические теории модернизации, отводившие решающую роль экономическому развитию [14, р. 553—554].

В о - п е р ы х, он доказал, что модернизация не является линейным процессом, идущим везде в одном и том же направлении. Если индустриализация (первая ступень модернизации) приводит к таким изменениям, как бюрократизация, иерархия, централизация власти, секуляризация, и сдвигу от традиционных к секулярным и рациональным ценностям, то постиндустриальная (вторая) ступень модернизации делает акцент на индивидуальной автономии и ценностях самовыражения, которые подрывают легитимность авторитарных режимов и приближают демократические изменения. Этот процесс изменений, однако, не является детерминистским: большую роль играют национальные условия и национальная элита. Более того, модернизационные изменения не являются необратимыми. Экономический коллапс может привести к краху модернизации, как это имело место в годы Великой депрессии в Германии, Италии, Испании, а в 1990-е гг. — в постсоветских странах.

В о - в т о р ы х, социокультурные изменения зависят от прошлого (path dependence). Хотя экономическое развитие позволяет предвидеть соответствующие изменения во взглядах и ценностях людей, последнее слово остается за историческим и культурным наследием народа. Поэтому авторы классической теории модернизации, утверждавшие, что религия и этнические традиции исчезнут, были не правы.

В - т р е т ь и х, модернизация не тождественна вестернизации, на что рассчитывали ранние сторонники этой теории. Хотя процесс индустриализации начался на Западе, за последние десятилетия страны Восточной Азии продемонстрировали самый высокий в мире экономический рост, а Япония вышла на первое место в мире по продолжительности жизни, обогнав страны Запада.

В - ч е т в е р т ы х, модернизация не приносит демократию автоматически. Индустриализация вполне может привести к фашизму, коммунизму, теократии наряду с демократией. Что же касается постиндустриального общества, оно с большей вероятностью может вызвать социокультурные изменения, способствующие установлению демократии. «Общества знания» не могут существовать без высокообразованных работников, которые предпочитают принимать самостоятельные решения. Возросший уровень экономической безопасности также способствует развитию ценностей самовыражения и свободе выбора. Массы все более склонны поддерживать демократию и добиваются этого. Массовые репрессии в отношении либе-

рализации приобретают такую высокую цену, что становятся экономически неэффективны. Таким образом, постиндустриальная экономика способствует демократизации общества.

Результирующая версия теории модернизации Р. Инглхарта подтвердилась данными исследований в более чем 80 странах мира, где проживает почти 85 % населения мира, а именно: в постиндустриальном обществе экономическое развитие действительно способствует распространению ценностей самовыражения и повышению уровня демократии; выявленные связи демонстрируют устойчивость во времени; ценности самовыражения коррелируют с развитием гражданского общества, гендерного равенства, демократии; наконец, возможно, эти связи каузальны [14, р. 566]. Было доказано, что если в обществе доминируют ценности самовыражения, а ценности самосохранения теряют свою важность, эти результаты можно рассматривать как валидные показатели его успешного развития по пути экономической и политической модернизации.

Р. Инглхарт и его немецкий коллега К. Вельцель пишут о полученных ими с 1981 по 2008 г. данных: «Эти данные демонстрируют, что основополагающие ценности и убеждения, характерные для членов передовых обществ, радикальным образом отличаются от ценностей и убеждений жителей менее развитых стран — и что эти ценности в процессе социально-экономического развития эволюционируют в предсказуемом направлении. Изменение ценностей, в свою очередь, ведет к важным социально-политическим последствиям, способствуя утверждению гендерного равенства и демократических свобод и совершенствованию государственного управления» [15, с. 10].

Подход, который в конечном счете был принят Р. Инглхартом и его коллегами, отвергает как экономический, так и культурный детерминизм; он пытается объединить все стороны развития общества воедино, но при этом общая «прогрессивная» направленность развития четко определена: главный критерий прогресса — рост ценностей самовыражения, т. е. показатели культурной сферы развития общества. Например, как считает Инглхарт, именно приоритетность ценностей самовыражения позволила населению ряда посткоммунистических центрально-европейских стран успешно пойти по пути развития демократии после краха системы социализма, тогда как другие страны не столь далеко продвинулись на этом пути: «продолжительные и глубокие экономические неурядицы могут развернуть процесс вспять, что мы наблюдали в 1990-х годах в большинстве постсоветских государств» [15, с. 77].

Только утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество нового типа, в центре которого находится человек. Таким образом, модернизация в социально-экономической сфере, утверждение ценностей самовыражения в культурной сфере и демократизация представляют собой компоненты единого основополагающего процесса — человеческого развития. Лейтмотивом этого процесса является расширение свободы выбора.

Процесс модернизации общества происходит постепенно, в два этапа. На первом этапе (индустриализации) доминируют материалистические ценности и создаются условия для будущего экономического благополучия населения. Однако в обществе сохраняются относительно скромные экономические условия жизни, поэтому ценности выживания являются преобладающими. На второй стадии модернизации, т. е. на этапе перехода к постиндустриальному обществу, когда все базовые потребности населения удовлетворены, общество переходит на более высокую ступень развития ценностей культуры [16, с. 86–90]. «Двойной» или амбивалентный подход к интерпретации процесса модернизации состоит в признании обратимости процессов изменения: при успешной социально-экономической модернизации общество движется в сторону развития ценностей самореализации и свободы (личные свободы, свобода выбора в сфере религии и морали, индивидуализация стиля жизни), или так называемых постматериалистических ценностей; при замедленной модернизации или ее отсутствии в обществе, или даже при затяжных экономических кризисах, доминируют материалистические ценности, или ценности выживания. «Изменения в культурной сфере меняют свою направленность в ответ на масштабные сдвиги в условиях существования людей», – утверждают авторы [14, с. 59]. Универсальный характер данной логики взаимосвязей между модернизацией и культурными изменениями позволяют применить эту теорию и к развитым странам Запада, а также Азии и Африки, и к постсоветским странам, включая Россию.

Для объяснения постсоветской трансформации особо важным является сделанный Р. Инглхартом обобщающий вывод о механизме модернизации, в котором «отправной точкой является культура, а конечной – институты, а не наоборот» [14, с. 16]. Этот вывод свидетельствует, что демократию нельзя «перенести» или «привить» в общество, в котором не созданы для нее культурные условия. Сами институты демократии останутся имитационными, если в обществе не сформирована демократическая политическая культура, а ее развитие не может быть осуществлено одномоментно. Отсюда Инглхарт делает три дополнительных вывода, которые существенно дополняют прежнюю (классическую) теорию модернизации общества 1950–60-х гг.:

1) важно не только социально-экономическое развитие общества, но и культурные факторы (идеология, религия), существенно влияющие на его развитие;

2) развитие общества не имеет линейного характера, оно не предопределяется извне или заранее;

3) утверждение культурных ценностей самовыражения эмансипирует личность и общество, повышает уровень их независимости от государственных институтов и тем самым создает необходимые условия для утверждения демократии. Для постсоветской России усвоение этих закономерностей, выведенных на основе анализа эмпирического материала разных стран, мог-

ло бы способствовать повышению уровня теоретического анализа данных собственных исследований.

Для понимания процессов постсоветской трансформации важен также вывод Р. Инглхарта о нелинейном и вероятностном (а не жестко детерминированном экономикой) характере развития модернизирующегося общества. Успешное социально-экономическое развитие страны создает объективные условия для последующих ценностных изменений, но для дальнейшего продвижения по пути модернизации необходимо, как подчеркивает Инглхарт, чтобы население страны долгое время жило в условиях экономического благополучия. Таким образом, практическое применение в научной сфере на постсоветском пространстве комплексной модернизационной теории, разработанной под руководством Р. Инглхарта, осуществляется достаточно долгое время. Причина этому – включенность стран в международные исследования, проводимые на основе данной теории, возможность проведения кросс-культурного сравнительного анализа на базе данных, полученных в рамках указанных международных исследований.

Библиографические ссылки

1. *Gouldner A.W.* The Coming Crisis of Western Sociology. N. Y. : Basic Books, 1970.
2. *Ferrarotti F., Freiberg J. W.* An alternative sociology. N. Y. : Irvington Publishers, 1979.
3. *Connell R.* Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Crows Nest : Allen and Unwin, 2007.
4. *Said E.* Orientalism. N. Y. : Vintage Books, 1979.
5. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998.
6. *Zapf W.* Die Theorien der Modernisierung. Köln : Athenäum, 1971.
7. *Zapf W.* Die Modernisierungstheorie und unterschiedliche Pfade der gesellschaftlichen Entwicklung // Leviathan. 1996. Vol. 24, № 1.
8. *Munch R.* Theorie des Handelns. Zur Rekonstruktion der Beiträge von Talcott Parsons, Emile Durkheim und Max Weber. Fr./M. : Suhrkamp, 1982.
9. *Munch R.* Die Struktur der Moderne. Grundmuster und differentielle Gestaltung des institutionellen Aufbaus der modernen Gesellschaften. Fr./M. : Suhrkamp, 1984.
10. *Munch R.* Die Kultur der Moderne : in 2 Bd. Fr./M. : Suhrkamp, 1986. 2 Bd.
11. *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles in Advanced Industrial Society. Princeton : Princeton University Press, 1977.
12. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press. 1997.
13. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change and Democracy. N. Y. : Cambridge University Press, 2005.
14. *Inglehart R., Welzel C.* Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8, № 2.
15. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.
16. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change and Democracy. N. Y. : Cambridge University Press, 2005.

4.2. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МОДЕРНОВ КАК ВЫЗОВ УНИВЕРСАЛИЗМУ ЗАПАДА

Израильский социолог Шмуль Айзенштадт (1923–2010) создал оригинальную теорию модерна, которая известна как теория множественности модернов [1]. Парадигму множественности модернов можно считать не только радикальным пересмотром универсальной концепции модернизации Т. Парсонса, но и оппозицией по отношению к любым универсалистским теориям, так как она исходит из уникальности каждой современной цивилизации и сохранения многообразия модернов. Как утверждает американский социолог Хосе Казанова, эта парадигма дает «более адекватную концептуализацию и прагматическое представление о современных глобальных тенденциях, чем концепции космополитизма или столкновения цивилизаций» [2, с. 259]. Согласно парадигме множественности модернов этот тип общества развивается в разных странах и регионах и везде имеет некоторые общие черты, отличающие его от традиционного типа цивилизации, например принцип суверенитета народов, признание автономии и ценности каждого индивида и др. По этой причине можно говорить о существовании «цивилизации модерна». Однако единой модели модерна не существует, поскольку общие его черты, или принципы, принимают множественные формы и разнообразные институционализации в различных исторических контекстах.

Парадигма множественности модернов не означает, что в процессе модернизации стран нет общих закономерностей; она лишь отвергает доминирование одной (западной) модели и допускает разные схемы продвижения к модерну. Для осмысления того пути, по которому может успешно развиваться та или иная страна, надо исследовать другие варианты модернизации, которые уже проанализированы разными авторами. Рассмотрение этих концепций для других стран, конечно, имеет больше теоретический и методологический смысл, нежели прикладной: нельзя копировать чужие модели, но можно их изучать, анализировать их историю, чтобы лучше понять свой собственный путь развития. В отличие от эволюционистской трактовки модерна как закономерного этапа развития человеческого общества, где парадигма модерна — это общая универсальная парадигма социального развития, у Ш. Айзенштадта и его единомышленников, наиболее известными из которых являются исландский социолог Йохан Арнасон, шведский историк идей Бьерн Виттрок, немецкий социолог Вильфред Шпон, австралийский социолог Джереми Смит, модерн — это лишь один из конкретно-исторических типов общества, а не универсальная стадия человеческой эволюции. Ш. Айзенштадт выдвинул тезис и подтвердил его в собственных исследованиях многих незападных обществ (Япония, Китай, Индия), что модерн — не единый тип общества, а тип его развития, который варьируется в разное время и в различных регионах мира. Поэтому модификации модерна можно встретить как на Западе, так и на Востоке, а также в других частях света. Раз-

ные версии модерна не могут оцениваться с точки зрения того, какая из них лучше или хуже: каждый вариант модерна связан с конкретными историческими условиями его развития. Поэтому каждый вариант общества типа модерна может рассматриваться как отдельная цивилизация.

Ш. Айзенштадт попытался объяснить существующие различия в процессах модернизации отдельных стран на основе применения сравнительно-исторического подхода к анализу цивилизаций и выявлению условий их успешного развития. В своих многочисленных работах он исследовал паттерны революционных изменений, политического развития империй, условия возникновения ключевых («осевых») цивилизаций древности. Ученый не только дал анализ собственно политических систем, определявших характер бюрократических империй в разные периоды истории, но также рассмотрел их социальные и ценностные структуры. Работы израильского социолога отличает яркая особенность: собственные концептуальные построения Айзенштадта насыщены огромным сопоставительным историческим материалом, охватывающим большинство макросоциологических образований Старого Света. Айзенштадт показал, что отличительной чертой этих цивилизаций было развитие внутри них альтернативных, соперничающих представлений об отношениях между трансцендентным и мирским порядками. Эти альтернативные представления, или концепции, формировались на основе трех исходных антиномий, присущих самим основам таких цивилизаций: 1) осознания разнообразия возможностей, связанных с трансцендентными представлениями, и ограниченными путями их воплощения; 2) признания противоречий между стремлениями к полноценной реализации этих представлений в социальных институтах и практической невозможностью это сделать; 3) понимания напряженности между разумом и верой.

Большое место в творчестве Айзенштадта принадлежит анализу многообразия типов современных обществ. Он доказал, что нет и никогда не было единого типа модерна, что каждое общество может развить уникальный тип цивилизации, определяемый своими историческими особенностями, и поэтому Восток не должен подражать Западу. В работе «Традиция, изменение и модерн» [3] Айзенштадт описал динамику модернизации. По мнению израильского социолога, она предполагает базовое развитие таких факторов, как социальная мобилизация, структурная дифференциация, специализация; требует разнообразия социальных институтов, развития регулятивных и аллокативных механизмов в экономических, политических и других институтах. Айзенштадт утверждал, что достижение определенного уровня развития указанных факторов абсолютно необходимо для модернизации, однако для гарантии ее успеха их недостаточно. Требуется создать еще институциональную рамку, способную постоянно поглощать изменения, которые по ходу модернизации возникают вновь и вновь и выдвигают новые требования к институтам. Так, политическая система должна быть устойчивой к независимым социальным движениям, не запрещая их, но и не теряя своей устойчивости. Иначе говоря, кроме определенного экономического

уровня и структурной дифференциации необходима институциональная система, способная успешно справляться с изменениями и проблемами, связанными с модернизацией. По мнению Айзенштадта, модернизацию можно представить как системное изменение, но оно не полностью детерминировано указанными факторами. Процесс модернизации может протекать в разных формах, которые существенно отличаются друг от друга. Частично эти различия могут быть объяснены за счет прошлого развития общества (path dependence), временных совпадений, действия элит и т. п.

Основное внимание Айзенштадт уделяет двум главным, с его точки зрения, аспектам цивилизационного измерения общества — культурному и политическому [4]. Первое из них дает возможность культурной интерпретации мира, выделения культурных ценностей и норм как основы всякого общества модерна. В рамках культуры Айзенштадт особое внимание уделяет религии (мировым религиям) как источнику ценностей и норм, из которых черпают ценности и нормы более поздние культурные образования (включая право). Институты власти репрезентируют способы политической регуляции всех сфер социальной жизни, что делает политику также одной из важнейших сфер исследования модерна. Разные комбинации религиозных и политических образований создают разные локальные формы цивилизаций модерна, или множественность модернити. Таким образом, концепция Айзенштадта в целом акцентирует внимание именно на ценностях культуры и раскрывает внутреннюю сторону цивилизационного измерения общества.

Цивилизационный подход к модерну означает, что всякое общество, обладающее определенной организацией жизни и институтами (даже если они разные, но выполняют сходные функции), будет рассматриваться как особый вариант цивилизации. Элиминируется ценностная оценка «западной цивилизации» как единственной или образцовой: всякая цивилизация получает право на самостоятельность, а не на подражательность Западу в своем развитии. В совокупности различные цивилизации образуют «множество модернов» как альтернативных интерпретаций современности, где каждый вариант является локальным «ответом на новые вызовы». Развивая этот взгляд для исследований разнообразных вариантов модерна в скандинавских странах, известный шведский историк Бьорн Виттрок подчеркивает, что модерн — это «глобальное состояние», которое имеет единство, и в то же время институты и культурные особенности отличают одно общество модерна от другого, например Нордическую модель от западноевропейской [5, p. 155]. Данная парадигма, трактующая современное общество как вариативный набор цивилизаций, репрезентирующих множество модернов, получила весьма широкую поддержку у ученых стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые увидели в ней возможность рассмотрения своих стран как равнозначных западным странам в развитии.

Австралийский ученый Йохан Арнасон был одним из первых сторонников данной парадигмы, который рассмотрел развитие СССР как коммунистический вариант модерна [6]. Проанализировав причины провала

советского модерна, он также показал, что в случае эффективного реформирования данная модель вполне могла продолжить свое развитие, как это случилось в Китае. Советский модерн был представлен как многосторонние «претензии на то, чтобы превзойти западный модерн», соединенные с имперскими и глобальными амбициями [7, с. 20]. Развивая сравнительный цивилизационный подход к обществу модерна, Й. Арнасон уделяет внимание таким сторонам жизни обществ, как религия, антропологическое измерение (развитие потенциала самого человека) и политическая система. Такой исследовательский фокус не исключает анализа экономической сферы, но связывает цивилизационное развитие прежде всего с культурным измерением, понимаемым в широком смысле слова. Й. Арнасон также акцентирует возможность ассимиляции отдельной цивилизацией «чужих» механизмов и институтов при сохранении своего сущностного содержания. Таким путем (инкорпорирования чужих механизмов в свою модель развития), по его мнению, шло развитие в Китае, и именно этот путь оказался успешным для сохранения там своего коммунистического варианта модерна.

Представляет интерес ознакомление с модернизационной моделью развития стран Юго-Восточной Азии, которую разработал Й. Арнасон. Родившись в Исландии, получив образование в Западной Европе, проработав двадцать лет в Австралии, ученый более всего интересовался Южной Азией. В центре сравнения разных стран — власть и культура: они были центральными категориями для пересмотра и советского, и японского типов модерна Арнасона. Сравнительный подход считают самым эффективным для таких исследований, поскольку соединение в историческом анализе власти и культуры означает, что «власть и культура не просто конституируют объекты исторического анализа; они релятивизируются в этом взаимно зависимом формировании, и таким способом, посредством которого они концептуализируются» [8, с. 232].

Из стран Юго-Восточной Азии внимание Арнасона сначала привлекла Япония. Как и Ш. Айзенштадт, он тщательно изучил японскую цивилизацию в сравнительно-исторической перспективе — от ее феодальной истории до наших дней. Социолог рассмотрел дуальность японской цивилизации: Япония как образец для подражания и Япония как имперский центр силы, стремящийся к региональному первенству (колонизации). Огромное влияние Японии как образца на весь восточноазиатский регион можно проследить, по мнению Арнасона, на примере Южной Кореи и Тайваня. Однако имперский характер японского модерна, проявившийся уже на первой ступени его формирования, привел общество к существенным проблемам в середине XX в., оставив Японию региональной и даже периферийной формой глобального модерна [9].

Исследование особого пути Японии к модерну пробудили интерес Арнасона к изучению более широкого понятия — конфуцианского типа модерна, а также к межстрановым сравнениям между Китаем, Японией и другими

странами данного региона. Поэтому логичен переход автора к исследованию других стран Восточной Азии. Сначала это был Китай, интересовавший Арнасона и сам по себе, и как альтернатива советской модели внутри коммунистического типа модерна, а также как успешный гибридный тип модерна, сформированный в результате «выхода из коммунизма» [10, с. 404]. Разрабатывая эти проблемы, Арнасон указал на принципиальные различия между Китаем и СССР. Так, он нашел различия во взаимоотношениях этих «альтернативных типов коммунистического модерна» с окружающими странами: китайская версия модерна не имела обширной внешней периферии: другие «однопартийные государства» Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Северная Корея) не находились под китайским контролем. В случае советского модерна наличие стран-саттелитов во многом привело к распылению сил и разрушению центра. Если советский модерн выстраивался, не имея примеров для подражания, то китайская модель могла опираться на существующий советский опыт, пытаясь соединить с ним свой собственный прежний имперский опыт развития. Эти различия дали Китаю большие преимущества. Наконец, Китай более бережно относился к собственным традициям и более умело комбинировал их, продемонстрировав «смесь социальной революции и реставрации империи, идеологической парадигмы и геополитической стратегии» [10, с. 405]. Арнасон показал, что, несмотря на инкорпорирование элементов чужого опыта, специфические китайские факторы сыграли главную роль в том, как «были восприняты и решены проблемы, возникшие в ходе применения советской модели» [10, с. 407].

После Японии и Китая Арнасон перешел к анализу остальных стран восточноазиатского региона, рассмотрев общие и особенные черты тех разных форм цивилизации модерна, которые здесь образовались. Ученый раскрыл содержание и дал аналитическое описание иному типу модерна, названному им восточноазиатским. Раскрывая специфику данного феномена в рамках сравнения регионов (европейского и азиатского), автор пишет: «Восточноазиатский паттерн модерна характеризуется явно контрастирующими между собой вариантами модерна, и эта доминирующая тенденция была вызвана к жизни комбинацией факторов, происходящих как изнутри, так и извне региона» [10, с. 400]. К внутренним факторам Арнасон относит ту особенность, что в нем развились самостоятельные от Запада варианты раннего модерна, что привело к появлению там инноваций, не уступавших Западу, но возникших самостоятельно от него (например, китайская письменность). К важным внешним факторам он относит то, что данный регион был совершенно не затронут западной колонизацией вплоть до позднего времени. Важная региональная особенность состоит также в том, что вся история данного региона была более непрерывной, чем история разворачивания западных вариантов модерна.

В исследовании восточноазиатского типа модерна ученый опирался на два ключевых понятия: модерн и регион, «соединенные в интеллектуаль-

ном контексте» [10, с. 395]. Используя сравнительно-исторический подход, он также вводит в этот контекст анализа понятия цивилизации, альтернативных и глобальных модернов. По мнению Арнасона, в рамках концепции множественных модернов имели место «процессы модернизации, которые разворачиваются одинаково в рамках восточноазиатского региона, и такие, которые вводят новые траектории дифференциации внутри региона», — это и Япония, и коммунистический Китай, и Вьетнам [10, с. 398]. Он анализирует специфику переплетения внешних и внутренних факторов развития, которая в середине XX в. привела к конструированию в регионе новых линий геополитической демаркации, ставших и «границами взаимно несовместимых проектов модерна».

Тщательно исследуя избранную тему, автор не только показывает глубину историческую «укорененность» восточноазиатских типов модерна в местный контекст (исторический регион), но и поясняет, какие уровни цивилизационного анализа необходимы для сравнительно-исторического рассмотрения того или иного общества в данном регионе, что общего и различного имеют между собой (включая и прежние эпохи, описываемые Арнасоном) китайский, японский и другие восточноазиатские типы модерна. При этом цивилизация — лишь один из уровней анализа модерна, наиболее абстрактный, тогда как содержательные детали развития рассматриваются в рамках региона и конкретной страны.

Постоянно возвращаясь к сравнению восточноазиатских типов модерна с западными, Арнасон отмечает невозможность напрямую применения к первым тех схем и последовательностей развития, которые были разработаны для вторых, т. е. западных типов модерна. И японский, и китайский типы модерна, как пишет Арнасон, «вряд ли можно понять в терминах макроперехода от либерального к организованному модерну», т. е. в рамках схемы развития западного типа модерна [10, р. 402]. В то же время Арнасон утверждает, что в Восточной Азии имеет место своя последовательность фаз развития модерна. Таким образом, модерн остается «открытым проектом» и дает перспективы развития различным типам обществ в разных исторических регионах.

Остановимся еще раз на некоторых важных особенностях китайской модели, поскольку именно на нее все чаще обращают исследовательское внимание многие постсоветские, особенно российские, модернизаторы. Выводы Арнасона о Китае можно в целом экстраполировать и на другие страны, которые захотели бы активно использовать его модернизационный опыт. Так, он очень осторожен в отношении китайских перспектив на глобальное доминирование, поскольку Китай сохраняет революционную риторику и идеологию, развивая капитализм в экономике. Арнасон высоко оценивает умелые китайские трансформации, но не уверен, будет ли настолько успешным китайский гибридный тип модерна и далее. Главную цель Китая он определяет как поиск путей нейтрализации конфликта между привне-

сенными извне образами модернизации и собственной культурой. Несмотря на этот опыт и признание растущей мощи Китая, влияющего на соседние страны и весь мир, Арнасон утверждает, что глобальное будущее китайского модерна будет зависеть от сложного взаимодействия сил на мировой арене.

Таким образом, Арнасон дал образец анализа незападных моделей модерна в регионе Восточной Азии, причем как непосредственно являющихся коммунистической альтернативой Западу (Китай), так и иных альтернатив (Япония, Вьетнам, Южная Корея). Работы Арнасона существенно расширили теорию множественных модернов, созданную Ш. Айзенштадтом.

Библиографические ссылки

1. *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1.
2. *Casanova J.* Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // *Current Sociology*. 2011. Vol. 59, № 3.
3. *Eisenstadt S. N.* Tradition, Change, and Modernity. N. Y. : John Wiley & Sons, 1973.
4. *Eisenstadt S. N.* Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden : Brill, 2003. Vol. 2.
5. *Nordic Paths to Modernity* / Ed. by J. Arnason and B. Wittrock. N. Y. ; Oxford : Berghahn, 2012.
6. *Arnason J.* The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model. L. : Routledge, 1993.
7. *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // *Социол. журн.* 2011. № 1.
8. *Smith J. C.* Theories of State Formation and Civilisation in J. P. Arnason and S. Eisenstadt's Comparative Sociologies of Japan // *Critical Horizons: A Journal of Philosophy and Social Theory*. 2002. Vol. 3, № 2.
9. *Arnason J. P.* The Peripheral Centre: Essays on Japanese History and Civilization. Melbourne : Trans Pacific Press, 2002.
10. *Arnason J. P.* East Asian Modernity Revisited // *Essays in honour of Irmela Hijiya-Kirschner* on the occasion of her 60th birthday. Munchen, 2008.

4.3. ФЕМИНИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В настоящее время существует множество теорий феминизма. Это объясняется тем, что теоретики феминизма преследуют собственные цели, представляют различные дисциплины, а в своей аргументации опираются на разнообразные теоретические источники. Самые влиятельные феминистские течения сегодня используют главным образом идеи этнометодологии, постструктурализма, конфликта, психоанализа, а также теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Их объединяет общая цель: критика существующих в обществе отношений власти и господства, по-

давящих и дискриминирующих женщин, и борьба за освобождение от этого угнетенного положения. Они признают, что гендер — это социальная конструкция пола, и поэтому представление о естественном социальном порядке и распределении власти в обществе между полами также является социальной конструкцией, а не обусловлено биологической природой людей. Систему социального неравенства в обществе феминизм также считает социально сконструированной, а не детерминированной различием между полами и «естественным» разделением труда. Общество рассматривается как связанная система социальных отношений, в которой интересы мужчин господствуют над интересами женщин благодаря доминирующему положению мужчин в системе власти. Этими критическими тезисами определяется оппозиционное место феминизма как в системе научного знания, так и в политической теории. Феминизм развивался в социологии и других социальных науках как альтернатива традиционным подходам, которые либо нейтрально-безразлично описывали неравенство мужчин и женщин в обществе, либо оправдывали его, ссылаясь на биологическую природу женщин, на функциональное распределение социальных ролей и властных статусов в обществе и т. п.

Одна из ключевых категорий феминизма — гендер — рассматривается как ключевое измерение социальной жизни, как система социальных и культурных отношений, сложившаяся в конкретно-историческом обществе, определяющая иерархию власти между полами. Поэтому нет и не может быть единственной «естественной» типологии гендеров: в каждом обществе существует свой набор гендеров и специфические отношения между ними [1, р. 4].

Систематическая разработка феминистских теорий началась только в 1960-е гг., хотя борьба за равноправие полов насчитывает почти два века истории. Толчок к их разработке дали студенческие волнения конца 1960-х гг., когда обнаружилось, что революционно настроенные студенты-мужчины левого и марксистского толка практически безразличны к проблеме неравноправия полов и считают ее второстепенной по сравнению с классово-борьбой против капитализма.

Феминистские исследования активно развивались в США, Франции; там же формировались и феминистские теории этого периода (С. Файрстоун, Б. Фридан, С. Бовуар), причем изначально использовался самый разный теоретический инструментарий и понятийный аппарат. Диапазон феминистских теорий варьировался от самых левых, настаивавших на противостоянии полов, до либеральных, от биологической детерминации сексизма до утверждений о его социальном конструировании. Эти поиски можно охарактеризовать как дебаты о том, что есть фемининность и маскулинность, какова основа гендерного угнетения и как оно связано с социальным порядком. Значительное место занимали обсуждения моральных аспектов гендерного неравенства, в ходе которых, в частности, звучала фундированная феминистская критика дискурсивной этики Ю. Хабермаса. Поэтому в 1970—80-е гг. усиленно

развивались феминистские подходы, шел поиск причин психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами, выяснение того, насколько эти различия укоренены в господствующей культуре и влияют на поддержание существующего социального порядка, анализ отношений господства и возможности социального изменения в этой сфере. Наиболее значимые феминистские теории возникли в конце 1980-х гг., когда на первый план вышли не различия, а определенное сходство между полами как категориями, конструируемыми социально-исторически, а не биологически.

В работах на рубеже XX и XXI вв. в определении гендера внимание фокусируется больше на проблеме телесности, точнее, на различиях в способах использования тела в зависимости от принадлежности его «хозяина» к тому или иному гендеру. Австралийский социолог Р. Коннелл дает такое определение гендера: «Гендер есть структура социальных отношений, которая центрирована на репродуктивных интересах и наборе практик, управляемых этой структурой, которые производят репродуктивные различия между телами в социальных процессах» [1, р. 10]. Гендер относится к способу, каким человеческое общество рассматривает человеческое тело и к последствиям этого рассмотрения, касающимся жизни индивида и групп.

Сегодня феминистские социальные теории стали неотъемлемой частью современной социологии. Приведем краткий обзор некоторых основополагающих идей, демонстрирующих «линии противостояния» феминизма и традиционной социологии.

Американский социолог Нэнси Чодоров (2008) исследовала формирование женской и мужской идентичности и пришла к выводу, что влияние матери чрезвычайно значимо в формировании девочки: конструирование ее «Я» в первые годы жизни полностью зависит от отношений с матерью [2, с. 392]. Автор связала вопросы неравенства в формировании гендерной идентичности с проблемами семьи и разделением общественного труда, дискриминирующего женщин, предложила пути смягчения этих проблем на практике. Американский ученый Марта Нуссбаум [2], исследуя причины иррациональности женских эмоций, пришла к выводу о решающем влиянии социального контекста, в котором формируются эмоции: женщины чаще оказываются в ситуациях неопределенности и потому не могут быть рациональными. Таким образом, чувства – не природный феномен, а социальная конструкция.

Для феминистских дискуссий последней четверти XX в. было характерно признание конструирования гендерных отношений в обществе, четко выраженное этнометодологическими представителями феминизма: «Делание гендера означает создание различий между девочками и мальчиками, женщинами и мужчинами, различий, которые не даны от природы, не являются сущностными или биологическими» [4, р. 137].

Вклад в развитие феминистской теории на философской почве идей Ницше и Фуко внесла американский социолог Джудит Батлер. В своей работе

«Неприятности с гендером» (1990) она заявила, что половая идентичность формируется в политическом контексте определенной культуры и поэтому является весьма изменчивой. Следовательно, не может быть единой «женской» идентичности: различие их культурной среды формирует разные типы идентичности [5]. Позиция Батлер отличается деконструкцией основных понятий феминизма и непризнанием стабильности личной идентичности. Идентичность по Батлер — это вариативная «практика обозначения». Она предлагает «стратегию иронии» над существующими в языке обозначениями двух гендеров, чтобы доказать, что гендеров столько, сколько можно использовать обозначений. Ее окончательная цель — деконструкция идеи о существовании двух полов. Тогда и нынешняя иерархия полов должна исчезнуть.

В Германии феминистские теории стали активно развиваться как альтернатива традиционным социологическим концепциям, рассматривающим гендерные роли и статусы в обществе только с начала 1990-х гг. Важной работой, стимулировавшей их распространение, стала статья Регины Гильдемайстер и Ангелики Веттерер «Как делается половая принадлежность» (1992). Придерживаясь этнометодологической теоретической ориентации, авторы вслед за англоязычными феминистками утверждают, что указание на различие между полом и гендером не решает проблему этих различий, а лишь переводит ее в другую плоскость. Четких критериев для однозначного определения пола нет, поэтому мнения о биологической сущности женщины проблематичны, так как биология не может быть взята за основу в конструировании противоположных полов [6, с. 205]. Авторы подчеркнули, что природная слабость женщины и способность к деторождению не были основными причинами разделения труда между полами. Они делают вывод, что следование теории разделения гендера и пола не ведет к какой-либо политической программе целенаправленной поддержки женщин, ибо теоретически нельзя даже точно определить, кто является женщиной.

Такие политические противоречия, выявленные в этнометодологическом дихотомическом подходе внутри феминизма, послужили поводом к его серьезной критике. В целом эта критика была традиционной для критики этнометодологии [7, с. 282–311]. Выход из этой ситуации мог быть найден не в новых микросоциологических, а в макросоциологических подходах. В США и Франции были предприняты попытки соединить феминизм с постмодерном, психоанализом, а в Германии они не прижились. Так, немецкие феминистки Г. Беккер-Шмидт и Г.-А. Кнапп, делая обзор теоретических дебатов в рамках феминизма, утверждают, что вместо бесконечных споров о соотношении пола и гендера феминизму необходимо соединить анализ микросоциальных проблем с теориями на мезо- и макроуровне, без которых нельзя использовать объяснительный потенциал феминизма. Критикуя Батлер и этнометодологический феминизм, они считают оправданным стремление многих современных феминисток отмежеваться от них и даже вернуться к традиционным социологическим теориям в анализе со-

циальных проблем. Г. Беккер-Шмидт и Г.-А. Кнапп указывают на то, что значительным потенциалом для политического развития феминизма обладает концепция общественности Ю. Хабермаса, которая позволяет адекватно изучать гендерные проблемы в контексте всего общества [8]. Таким образом, в умеренных теориях феминизма имеет место попытка не открещиваться от «обычных» социологических теорий, а использовать их возможности для целей феминистского анализа.

В настоящее время феминистские теории не столь радикальны, их авторы часто придерживаются традиционных парадигм, стараясь переконструировать их в соответствии с феминистским проектом. В связи с этим особым интересом у феминисток пользуются работы Хабермаса. Так, американские феминистки Сейла Бенхабиб и Нэнси Фрейзер опираются на теорию коммуникативного действия Хабермаса как обладающую критическим потенциалом по отношению к системам власти. Однако взгляды Хабермаса и на власть, и на общественность также подвергаются ими критике. Как считает Н. Фрейзер, сфера публичности — это сфера борьбы не только за уже существующие политические права, но и за новые социальные права, за значение политического в целом. Теория Фрейзер радикально отличается от феминистских теорий психоаналитического, этнометодологического и постструктуралистского направлений. Она ставит во главу угла феминистской программы требование равных социальных прав женщин и мужчин и отстаивает право женщин на борьбу за равноправие. В этой теории проявляется просветительская перспектива феминизма, хотя остаются в наличии и базовые, нормативные его характеристики: признание неравноправия женщин и мужчин как несправедливого, сконструированного отношения и поддержка борьбы за изменение неравноправной социальной реальности и против ее искажения в социальных науках.

Особого внимания заслуживают работы Р. Коннелл — австралийского социолога, отстаивающего гендерное равноправие и поддерживающего борьбу за перераспределение власти в самой социологии. В работе «Гендер и власть. Общество, личность и сексуальная политика», изданной в 1987 г., Р. Коннелл на основе анализа различных практик показывает, как через взаимодействия на микроуровне происходит конструирование социальных отношений в обществе в целом. Анализ структур дает возможность исследовать ограничения макроуровня, которые являются условиями осуществления практик. В рамках данного подхода гендерные отношения определяются как процесс; структуры складываются исторически, а способы структурирования гендера оказываются самыми разными: они отражают господство разных социальных интересов. Автор разрабатывает здесь структурно-конструктивистский подход к анализу гендера [9, р. 25]. Проблема организации гендерных отношений рассматривается согласно этому подходу как процесс взаимодействия агента и социальных структур, где структура складывается исторически, и тогда женственность и мужественность предстают как постоянно создаваемые идентичности. Этот

подход исходит из признания власти как измерения гендерных отношений и становится основанием практической политики, исходящей из нового понимания субъекта как агента и действующего лица, ограниченного структурами и изменяющего их (по аналогии с П. Бурдьё и Э. Гидденсом).

Р. Коннелл разрабатывает также теорию «гендерной композиции». Гендерная композиция – это социальная реальность, представленная как система структурных возможностей для старых и новых гендерных практик, которая охватывает три основные сферы: труд и экономику, политику, сферу эмоциональных отношений. Коннелл отказывается от термина «система» как коннотирующего с функционализмом, и указывает, что метафора «композиция» более адекватна для описания совокупности структур и практик гендерных отношений.

Три сферы структурных возможностей (труд, политика, эмоции и культура) создают условия гендерного режима, понимаемого как «правила игры» гендерных взаимодействий в конкретных институтах, таких как семья, государство, улица. Эти относительно устойчивые гендерные режимы, определяемые правилами игры в разных контекстах, находят свое выражение во множественных практиках уместной и поощряемой мужественности и женственности, а также в гендерном новаторстве временных аутсайдеров. Задача социологии – изучать существующие гендерные режимы и определять наиболее эффективные практики их изменения. Так, Р. Коннелл предлагает выработку социальных стратегий, которые изменили бы современную гендерно несправедливую систему социального воспроизводства [10, с. 255]. Однако вопрос о том, насколько успешной будет стратегия, всегда остается открытым.

Библиографические ссылки

1. *Connell R.W.* Gender. Cambridge : Polity Press, 2002.
2. *Чодоров Н.* Гендерная личность и воспроизводство материнской заботы // Современная западная социология : хрестоматия. Минск : Тесей, 2008.
3. *Nussbaum M.* Gerechtigkeit oder Das gute Leben. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1999.
4. *West C., Zimmerman D. H.* Doing Gender // Gender & Society. 1987. Vol. I, № 2.
5. *Butler J.* Das Unbehagen der Geschlechter [Gender Trouble] / J. Butler. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1991.
6. *Gildemeister R., Wetterer A.* Wie Geschlechter gemacht werden. Die soziale Konstruktion der Zweigeschlechtlichkeit und ihre Reifizierung in der Frauenforschung // Knapp G.-A., Wetterer A. (Hg.). Traditionen Bruche. Entwicklungen feministischer Theorie. Freiburg, 1992.
7. *Хайнц Б.* Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация : пер. с нем. // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб. : Социол. о-во им. М. М. Ковалевского, 2002.
8. *Becker-Schmidt R., Knapp G.-A.* Feministische Theorien zur Einfuhrung. Hamburg : Beibek, 2001.

9. *Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Stanford : Stanford University Press, 1987.*

10. *Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.*

4.4. «ЮЖНАЯ ТЕОРИЯ» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ

Среди многих поворотов и сдвигов, произошедших в мировой социологии в последние десятилетия, был и такой, который можно было бы символически назвать поворотом от глобального Севера к глобальному Югу. При всей условности дихотомии «Юг – Север», равно как и «развитые – развивающиеся страны», – в сложном современном мире проблема, стоящая за этими несколько устаревшими понятиями, остается довольно острой. Речь идет о признании социологами развитых западных стран не просто существования социологов в бедных странах нынешних третьего и четвертого миров, а о том, чтобы социологический мейнстрим реально прислушивался к тому, какие проблемы волнуют социологов глобального Юга, как наладить с ними продуктивный профессиональный диалог, найти адекватные инструменты для сотрудничества в решении общих мировых проблем.

Непредвзято мыслящие социологи независимо от того, в какой бы стране они ни жили, признают, что сегодняшний мир изменился, и социология больше не может следовать старому паттерну, разделяющему ее на две неравные части: *the West and the Rest*. В частности, это означает необходимость «слышать голоса» ученых из разных стран и регионов, конструировать теоретические модели, соответствующие их интересам, а не навязывать единый универсальный подход, одну парадигму или теорию для всех стран.

Довольно жестко о необходимости таких перемен заявляют многие социологи. Так, У. Бек пишет, что в кризисную эпоху нужен отказ от теорий, кичащихся универсалистской отстраненностью от происходящих в мире перемен. Универсалистский анализ устарел и отдает провинциализмом: «Устарел, потому что исключает то, что очевидно, – сдвиг парадигмы в современном обществе и политике. Провинциален, потому что абсолютизирует (исходя из ложных предпосылок) опыт западноевропейской и американской модернизации, искажая тем самым социологический взгляд на ее специфику» [1, с. 44]. Бек справедливо отмечает, что «для завершения картины мира, предлагаемой европейской и мировой социологией в целом», ее надо «дополнить представлением о положении дел в других обществах», т. е. «научиться смотреть глазами других – в качестве социологического метода» [1, с. 45]. Только таким образом можно будет получить целостное и адекватное представление о современном мире. Немецкий ученый утверждает, что человечество не может свернуть с этого пути (т. е. глобализации), плох он или хорош; поэтому

внутри социологии необходимо отбросить разделения на теории Юга и Севера, прекратить споры и «найти практические ответы на социологические проблемы повседневности» [2, р. 17]. Однако пока еще такая общая картина мира, сбалансированно включающая в себя положения теорий Юга и теорий Севера, — скорее утопия. Социологический мир, как и социальная реальность, разделены, и теории Севера в методологическом и идеологическом отношении по-прежнему противостоят теориям Юга. Авторы, представляющие «глобальный Юг», резко критикуют теории Севера за их универсализм и «колониализм». Однако одной критики теорий Севера недостаточно. Как считает австралийский социолог Р. Коннелл (автор труда о «Южной теории»), очень важно показать, что имеются альтернативы Северной теории и «таких альтернатив достаточно много». Пока еще идеи и аргументы, высказываемые социологами бывших колониальных и полуколониальных стран, не всегда включены в академические дебаты, однако они имеют интеллектуальную силу. Как отмечает Р. Коннелл, для написания книги о «Южной теории», т. е. для ознакомления и авторского анализа существующих аргументов против Северной теории, понадобилось более 14 лет [3]. Рассмотрим основные идеи этой теории, противостоящие Северной теории.

«Южная теория». Данная теория является самым радикальным вызовом западному доминированию. На примере Австралии автор пытается доказать, что доминирующая социология, сконструированная интеллектуалами глобальной метрополии в XIX в., не адекватна другим частям мира. По мнению Коннелла, ни классическая, ни современная западная социология, покоящаяся на традициях доминирования, не приложима к социальной реальности стран Африки, Азии, Латинской Америки. Предлагаемая «Южная теория» базируется на южной практике и отражает воззрения многих мыслителей Юга, которые никогда не считались мейнстримом и всегда были далеки от универсалистской Северной теории.

Создание особой «Южной теории» — это не только поворот социальных наук на глобальном уровне к странам, которые обычно называют зависимыми от Запада, причем эта зависимость не только и не столько экономическая, сколько еще политическая и интеллектуальная. «Южная теория» — это призыв к полной самостоятельности этих стран, преодолению их подчинения Северу. Описывая предысторию создания «Южной теории», Р. Коннелл отмечает, что социологическая классическая теория первоначально создавалась в Европе как научная рефлексия развития «первого модерна», т. е. эпохи индустриализации. По утверждению Коннелла, сама история социологии показывает, что колонии находились в поле зрения социологов того периода — в форме «большой этнографии» общих эволюционистских рамок исследования. Поэтому классическая социология была более глобальной, чем современная социологическая теория. В отличие от классики, современные теоретики больше озабочены Западом, нежели всем миром. В подтверждение своему тезису Р. Коннелл приводит концепцию социального актора американского

социолога Коулмана, в которой он конструирует «картину европейского и североамериканского опыта, отражает гипертрофию рынка» [3, р. 244].

Те же ограниченности присущи, по мнению Коннелла, современной глобализационной теории: европейская мыслительная рамка и ограниченная контекстуальность. Обращаясь к определению места Австралии в координатах Севера и Юга, Коннелл отмечает, что хотя Австралия давно стала богатой страной, равной по экономике странам Севера, она сохранила интеллектуальную зависимость от «социологии Севера»; поэтому австралийская социология близка к позиции социологии в странах третьего мира.

Сегодня, как считает Коннелл, регионы символического Юга борются против доминирования Севера, развивая свои социологические теории и фокусируясь на региональных особенностях, чтобы освободиться от интеллектуального поражения парадигмами Запада. Коннелл подробно рассматривает ряд стран региона (Иран, Индию, Японию и др.) и их «индигенизированные теории», в которых представлены варианты модерна, построенные на теориях *path dependency* (в Азии и Африке) либо теориях сепализма и «либеральной теологии» (в Латинской Америке) и противостоящие западному варианту модерна. Автор проблематизирует глобальное противостояние центра и периферии в рамках социологии, т. е. тех отношений, которые также резко критикует неомарксистский американский социолог И. Валлерстайн, а также другие левые социологи Запада. Автор раскрывает ограниченную валидность «универсальных теорий», разработанных социологической метрополией, и фокусирует внимание на том, что многие темы, на самом деле значимые в странах Юга, просто не замечаются социологами социологического мейнстрима, т. е. социологами Севера (такие проблемы, как разрушение социальных связей, историческая прерывность развития Юга, страдание, насилие, социальное неравенство). Эти социальные отношения и проблемы свидетельствуют о том, что постколониальные отношения практически сохраняются и в эпоху неолиберализма, хотя их давно следовало заменить на отношения, достойные человеческого существования народов этих стран.

В описании социологов Юга Р. Коннелл не идеализирует их, а показывает, что многие из них консервативны; их «ответы» на «вызовы» западного доминирования зачастую не критичны и слабы. Так, в отличие от Северной, в Южной теории почти не представлены «голоса» женщин региона. Многие «южные» авторы не понимают необходимости совместного решения глобальных проблем с социологами Севера. Периферия многообразна, и этот фактор следует учитывать. Коннелл пишет: «Если мы согласимся с тем, что для будущего социологии критически важно, чтобы в него было включено знание, созданное глобальной периферией, то следует признать разнообразие и внутреннюю сложность самой периферии. Поэтому надо учитывать различные социально-культурные подходы, созданные по поводу глобальной периферии» [3]. Главная цель, преследуемая Р. Коннеллом в разработке Южной теории, – привлечь внимание социологов всего мира к проблемам

Юга и поднять проблему необходимости активной интернационализации социологии как средства противостояния европоцентризму.

Альтернативные дискурсы. Сходные взгляды высказывают и другие яркие представители Юга: азиатский социолог С. Ф. Алатас [4], латиноамериканский социолог Е. Ландер [5]. Среди многих альтернативных социологий можно выделить ее профессиональную версию (теория академической зависимости Саида Фарида Алатаса), публичную (Рохман Ахван, Иван Суй-атмико), прикладную (Эмма Порио) и критическую (Януш Муха) версии. В целом употребляется термин «альтернативные дискурсы», означающий «описательный и коллективный термин для описания различных дискурсов, возникающих как оппозиция к социологическому мейнстриму, т. е. Евроамериканизму в социальной теории» [6. Vol. II, p. 143].

Остановимся подробнее на альтернативной социологии С. Ф. Алатаса, социолога из Сингапура. По его мнению, в краткосрочной перспективе мало что можно изменить в отношении академической зависимости стран глобального Юга от стран Севера. Поэтому он предлагает сконцентрировать усилия социологов Юга на создании идей и теорий, способных противостоять евроцентризму, ориентализму и т. п. На теоретическом уровне «традиции незападного знания и культурных практик должны рассматриваться как потенциальный ресурс для новых социальных теорий и концептов, которые уменьшат академическую зависимость Юга от мировых лидеров в социальных науках» [6. Vol. II, p. 139]. Должны быть созданы альтернативные дискурсы, которые были бы более адекватны национальным проблемам и стали альтернативой всем евроамериканским социальным теориям, пока еще преобладающим в мире.

Цели оппозиционных дискурсов являются не только критическими (антиевропоамериканистскими), но и позитивными: они должны внести что-то новое, созданное незападными системами мысли, в теории и идеи современной социологии, т. е. стать важными и на глобальном уровне развития дисциплины. Иначе говоря, незападные идеи способны стать источником нового знания, равным западным идеям, поскольку все теории и концепции вырастают из исторического опыта и культурных практик. Именно поэтому социологии нужно использовать самые разные источники, если она хочет вобрать в себя различные практики и опыт стран и регионов мира.

Важно подчеркнуть, что Алатас не отвергает западную социальную науку, а предлагает дополнить ее альтернативным знанием стран Юга. Последнее рассматривается им как знание, адекватное своей среде, креативное, оригинальное, автономное от интересов конкретного государства или других национальных и наднациональных групп.

В качестве примера альтернативного дискурса Алатас берет историю Китая, где всегда существовали свои методы и теории для объяснения социальной реальности. Другой пример — теория образования государства Ибн Хальдуна, которую Алатас советует применять вместе с западной теорией

производства к анализу азиатских государств. Таким образом можно избежать гомогенизации знания, возникающей при игнорировании местных теорий и абсолютизации западных идей. В то же время Алатас предостерегает от понимания его призыва к созданию альтернативных дискурсов в азиатской социальной науке как культурной гомогенизации Азии: в Азии существует множество стран, особенности которых отражаются в социальных теориях. Однако любые такие теории как всякая форма знания должны оставаться социальными и историчными по своей природе. Только соединение западного и незападного знания может быть релевантным для объяснения локальных, национальных, региональных условий, с одной стороны, и сохранения возможности производства идей, релевантных для глобальной социологии, — с другой. Алатас считает, что в современной глобальной социологии есть разные социологические традиции, поэтому признание множества социологий бросает вызов универсализму в социальной науке и отражает идею множественности национального опыта и региональных традиций.

«Южная теория» и альтернативные дискурсы — прекрасный пример того, как может быть сконструирована современная альтернатива доминированию западных теорий, включающая контекст глобальной периферии и сохраняющая высокий абстрактный уровень теоретической рефлексии. Альтернативные теории С. Алатаса и Р. Коннелла демонстрируют, что не все важные социологические идеи рождены на Западе и не все западные теории могут применяться к объяснению разных национальных и региональных практик современности.

Итак, Южная теория и другие альтернативные дискурсы — не призыв к индигенизации социологии, а мощный голос в поддержку международных социологических дебатов, где Юг и Север были бы представлены на равных, а «южный» опыт «подчиненных» групп, классов, этносов, рас и наций полностью учтен и включен насколько это возможно в существующие общие социологические теории.

Глобальное доминирование и социологическое неравенство. В качестве примера организации таких международных дебатов между представителями глобального Юга и Севера можно привести международную социологическую конференцию, проходившую под научным руководством американского социолога-неомарксиста Майкла Буравого, в то время вице-президента Международной социологической ассоциации, в Тайване в марте 2009 г. Результаты этой конференции были опубликованы в трехтомнике под названием «Лицом к миру неравенства. Вызовы для глобальной социологии» [6].

В обсуждении проблемы глобального неравенства (главная тема конференции) приняли участие 60 делегатов из 47 национальных социологических ассоциаций, включая М. Буравого, тогдашнего президента МСА Мишеля Веврку, вице-президента МСА Артуро Родригеса Морато (Испания), социоло-

гов Австрии, Германии, Нидерландов, США и Канады (глобальный Север), а также представителей Тайваня, Бразилии, Аргентины, ЮАР, Нигерии, Ливана, Филиппин, Австралии (глобальный Юг). Проблема была представлена с двух сторон: с одной стороны, реальное неравенство между странами, с другой — неравенство внутри самой социологии как дисциплины. Представитель каждой ассоциации свободно мог высказать свое мнение, а также ознакомиться с позицией социологов других регионов. Прежде всего был раскрыт глобальный контекст неравенства и доминирования, который, как было сказано, определяется больше не самой глобализацией, а ее незавершенностью.

Это утверждение справедливо и в отношении неравенства стран и доминирования Севера внутри социологии, мешающего социологам разных стран успешно решать глобальные проблемы и совместно отвечать на «вызовы» эпохи. Согласно мнению Буравого, важная стратегия консолидации сил социологов — развитие четырех функций (ролей) социологии: профессиональной, публичной, прикладной и критической, отражающих современное разделение труда социологов и вносящих вклад в создание глобального гражданского общества. Профессиональная социология ориентирована на производство теоретического знания и исследование современных проблем на всех уровнях (глобальном, региональном, локальном). Публичная социология должна вести диалог между социологами и общественностью. Прикладная социология помогает людям определять проблемы и отыскивать их решения с учетом места и времени. Критическая социология осуществляет рефлексию по поводу существующих в обществе ценностей, идей и практик. Данная концепция социологии, интегрирующей четыре указанных компонента, хорошо известна из многих работ Буравого, а также из его дискуссии с П. Штомпкой, опубликованной в журнале «Современная социология» [7, р. 338–404]: она отражает его «левые» взгляды и практические попытки развивать социологию во всех ее аспектах, через которые она может влиять на общество, доводя свои результаты до широкой общественности, правительства, всего гражданского общества.

Исходя из дискуссии, корни социологического неравенства лежат вне дисциплины: они находятся в природе социальной структуры общества. Например, неоплачиваемое руководство МСА почти полностью выбирается из представителей наиболее развитых стран Запада, в частности, по той причине, что только социологи из этих стран могут выполнять свои роли в МСА бесплатно и даже вкладывать собственные средства в эту работу. По убеждению М. Буравого, национальные ассоциации социологов должны играть более активную роль в своих странах, образуя «кирпичики» социологической мозаики мира и создавая базис для анализа национальных проблем. М. Буравой призывает социологов из других (незападных) регионов активно включаться в производство нового социологического знания и его распространения в социологическом сообществе посредством публикаций в международных изданиях, участия в международных конференциях.

Существуют разные виды неравенства и различные типы гегемонии Запада. Прекрасный пример этой гегемонии дал африканский участник конференции: «Гегемония Запада проявляется в том, что здесь (на Западе) производится социологическое знание, устанавливаются критерии профессионализма в дисциплине, обучается будущее поколение социологов, издаются международные социологические журналы и создаются фонды и организации, спонсирующие социологические исследования. За пределами Запада собираются эмпирические данные, апробируются западные теории, тогда как все другие виды социологической деятельности почти не осуществляются» [6, vol. II, p. 71–72].

Приведем примеры неравенства социологий из других регионов мира. Арабские социологи подчеркнули, что социология в арабском мире была и остается частью колониального проекта. После освобождения от колониального статуса в этих странах была создана так называемая исламская социология, однако она сохранила позиции, отводимые национальным социологиям в концепции ориентализма, т. е. подчеркивала экзотику азиатской культуры, а не анализировала проблемы этих стран в сравнительной перспективе со странами Запада. Поэтому в целом и сегодня социологи арабских стран следуют западным стандартам и сохраняют зависимость от западных академических кругов (западных финансов, образования, публикаций). Например, ливанский социолог Сари Ханафи подчеркнул, что рост числа исследовательских центров на арабском Востоке тесно связан с западными негосударственными организациями, через которые развивающиеся страны получают финансовую помощь для продвижения гражданского общества. Эти центры и особенно их лидеры предопределяют социологические исследования (тематику, исследовательскую методологию, связи с другими социологами и т. д.). Как следствие, те местные проблемы, которые не считаются релевантными для поддержки гражданского общества, вообще не анализируются, тогда как большинство исследований заканчиваются неопубликованными прикладными докладами о том, как эффективнее внедрять результаты таких исследований. Иначе говоря, все результаты принадлежат заказчику, а не обществу. Местных социологов нанимают только на срок проведения прикладных исследований, делая их полностью зависимыми от заказчиков-доноров. Все исследовательское поле превратилось в арену борьбы за материальные ресурсы и контракты, где донорские западные фирмы и агентства устанавливают «правила игры». Такая ситуация объясняет, почему на арабском Востоке исследования остаются прикладными и не содержат критики.

Другой вариант западного доминирования представил азербайджанский социолог Абульфаз Сулейманов. Корни этого доминирования он вывел из постсоветского наследия: отсутствие национальных ресурсов для развития социологии, в связи с чем возникла финансовая зависимость от западных доноров. По этой причине в 1990-е гг. в Азербайджане вообще не было крупномасштабных проектов, а проводились лишь исследования, сфокуси-

рованные на проблемах, далеких от потребностей азербайджанского общества, но продиктованных западными донорами [6, vol. II, p. 119]. Западные интересы колонизировали сферу социальной теории, так как они быстро заполнили вакуум, оставшийся после крушения марксистской теории. В результате азербайджанские социологи включились в соперничество за деньги западных клиентов и работали только на западные приоритеты. Такая ситуация не способствовала общественному признанию науки, а лишь привела к ее коммерциализации и производству знания, необходимого заказчикам. Социология полностью вошла в рынок, что привело к возможности отказа от норм академической науки, если это было выгодно заказчику.

Еще один вид зависимости демонстрирует социологическое образование: здесь также доминируют западные подходы, методология и парадигмы. В целом же азербайджанское общество остается во многом традиционным и мало нуждается в социологах-теоретиках, скорее, ему нужны интервьюеры и менеджеры для проведения прикладных исследований. По той же причине (традиционализм) к Азербайджану мало применимы западные теории: его социально-культурные условия резко отличаются от Запада. Все это снижает и без того невысокий теоретический уровень азербайджанской социологии, подрывает доверие к ней как со стороны населения, так и политической элиты. Однако эти зависимости воспроизводятся через социальные и культурные механизмы постсоветского общества.

Африка дает множество примеров традиционного постколониально доминирования. Социолог из Нигерии Ифеаний Ониенору показал последствия не критического включения периферии в социологический мир стран метрополии. Он объяснил, что в отличие от запада в Африке имеется два вида общественности: во-первых, первобытная племенная общественность, т. е. доколониальные местные институты, являющиеся «основой морали и закона среднестатистического африканца» [6, vol. I, p. 273, 274]; во-вторых, «возникающие социальные структуры», которые также важны для понимания социальных потребностей Африки в современных условиях. Признание двух видов общественности является «общим теоретическим положением, приложимым к анализу в разных социальных науках» [6, vol. I, p. 273, 274]. Африканской социологии необходима критическая способность уметь объяснить свою социальную реальность и местные модели социальных структур, а также сделать социологию адекватной новым региональным потребностям Африки, свободным от колониального наследия.

Уровень доминирования существенно различается от региона к региону. В Африке он связан с колониализмом и доминированием метрополии. В других регионах западная гегемония в социологии связана с геополитическими интересами. Например, израильская социология демонстрирует случай, когда следование канонам западной (американской) социологии в незападной стране привело к тому, что израильская социология полностью переняла западные теории и методы. Израильские социологи ориентированы на западные

журналы и рейтинги, получение грантов из США, университеты стремятся нанять западных профессоров и используют западные программы обучения. По мнению ряда израильских авторов, израильская социология превратилась в «задворки Запада», или в «ответвление американской социологии».

Сходная ситуация сложилась в турецкой социологии, где также установилась западная гегемония, хотя турецкая социология по-прежнему относится к глобальной периферии. Только часть турецких социологов принадлежит к глобальному уровню, т. е. использует западные теории и методы исследования, имеет западные степени и публикуется в международных англоязычных журналах. Они стараются включать турецкие данные в западные объяснительные схемы. Большинство турецких социологов остается традиционно (т. е. локально) ориентированными. Однако эта национальная ориентация не помогает им вносить вклад в производство нового знания на теоретическом уровне и получать признание в международном сообществе социологов.

Региональная и национальная гегемония. Плюралистическая картина мирового социологического развития дает немало примеров региональной гегемонии, которая дополняет противостояния Юга и Севера, Востока и Запада, или центра и периферии. Если доминирование Севера представлено прежде всего социологиями стран «Большой четверки» (США, Великобритания, Франция, Германия), то в каждом регионе (включая и глобальный Юг) можно выделить своих лидеров, региональных гегемонов. В разных регионах глобального Юга такими являются Индия, Бразилия, Южная Африка и Китай, которые, по мнению Буравого, как бы играют роль регионального «Севера» в отношении остальных стран «Юга», причем каждая страна в своем регионе диктует свои социологические стандарты и создает образцы академического доминирования [6, vol. 1, p. 8]. Иначе говоря, они соединяют в одном лице черты центра и периферии в процессе производства знания в регионах, подтверждая тезис, что различия и неравенство в социологии существуют везде — и между странами, и внутри каждой страны.

Самый яркий пример региональной гегемонии представляет бразильская социология, имеющая наилучшие ресурсы в Латинской Америке, хорошо развитую систему образования, журналов и т. д. Она давно институционализована и владеет огромными интернациональными связями, с которыми вынужден считаться даже глобальный Север. Не случайно на всех международных социологических форумах количество социологов из Бразилии приближается к числу социологов из таких богатых стран Севера, как США и Канада, что позитивно отражается на международных рейтингах бразильской социологии и ее представителей. В рамках БРИКС бразильские социологи ведут исследования на высоком уровне, оказывая большое влияние на партнеров и создавая сети связей между Севером и Югом. В то же время бразильские социологи высоко оценивают местные публикации на родном языке, так как считают национальные и региональные проблемы первостепенными.

Бразильская социология – это пример того, как хорошо развитая национальная социология может стать существенной частью многополярного мира социологии. Одновременно этот пример демонстрирует и угрозу ее развитию, так как в мире по-прежнему доминируют публикации на английском языке в международных журналах и практически не учитываются в рейтингах публикации на родном языке социологов глобального Юга.

Другой региональный лидер – Южно-Африканская Республика, чья социология доминирует на континенте. Представитель ЮАР Тина Уйс также резко выступает против международной рейтинговой системы, не позволяющей социологам глобального Юга на равных конкурировать и позиционировать себя на исследовательском поле глобальной социологии. По мнению Тины Уйс, существующая рейтинговая система не способствует подлинной конкуренции между социологами. В о - п е р в ы х, не существует единого мнения о различных стандартах знания в естественных и социальных науках (международные рейтинги были созданы именно для естественных наук, а затем некритически заимствованы социальными науками). В о - в т о р ы х, международные эксперты, работающие в международных научных журналах, в принципе не могут правильно оценить проблемы локальной и национальной важности, которые отражены в национальных публикациях. В - т р е т ь и х, эта система не позволяет правильно оценивать работу университетских профессоров, если она не включена в публикации в международных журналах, даже когда они заняты чрезвычайно важными вопросами подготовки будущего поколения социологов в своих странах. Таким образом, общие международные рейтинговые системы в целом опасны для социологии, так как они не отражают специфики ни социальных исследований, ни национального контекста. Нужны рейтинговые системы, которые будут прозрачны для их критики и улучшения и одобрены большинством социологов. Такие рейтинговые системы «позволят оценивать себя в сравнении с другими социологами как на национальном, так и международном уровне» [6, vol. I, p. 243].

Подводя итоги рассмотрения неравенства в социологии, так или иначе отражающего социальное неравенство в современном мире, можно сделать вывод, что в XXI в. оно не стало меньше, а лишь приобрело новые формы. Тем не менее в рамках социологии предпринимаются шаги по смягчению неравенства внутри самой науки. Так, когда М. Буравой был избран президентом МСА на 17-м конгрессе в Гетеборге в 2010 г., для более активного обсуждения проблемы неравенства глобального Юга и Севера он учредил специальный журнал «Глобальный диалог». Сегодня этот журнал является открытой трибуной для всеобщего участия социологов разных стран и регионов, что уже можно считать успешным шагом вперед в решении проблемы интернационализации социологии и отхода от доминирования Севера.

К сожалению, глобальное неравенство в мире пока не уменьшается. Этот вывод был подтвержден докладами и дискуссиями социологов

на XVIII Международном конгрессе МСА в Йокогаме (2014), посвященном проблеме социального неравенства. В рамках конгресса известный шведский социолог-неомарксист Йоран Терборн провел презентацию своей новой книги «Убивающие пространства неравенства» [8], в которой продемонстрировал вопиющие различия в образе и уровне жизни глобального Юга и Севера. Консервация социального неравенства на мировом уровне означает, что перед социологией остро стоят многие из тех проблем, которые наблюдались и 100, и 200 лет назад, и что социологи запада, активно исследующие свои проблемы, как бы забывают, что большинство населения мира живет иначе и что, возможно, западная теоретическая социология остается роскошью для западных элит.

Поиск новых путей и подходов к проблемам Севера и Юга – перспектива социологии на будущее, когда ни Север, ни один другой регион не будут претендовать на глобальное доминирование в производстве социологического знания и все национальные и региональные социологии смогут вносить вклад в развитие глобальной социологии.

Библиографические ссылки

1. Бек У. Космополитический поворот // Полис. 2012. № 5.
2. Beck U. What does Cosmopolitan theory have to say to Southern Sociology? // Global Dialogue. 2011. Vol. 1, № 3.
3. Connell R. Southern theory. The global dynamics of knowledge in social science. Crows Nest : Allen and Unwin, 2007.
4. Alatas S. F. Alternative discourses in Asian social science: Responses to Eurocentrism. Thousand Oaks : Sage, 2006.
5. Lander E. La Colonialidad del Saber. Eurocentrismo y Ciencias Sociales perspectivas Latinoamericanas. Buenos Aires : CLACSO, 2003.
6. Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology / ed. by Michael Burawoy, Mau-kuei Chang, and Michelle Fei-yu Hsieh : in 3 vol. Taiwan : Academia Sinica, 2010. 3 vol.
7. Sztompka P. Another Sociological Utopia // Contemporary Sociology, July 2011. Vol. 40, № 4. P. 388–396; Michael Burawoy. The Last Positivist // Contemporary Sociology. 2011. Vol. 40, № 4.
8. Therborn G. The Killing Fields of Inequality : in 3 vol. Cambridge : Polity Press, 2013. 3 vol.

5. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМ В СТРАНАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЕЙНСТРИМА

В данном разделе будут рассмотрены примеры реконструкции разных парадигм, предпринимаемые в странах социологического мейнстрима, т. е. в Германии, Франции, Великобритании и США. Поскольку целостный анализ этой проблематики предполагает самостоятельное исследование, мы ограничимся кейс-стади, т. е. рассмотрим лишь отдельные примеры, которые тем не менее дают представление о том, как осуществляется реконструкция парадигм в той или иной стране. Ввиду того, что сегодня в социологическом теоретизировании доминирует социология Германии, именно на нее мы и обратим основное внимание.

5.1. ГЕРМАНИЯ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КЛАССИКИ

Во второй половине XX в. центр социальной теоретической мысли, как подтверждает развитие мировой социологии, снова переместился в Европу. По мнению ряда авторов, этому способствовали прежде всего наиболее знаменитые немецкие социологи Юрген Хабермас и Никлас Луман, которые предприняли грандиозные попытки теоретического синтеза идей. Независимо от того, как оцениваются результаты подобного синтеза (сегодня нет ни одной интегральной теории, которая удовлетворила бы всех), этот факт действительно свидетельствует о том, что Германия за 25–30 послевоенных лет сумела восстановить свой интеллектуальный потенциал, а затем опередить другие европейские страны. Отсюда и интерес к исследованию немецкой теоретической социологии, ее традиций и инноваций.

Развитие социологии в Германии уже на послевоенном этапе показало, несмотря на американизацию высшей школы Германии, страна сохраняет свои интеллектуальные национальные традиции и опору на немецкие теории. Это проявилось и в развитии в 1950–60-е гг. неомарксизма, и теории конфликта.

Неомарксизм. Возвращение в Германию из США представителей Франкфуртской школы, имевшее место в первое послевоенное

десятилетие, оказало значительное влияние на интеллектуальную жизнь страны. В отличие от США, где пути развития философии и социологии разошлись еще до войны, в Германии развитие социальной теории не было разделено серьезными дисциплинарными барьерами. Да и сама система университетского образования Германии, позволявшая студентам первоначально широко изучать не одну, а ряд дисциплин, также способствовала тесным взаимосвязям между социологией и философией. Поэтому социально-философские работы представителей Франкфуртской школы, посвященные осмыслению нацизма, позднего капитализма (в частности, его культуры), были достаточно хорошо известны в социологии. В Германии и за ее пределами это направление сыграло большую роль в критике парсонизма и позитивизма в целом.

Интерес к марксизму подкреплялся в Германии именно через знакомство молодых интеллектуалов с идеями Франкфуртской школы, однако не без некоторых особенностей: в послевоенных академических кругах было принято принимать лишь отдельные идеи Маркса, подвергая ревизии учение в целом. В большей мере марксизмом интересовалось лишь молодое поколение (студенты, аспиранты), те, кто в 1960-х гг. громко заявили о себе в студенческих выступлениях. Они возлагали большие надежды на критическую теорию Франкфуртской школы и хотели взять ее за теоретическую основу своих практических действий.

Поскольку Франкфуртская школа «выросла» из марксистских корней, она так или иначе стимулировала интерес не только к собственной критической теории общества, но и к осмыслению и переосмыслению всего марксизма далеко за своими пределами. Так, не скрывал своих марксистских взглядов научный руководитель Хабермаса по докторской диссертации Вольфганг Абендрот, возглавлявший в 1960-е гг. кафедру в Марбургском университете. Хабермас также заслужил у тогдашнего директора Франкфуртского института социальных исследований М. Хоркхаймера репутацию «слишком левого» за свои открытые симпатии к марксизму (по этой причине в 1961 г. он был даже вынужден покинуть институт на три года, пока в 1964 г. не вернулся туда уже его директором после ухода на пенсию М. Хоркхаймера).

Изучая марксизм, Ю. Хабермас интересовался прежде всего его нормативно-философскими элементами. Он предложил свою интерпретацию Маркса, стремясь отмежеваться от других интерпретаций и проводя четкое различие между теоретическим наследием Маркса и попытками его воплощения в советской практике того времени.

Неомарксисты критически проанализировали политико-социологическое содержание марксизма и пришли к выводу, что многое в нем устарело и не адекватно современному обществу. Их влияние ослабло после окончания периода «неомарксистского ренессанса» [1], тем не менее они и сегодня занимают в социологии Германии свою нишу и участвуют в осмыслении новых проблем общества.

Конфликтная парадигма. Развитие германской социологии в середине XX в. не только испытало американизацию, но и приподнесло примеры создания оригинальных концепций. В случае с конфликтной парадигмой именно немецкая социология в лице Ральфа Дарендорфа (1929–2009) оказала влияние на социологию Великобритании и США. Этот социолог вошел в историю дисциплины прежде всего как автор так называемой *конфликтной модели общества*, возникшей как реакция на универсалистские претензии структурно-функционалистской теории и альтернатива марксизму. Р. Дарендорф всегда был тесно связан с академическим миром Великобритании. В 1974–1984 гг. он был директором престижной Лондонской школы экономики и политических наук, а позднее – ректором колледжа св. Антония в Оксфорде.

Написанная Р. Дарендорфом в середине 1950-х гг. статья «Структура и функция. Талкотт Парсонс и развитие социологической теории» оказала непосредственное влияние на становление взглядов британских теоретиков конфликта Д. Локвуда и Д. Рекса (в частности, Локвуд повторяет критику Дарендорфом парсоновского нормативизма). В своей известной работе «Социальные классы и классовые конфликты в индустриальном обществе» [2] Дарендорф дополняет начатую им критику Парсонса, опираясь на классовую теорию Маркса, используемую им как инструмент объяснения социальных конфликтов. Правда, при этом он полностью отбрасывает историко-философские и политэкономические аспекты теории Маркса, акцентируя внимание на проблемах авторитета и власти: власть и господство провозглашаются им важнейшими факторами, из которых выводятся социальные отношения, в том числе и отношения собственности. «Собственность – это далеко не единственная форма господства, а лишь один из множества ее видов» [2, с. 139].

Главные принципы модели конфликта, предложенные Р. Дарендорфом, радикально не подрывали парадигму Парсонса, но предлагали более адекватные теоретические способы и пути объяснения социальных изменений в современном обществе посредством анализа отношений власти и господства. Динамика развития сводится у него к борьбе за власть, к которой якобы стремятся группы, не имеющие ее. Отсюда и постоянные конфликты между различными конкурирующими социальными объединениями.

Хотя Дарендорф постоянно критиковал парсоновский подход к обществу как односторонний, он, скорее, предлагал лишь дополнить его своей теорией конфликта, а не отбросить вообще. Так, в работе «Тропы из утопии. О новых ориентирах социологического анализа» он пишет: «...для объяснения социологических проблем нам необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; возможно, человеческое общество... всегда имеет два лица одной и той же реальности: одно лицо – это аспект стабильности, гармонии и консенсуса, другое – аспект изменений, конфликта и принуждения» [3, с. 262].

Таким образом, разрабатывая теорию конфликта, Р. Дарендорф не только использует (правда, выборочно) наследие К. Маркса, но и пытается соединить выводы Маркса с выводами Вебера, дополнить и «исправить» Маркса при помощи веберовского инструментария. Отметим, что так называемый веберинский марксизм или левое веберинство были особенно популярны не в Германии, а среди «левых» в Великобритании. Дарендорф, который в середине 1970-х гг. уехал в Лондон (возвращаясь в Германию периодически лишь в конце XX в. для чтения лекций в ряде университетов), не был марксистом веберинского толка: он «подкорректировал» идеи Маркса с помощью теории Вебера, а также ряда других авторов. Дарендорф до конца жизни оставался сторонником социального либерализма.

Теории конфликта оказались плодотворным фундаментом для ряда эмпирических исследований в Германии, они стали популярными в социологии образования, социологии профессий, гендерной социологии, социологии девиантного поведения.

Именно на этом фоне общего интереса к теории в 1970-е гг. и начинается процесс, который в современной литературе называют «возвращением центра развития теоретической социологии в Европу». По мнению ряда ученых, не просто в Европу, а, точнее, в Германию: именно здесь в 1980-е гг. появятся на свет теории Хабермаса и Лумана, синтезирующие разные парадигмы социологии.

Теории синтеза: Ю. Хабермас и Н. Луман. Первая попытка теоретического синтеза, которая практически доказала, что центр теоретической социологической мысли вновь переместился в Европу, принадлежит теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, изложенной в его работе «Теория коммуникативного действия» (1981). Автор работал над ней восемь лет. Это был первый в послевоенной Европе масштабный теоретический социально-философский синтез идей, который не только противостоял синтезу Парсонса, но и по-своему «преодолевал» разногласия между господствовавшими парадигмами (структурной, конфликтной, интеракционистской, бихевиористской, этнометодологической) с собственных позиций, развившихся из переработки гегелевско-марксистских, герменевтических и иных идей в совершенно самостоятельную конструкцию. Хабермас опирается на идею, что в процессе филогенеза и онтогенеза процессы когнитивного и нравственного научения проходили независимо друг от друга. По аналогии с ними независимо развивались процессы в сфере производства и интеллектуальной жизни, т. е. в сфере труда и интеракции. В каждой из них имеется своя внутренняя логика развития, поэтому экономический детерминизм в объяснении социальных или нравственных изменений совершенно неуместен [4].

В этом «главном труде жизни» Хабермас выделяет четыре разных темы: теория рациональности, теория действия, теория социального порядка и ди-

агноз времени. Поскольку проблема диагноза времени уже была нами рассмотрена, ниже проанализируем три первые теории, каждая из которых была необходима Хабермасу в построении синтеза.

Теория рациональности. Как и Парсонс в «Структуре социального действия», Хабермас подробно исследует работы предшественников (Дюркгейм, Вебер, Мид, Хоркхаймер, Адорно, Парсонс) с целью доказательства, что теории рационального действия требуют сегодня дополнения другой моделью действия, связанной с символически опосредованной коммуникацией. Исходя из потребностей повседневной речевой практики, Хабермас утверждает более широкое понимание разума и рациональности, чем это делали утилитаристы или постмодернисты, и дает им названия «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного разума». В любом речевом высказывании и действии, по его мнению, имеют место притязания на его истинность, нормативную правильность и правдивость в отношении собственных переживаний субъекта действий. Иначе говоря, в каждом действии присутствует и когнитивный, и экспрессивный, и нормативный аспекты, хотя и не в равной мере. Новая модель рациональности, таким образом, синтезирует эти аспекты, которые в других моделях рациональности обычно разделялись. Из данной широкой трактовки рациональности Хабермаса вытекает его дискурсная теория истины и морали, ставшая отправной точкой многих современных дискуссий в теории науки и этике.

Теория действия. В соответствии с новой концепцией рациональности Хабермас выделяет три основных типа действия: инструментальное действие, направленное на манипулирование внешним миром, нормативное действие, основанное на сообразности социальных отношений, и драматургическое действие, главная цель которого – саморепрезентация. Однако Хабермас постоянно подчеркивает различия между узкорациональным действием (инструментальным, направленным на материальные объекты, и стратегическим, направленным на другие субъекты), как построенным по схеме «цель – средство», и коммуникативным, которое (как и вышеназванные нормативное и драматургическое) ориентировано на другого, но отличается от всех действий тем, что направлено на достижение взаимопонимания: «Актеры стремятся к взаимопониманию относительно ситуации действия, с тем чтобы в согласии координировать свои планы действия и, соответственно, сами действия» [4, с. 128]. Коммуникативное действие не ориентировано на заранее заданную цель и средства ее достижения, оно нетелеологично и предполагает использование языка как посредника в ориентации на поиск взаимопонимания. Предложенная концепция действия синтезирует все прежние теоретические достижения и вбирает в себя не только типы действия Вебера и Парсонса, но и идеи Гофмана, Мида, других предшественников. Действительно, это синтетическая концепция, претендующая на то, чтобы сменить односторонние подходы на целостное видение социального действия.

Теория социального порядка. Теория порядка непосредственно связана с предыдущими концепциями. Автор выделяет два дихотомичных типа социального порядка — жизненного мира и системы, различие между которыми обусловлено различиями между коммуникативным действием, с одной стороны, и инструментальным и стратегическим (т. е. целеориентированным) действиями — с другой. Люди действуют в обоих типах порядка, руководствуясь разными нормами, поэтому интеграция общества требует задействования разных механизмов для каждого типа порядка. С одной стороны, социальная интеграция общества объединяет людей благодаря общим ориентациям действия. Этот процесс объясняется через понятие жизненного мира. С другой стороны, когда исследуются механизмы системной интеграции общества, необходимо использовать инструменты функционального анализа и понятие системы. Хабермас соединяет в своем анализе эти два понятия, взятые из разных традиций, так как только использование их обоих может способствовать разработке надежных диагнозов времени и формированию критического взгляда на современные общества. Так осуществляется его синтез теории действия и системной теории.

Вторая важнейшая по значимости фигура немецкой социологии послевоенного периода и автор синтеза теоретических идей в социологии — Никлас Луман (1927—1998) и теория систем. Свою глобальную задачу в социологии Луман видел в том, чтобы сначала разобраться в сущности проблем, вызывающих ожесточенные споры между конкурирующими парадигмами, а затем переформулировать их таким образом, чтобы решить проблемы. Инструментом в решении этих задач у Лумана стал радикальный функционализм. В 1980-х гг. (параллельно с Хабермасом) Луман перестраивает теорию (совершает «аутопойетический поворот»), т. е. доводит функциональный метод анализа до универсального и с его помощью анализирует любые системы. Луман получил широкую известность в немецкой социологии как главный оппонент Хабермаса и его критической теории общества. В результате их споров немецкая теоретическая социология разделилась на два лагеря — Лумана и Хабермаса, тогда как другие теоретические направления оказались под угрозой маргинализации. До настоящего времени значительное количество немецких социологов по-прежнему разделено в своих предпочтениях между этими двумя главными школами и персоналиями их лидеров.

Бесспорно, кроме работ Парсонса на становление теоретических взглядов Лумана значительное влияние оказали и немецкие традиции: философская антропология А. Гелена, феноменология Э. Гуссерля, а также тенденции развития исследований в биологии, которыми Луман всегда интересовался и из которых заимствовал идеи. Повлиял и личный опыт работы Лумана как профессионального юриста, и его первоначальное юридическое образование, хорошее знание бюрократической системы. Лумана относят к послевоенному германскому поколению «скептиков», которых слишком часто обманывали режимы власти, в результате чего они утратили великие идеалы

и отказались от участия в любых нравственных и политических спорах. Действительно, Луман всегда старался отмежеваться от политики и придерживаться отказа от нравственных оценок в своих трудах.

Луман стал известен после выхода в 1984 г. его главной работы «Социальные системы. Очерк общей теории» [5]. Сделав акцент на функционализме, он заменил термин «структурный функционализм» на «функционально-структурную системную теорию»: «Функционально-структурная теория может ставить вопрос о функции системных структур, не предполагая при этом в качестве отправной точки своего вопроса общую структуру системы». Такой поворот позволил Луману изначально избавиться и от нормативизма Парсонса и абсолютизации ценностей и норм для объяснения социального порядка. Он также отделяет системы (в том числе социальные) от окружающего мира, что позволяет ему включить в анализ системы и мира более широкий контекст, чем у Парсонса. Отказ от приоритетности понятия «система» избавляет Лумана и от апологетизма Парсонса, который всеми силами пытался найти механизмы и средства поддержания порядка и социальной интеграции системы. Луман исходит из признания того, что основные проблемы социальных систем решаются при помощи наличных структур лишь временно, причем в других условиях эти проблемы могут решаться другими структурами (тоже временно). Луман назвал свой подход «эквивалентным функционализмом», подчеркнув, что всегда могут быть найдены другие эквивалентные решения любой проблемы системы.

Луман радикально высказывается против каузальных объяснений, считая их ненаучными: в условиях комплексных систем действия нельзя точно выявить причины и последствия, а следовательно, делать прогнозы относительно будущего развития системы. Однако в рамках эквивалентного функционализма можно «проигрывать в уме» множество вероятностных сюжетов развития отношений в системе, при этом ни один вариант не считая «истинным». Тем самым теория Лумана предоставляет эвристические возможности анализа самых разных проблем общества, касающихся его устойчивого развития в окружающем мире.

В работе «Социальные системы» Луман отстаивает позицию, что системы реально существуют, а не являются лишь категорией анализа (как у Парсонса). Развивая понятие системы, он выделил три фазы системно-теоретического мышления [5, с. 17]: сначала она понималась как отношение между частью и целым (система «часть — целое»), затем она рассматривалась в отношении к окружающему миру и возможностей ее адаптации («система — окружающая среда»). На базе такого рассмотрения, по аналогии с нейрофизиологией и биологией, в социальных науках развивается теория самореферентных систем (операциональная закрытость системы и внутреннее развитие по своей логике). После этого Луман проанализировал подсистемы науки, экономики, политики и т. п. как функционально дифференцированные и развивающиеся независимо друг от друга. По Луману, они не могут

эффективно управляться извне или координироваться с другими. Поэтому любые попытки государственного вмешательства в экономику или науку высмеиваются Луманом как имитационные. Системы не поддаются контролю извне: функциональная дифференциация сделала это невозможным.

Радикальная позиция управленческого пессимизма Лумана не означала, что он был против мер по защите окружающей среды или политических реформ под воздействием давления общественности. Просто он хорошо понимал ограниченность этих мер и возможностей. Данный подход вызывал критику в адрес Лумана относительно этих вопросов, однако независимо от результата и мнения критиков попытка Лумана создать синтетическую системную теорию расценивалась современниками как столь же важная, что и теоретический синтез Хабермаса.

Теоретический взлет немецкой социологии в 1970–80-е гг. свидетельствует, что после Второй мировой войны немецкая социология довольно быстро вернула свои позиции одной из доминирующих стран Европы в сфере социально-философской мысли.

Реконструкция парадигмы неопрагматизма. В течение длительного времени прагматизм был чисто американским феноменом и в Европе не вызывал большого интереса. Хотя иногда к нему обращались и немецкие авторы, именно Ханс Йоас, создавший первую целостную неопрагматистскую концепцию в Германии, в конце 1970-х гг. «вновь открыл» наследие прагматистов Джорджа Герберта Мида, Джона Дьюи, Уильяма Джеймса, Чарльза Пирса для европейского читателя. Сегодня он является не только лидером этого направления; вокруг него сложилась немецкая школа неопрагматизма, состоящая из его учеников и последователей.

Йоас использовал неопрагматизм для создания новой теории действия. Изучая теории американских прагматистов, он выявил их эвристический потенциал для современной социальной теории. Йоас показал, что ни символический интеракционизм, ни марксизм или критическая теория не могут адекватно ответить на потребности современной эпохи: нужна новая теория. Эта теория изложена Йоасом в работе «Креативность действия», опубликованной в Германии в 1992 г. [6]. Автору удалось преодолеть слабости прежних теорий действия, создать логически непротиворечивую типологию социальных действий и выявить присущую им креативность.

Креативность понимается здесь как характеристика, или измерение любого социального действия. Если теории, исходящие из типа рационального действия, приписывали действующему субъекту способность к целенаправленному действию, к мышлению в категориях «цель – средство», то Йоас утверждает, что во многих случаях цели рождаются лишь в процессе самого действия; и поэтому цель не всегда определяет средства, они взаимно влияют друг на друга. Иначе говоря, цели не всегда заданы изначально: они могут выбираться в ходе анализа субъектом ситуации и своих возможностей действия.

Процесс размышления над целями действия и само действие могут протекать одновременно. Следуя прагматизму, Йоас предлагает заменить схему анализа «цель — средство» на анализ «ситуации», так как именно в конкретной ситуации действия происходят процессы восприятия и познания, ставятся или изменяются цели и средства. Таким образом, «ситуативные вызовы» требуют от субъекта постоянной креативности решений, а не бездумного следования заранее принятой цели. Мотивы, планы действия субъекта есть продукт его рефлексии в ситуации действия, но не причина его действия.

Анализируя социальное действие, Йоас доказывает, что не только мышление субъекта, но и его тело участвует в действии; человек зачастую даже не может полностью контролировать свое тело в ситуации действия (например, смеха, разговора). В действиях он всегда проявляет свою социальность, учитывает окружающие предметы и людей вокруг себя, причем не автоматическим и механическим образом, а ситуативно.

Предпринятая Йоасом реконструкция предпосылок рациональной модели действия дала возможность понять необходимость учета телесности субъекта действия, его изначальной социальности, а также креативности процесса действия как единства мышления, «репетиций в воображении» и самого действия. В ходе взаимодействия субъекта действия с другими людьми постоянно происходит переосмысление ситуации действия, что требует креативного согласования средств и целей и поэтому создает возможность возникновения новых ценностей.

Аналогичный пересмотр на основе неопрагматистского подхода был проведен Йоасом по отношению к макросоциологическим теориям социального развития. Если принять за основу теорию креативности действия, то историю уже нельзя рассматривать как автоматическое разворачивание процессов рационализации и дифференциации, как это делали веберианцы и сторонники Парсонса. Ведь в истории действуют отдельные субъекты, которые, сталкиваясь с новыми ситуациями, вынуждены постоянно принимать креативные решения, а не просто руководствоваться заранее выработанной функциональной логикой. Люди сами решают, следовать ли им какой-либо чужой логике, тем более абстрактной «логике системы», или принимать решения исходя из ситуации, которая бывает непредсказуема заранее.

Йоас критикует теории модернизации и дифференциации и считает, что в социологии XX в. уже нет места для эволюционизма и прогрессизма, популярных в XIX в. На примере анализа феномена войны Йоас показывает иррациональность многих ситуаций, связанных с войной, отсутствие «объективной необходимости» в войнах, в конечном счете, их контингентность, т. е. недерминированность. Только у историков, пишущих о прошлых войнах, всегда имеются четкие причины каждой войны и системное объяснение ее последствий. В реальных ситуациях такого не бывает. Войны могут быть непредвиденными, и такие же непредвиденные возможности, требующие от их участников проявления креативности; они сами открывают — дают на-

чало новым макросоциологическим процессам, стимулируют революции. История войн опровергает идею линейного хода общественного развития. Теория социальных изменений должна учитывать креативность, проявляющуюся в ходе войн, будь она негативная или позитивная. В сфере социологии религии подход Йоаса позволил ему доказать неубедительность теории секуляризации, ее несвязанности с процессом модернизации общества.

Продолжая работу в русле макросоциологии, Йоас исследует проблему происхождения ценностей и приходит к выводу, что «возникновение ценностей связано с опытом формирования и трансцендентности человеческой самости» [7, s. 10]. Как правило, ценности и преданность им формируются в процессе социализации. Вокруг этих ценностей складывается индивидуальная и коллективная идентичности. Но это не единственный путь их возникновения: ценности могут формироваться как протест (например, в условиях оккупации), а также в неповседневных ситуациях трансцендентного опыта (религиозные ритуалы, коллективный экстаз, столкновение со смертью и т. п.). В любом случае, как считает Йоас, в возникновении ценностей (как и войн) решающую роль играют случайные, непредвиденные обстоятельства: они рождаются в конкретных ситуациях действия.

Эмпирические исследования истории XX в. во многом подтверждают контингентность формирования приверженности тем или иным ценностям. И в этом вопросе Йоас следует идеям прагматизма: значение имеют не абстрактные нормы и ценности, а решение с их помощью конкретных проблем действия. Такой подход, с одной стороны, дал возможность разработать новую теорию действия, с другой — наложил определенные рамки на неопрагматистское исследование проблем современного общества. Он подвергался критике со стороны неомарксистов, представителей мир-системного анализа общества.

Теория креативного действия Йоаса получила развитие в трудах его последователя Й. Беккерта, применившего ее к области экономической социологии. Рыночные процессы требуют постоянной креативности, инновационности принятия решений. Таким образом, экономические действия — типичный пример креативности действия.

Интерпретации «общества модерна». Немецкий социолог Питер Вагнер в своей диссертации по проблеме модерна дал развернутый анализ институтов общества модерна. В развитии этого общества Вагнер выделил несколько эпох: либеральный тип модерна (XIX в.), организованный тип (начало XX в. — 1960-е гг.) и современный (кризисный) тип. Каждый из них имел свои внутренние конфликты. Как показал Вагнер, идея свободы, характерная для модерна, в реальности всегда уравновешивалась опять-таки типичными для каждой эпохи ограничительными дисциплинарными практиками. Данное противоречие выявляет конфликтный характер общества модерна и с точки зрения истории культуры, и институтов. Вагнер подробно про-

анализировал институты в политической, рыночной и научной сферах, т. е. наполнил теоретическую концепцию модерна реальным содержанием. Вывод Вагнера о неразрешимых противоречиях общества модерна принципиально значим: не имеет исторического смысла навязывать любое конкретное современное общество в качестве образца другим, так как в нем все равно проявятся типичные противоречия данного типа общества [8].

Молодой немецкий исследователь М. Боатцэ на примере Румынии раскрывает низкую возможность применения западной модели модерна как критерия анализа типов современного общества, развивающихся в странах европейской периферии. По ее мнению, насаждаемая концепция связана с колониальным дискурсом, тогда как сами понятия центра и периферии давно нуждаются в теоретическом уточнении [9, s. 57–70]. Социолог В. Шпон, анализируя религиозный ландшафт Европейского союза после его расширения в начале XXI в., использует идею множественности модернов, чтобы подвести теоретическую базу под религиозно-культурное многообразие и разработать политику интеграции Евросоюза, которая исходила бы из этого факта как данности [10, p. 358–374].

Современное состояние немецкой социологии. В немецкой социологии начала XXI в. интерес к Веберу (В. Штрик, Т. Швинн, Т. Шмидт) не ослабевает. Его творчество постоянно обсуждается, а личность изучается. Так, историк Йоахим Радкау выпустил новую, очень объемную биографию М. Вебера, в которой он не только раскрыл индивидуальность ученого, но и тесно связал творчество Вебера с его личностью. Книга была переведена на английский язык и вызвала много споров, так как ранее личность М. Вебера так подробно никогда не анализировалась.

По-прежнему очень популярна школа Лумана, особенно в Билефельдском университете, где он работал. Сменивший Лумана в должности заведующего кафедрой социологии Билефельдского университета Рудольф Штихве продолжил развивать идеи своего учителя. В ходе дебатов вокруг теории Лумана Штихве отличался явно выраженной исторической ориентацией и последовательной концентрацией на темах социологии науки и профессий, с одной стороны, и глобальной социологии — с другой. Он исследовал ранний этап развития науки, проследил ее дисциплинарную дифференциацию внутри университетов и раскрыл сложный характер, не сводимый к функциональной дифференциации. Иначе говоря, Штихве ввел в системную теорию Лумана более адекватное описание модернити, чем это позволял сделать изначальный лумановский подход, исходивший из приоритета функциональной дифференциации в современную эпоху. В исследовании «глобального общества» он аргументировал исключительное право системной теории Лумана на интерпретацию глобализации. С этой целью он критикует теорию миросистемы Валлерстайна и другие теории, исходящие из экономической модели «центр — периферия». По Штихве, эти тео-

рии не учли функциональную дифференциацию внутри самого общества модерни, развитие которой в современную эпоху снижает практическую значимость прежних глобальных различий; возникающая глобальная система имеет более высокий уровень системности и использует механизмы глобализации для собственных нужд [11]. Штихве учитывает также нормативные структуры глобального общества, требующие от каждого современного государства подчинения неким общим нормативным обязательствам.

Другой ведущий представитель системной теории в Германии, подвергший лумановскую теорию ревизии, — Хельмут Вильке. В отличие от Штихве, он не разделяет лумановскую концепцию глобального общества, а также отказывается от радикального скептицизма Лумана в отношении политического управления, который логически подводил к оправданию политической пассивности. Вильке более оптимистичен в отношении демократической политики управления, хотя он постоянно подчеркивал, что даже такая политика не может отдавать приказы другим подсистемам общества и нуждается в посредниках (например, рыночные механизмы). Еще дальше в ревизии теории Лумана продвинулись его прежние последователи Ф. Шарпф и Р. Майнц, которые попытались учесть взаимодействие коллективных акторов политических процессов и объяснить, почему в одних обществах проводимые «сверху» реформы были успешны, а в других провалились. Такое расширение лумановской системной теории и внедрение в нее перспективы теории действия не разрушило изначальной концепции аутопойетических подсистем; напротив, оно сделало ее адекватной для исследования эмпирических процессов развития общества.

Более существенные изменения произошли среди сторонников и последователей Хабермаса. Преемник Хабермаса в должности заведующего кафедрой философии Франкфуртского университета Аксель Хоннет — ведущий современный представитель данной ориентации в Германии — последовательно усилил конфликтные аспекты теории своего учителя. В своей диссертации он критиковал хабермасовское различие жизненного мира и системы, поскольку институциональная структура общества всегда есть результат борьбы и договоренностей между группами. Хабермас не учел этой постоянной борьбы и потому не смог представить социальный порядок как институционально опосредованные коммуникативные отношения между группами, интегрированными на основе общей культуры, которые борются между собой до тех пор, пока существует асимметрия в распределении власти. Развивая эти идеи в последующих работах, Хоннет старается понять и интерпретировать коммуникативную теорию Хабермаса не в терминах теории языка, а теории признания (термин раннего Гегеля). Он описывает моральное развитие человечества как следствие социальной борьбы групп и классов за определенную институциональную структуру, в ходе которой (борьбы) группы получают заслуженное признание.

Введение в социальную теорию понятия признания позволяет Хоннету сохранить теоретический аспект марксизма, отброшенный Хабермасом, и при этом избежать характерного для Маркса экономизма: понятие признания позволяет объяснить конфликты не только экономическим неравенством групп, но и неуважением к культуре и языку одних групп со стороны других, гендерным и этническим неравенством в обществе и т. п. В своих исторических исследованиях по социализации, социальным конфликтам Хоннет доказывает, что в любом обществе важны представления о справедливости и уважении, связанные с признанием. Отсюда следует его вывод о необходимости изменения теории коммуникации Хабермаса: сделать завоевание социального признания главной нормативной предпосылкой любого коммуникативного действия. Хоннет критикует Хабермаса за недостаточное внимание к моральному фундаменту коммуникации, которая привела к одностороннему диагнозу современности.

Развивая теорию признания в работе «Борьба за признание» (1992), Хоннет разработал различные формы и типы признания и непризнания (неуважения). Он последовательно решает важную задачу – разработать антропологически обоснованную феноменологию признания, чтобы с ее помощью дать обширную программу исследований «патологий» или «парадоксов капиталистической модернизации», которая составила бы конкуренцию другим диагнозам времени, включая Хабермаса [12]. Постановка «диагноза эпохи» остается одной из важных тем в повестке дня немецкой социологии последних десятилетий, так как она позволяет выйти на теоретическое осмысление состояния общества, его основные проблемы и предложить пути их решения. Хоннет также преследует цель исследовать, где и когда в современном обществе имеет место ситуация неуважения, нарушения прав и попрание достоинств индивидов и групп. Этой проблемой занимается сегодня Франкфуртский институт социальных исследований, в работе которого Хоннет по-прежнему принимает активное участие. Развитие Хоннетом коммуникативной теории Хабермаса свидетельствует об открытом характере последней, допускающей разные варианты дальнейшей разработки. В последние годы внимание Хоннета занимает развитие теории справедливости и методов ее использования в социальных исследованиях.

Библиографические ссылки

1. *Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М. : Мартис, 1998.
2. *Dahrendorf R.* Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart : Ferdinand Enke, 1957.
3. *Dahrendorf R.* Pfade aus Utopia. Zu einer Neuorientierung der soziologischen Analyse // Pfade aus Utopia. Theorie und Methode der Soziologie. Munchen ; Zurich, 1986.

4. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bd. Fr./M. : Suhrkamp. 1981. Bd. 1, 2. (англ. изд. — *Habermas J.* The Theory of Communicative Action : in 2 vol. L. : Heinemann, 1984. Vol. 1, 2.)

5. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Газиева. СПб. : Наука, 2007.

6. *Йоас Х.* Креативность действия. СПб. : Алетейя, 2005.

7. *Joas H.* Entstehung der Werte. Fr./M. : Suhrkamp, 1997.

8. *Wagner P.* Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L. : Sage, 2001.

9. *Boatsa M.* One modernity? The 'war for men's minds' in peripheral contexts // The plurality of modernity: Decentring Sociology. München, 2006.

10. *Spohn W.* Europeanization, Religion and Collective Identities in an Enlarging Europe. A Multiple Modernities Perspective // European Journal of Social Theory. 2009. Vol. 12 (3).

11. *Stichweh R.* Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen. Fr./M. : Suhrkamp, 1994.

12. *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Fr./M. : Suhrkamp, 1992.

5.2. ФРАНЦИЯ:

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕОРИИ

Франция — не только родина родоначальника социологии О. Конта и классика социологии XIX в. Э. Дюркгейма. В XX в. французские авторы, социологи и философы, внесли большой вклад в осмысление современности (Р. Арон, Ж. Бодрийяр, М. Крозье, К. Леви-Стросс, М. Мосс, М. Фуко, Ш. Фурастье, Ж. Эллюль и др.). Далее рассмотрим деятельность тех авторов, чьи теоретические наработки можно считать теоретико-методологической основой для эмпирических исследований. Практикоориентированность является отличительной чертой современной французской версии реконцептуализации парадигм.

Периодом расцвета французской социологии считаются 1960-е гг. Более полувека в ней активно работает Ален Турен (род. 1925) — сторонник социологии действия, или акционизма, который существенно дополняет структурно-функциональные парадигмы общества. Турен критикует всю классическую социологию за ее неадекватность современной эпохе и высокую абстрактность, не позволяющую использовать эти концепции в эмпирических исследованиях. Социология должна изучать не структуры, а социальные действия. Предмет социологии, по Турену, — социальные отношения, но изучать их можно только в реальном социальном движении, так как в «чистом виде» их нельзя увидеть и зафиксировать. Социальные движения и становятся главным предметом исследования социолога; он должен фокусироваться на изучении власти, за которую идет постоянная борьба между разными социальными движениями, политическими акторами того или иного обще-

ства на конкретном историческом этапе [1]. Современное общество Турен назвал «программируемым»: в нем множество новых конфликтов, в том числе классовых [2]. Поскольку, по его мнению, современное общество находится в состоянии распада, социолог предлагает заменить понятие общества как предмета социологии на понятие социальных акторов и их отношений [3]. Большое внимание уделяется Туреном коммуникации как обмену сообщениями между акторами, их взаимному согласию в понимании опыта жизненного мира. Коммуникация имеет приоритетное значение для всех новых социальных движений, которые, как полагает Турен, могут заменить классы и стать важными социальными акторами современности.

К ученикам Турена относятся многие известные социологи Запада (Мануэль Кастельс, Мишель Веверка, Франсуа Дюбе). Его парадигмы оказали большое методологическое влияние на исследовательский центр CADIS (Центр социологического анализа и социологии интервенций, созданный А. Туреном), которым много лет руководил М. Веверка, развивая исследования разных социокультурных движений в русле Турена.

С конца 1980-х гг. в антиструктуралистской школе Турена началось некоторое дистанцирование от мэтра его последователей. Его ученики Ф. Дюбе и М. Веверка существенно расширили круг эмпирических исследований и их тематику. Если Турен занимался главным образом социальными движениями, его ученики в своих исследованиях старались найти новые аргументы, чтобы сделать теоретические положения и выводы социологии Турена еще более убедительными. Так, Ф. Дюбе исследовал не только социальные движения, но и социологию города, молодежи, миграции, профессий [4; 5], а М. Веверка прославился как крупный специалист в исследовании проблем расизма и терроризма [6; 7]. Однако если Турен вплоть до 1990-х гг. продолжал верить, что на смену прежним социальным движениям, включая рабочее, придет новое социальное движение, которому будет принадлежать будущее, то его ученики отказались от поиска одного нового социального движения, способного мобилизовать массы и изменить современный мир. Вместо этого они занялись исследованием острых проблем современного французского общества.

Ф. Дюбе решительно отверг положение классической социологии о возможности принятия индивидом неких общепринятых в обществе норм и об идее гармоничной социализации индивида в общество. По его мнению, эмпирические исследования доказывают, что между индивидом, социальными институтами, обществом в целом не может быть ни гармонии, ни консенсуса. Поэтому Дюбе поддерживает тезис, выдвинутый А. Туреном на позднем этапе его творчества (в 1990-е гг.) о некоем главном историческом субъекте: поскольку современное общество уже не является целостным, в нем нет и не может быть одного главного социального конфликта современности. В таком обществе нормой будет существование множества разнонаправленных социальных движений со своими акторами [5]. Дюбе считает, что между обществом, институтами, системами, с одной стороны, и акторами – с другой,

произошел полный разрыв. Поэтому прежними понятиями классической социологии (кризис, отчуждение, интеграция и т. п.) уже нельзя объяснить современную ситуацию. Нужен новый инструментарий. По мнению Дюбе, активистская социология больше других имеет шансы на то, чтобы выполнить эту миссию. Однако само понятие «действие» Дюбе предлагает заметить на «опыт». Это понятие помогает ему также более детально разработать тот диагноз современности, который был сделан Туреном, но уточнен его соратниками: распад институтов, систем и всех других форм организации, характерных для стабильного общества.

Одной из вершин французской и мировой социологии является теория Пьера Бурдьё, чьи структурно-конструктивистские идеи были общепризнанными в социологии конца XX в. [8; 9]. После его смерти ситуация несколько изменилась: считается, что другие социологи не смогли заполнить образовавшуюся лидерскую нишу — новых теорий того же уровня создано не было, хотя социология успешно развивалась. Однако французская социология и при жизни Бурдьё никогда не сводилась лишь к его школе, а была значительно разнообразнее, развивая многие уже сложившиеся в ней традиции.

Как считает французский социолог Ш.-А. Кюэн, современная французская социология имеет огромные достижения в эмпирической области, т. е. в сборе информации и информировании заинтересованных лиц и институтов о состоянии общества. Она покончила с «грандиозными парадигмами, претендовавшими на целостное познание совокупности явлений и процессов социального мира», перевела фокус исследований со структур и систем на изучение действия и акторов, но пока еще не достигла больших успехов в соединении результатов исследований микро- и макроуровней, т. е. нуждается в теориях и парадигмах, позволяющих лучше объяснять и интерпретировать социальные процессы и коллективные действия людей [10, с. 20].

Во французской теоретической социологии начала XXI в. в основном происходят процессы реконструкции уже известных парадигм и направлений. Социологи, ощущая критическое состояние социологии, высказывают много замечаний по этому поводу: чему служит социология [11], какое будущее у нее [12]. Как считает Ронан Эрвье, представитель Центра социологии имени Дюркгейма университета г. Бордо, в современной французской социологии одновременно имеют место и теоретическое углубление в исследование общества или его отдельных сфер, и инновационные исследования, и фрагментация науки, возведение границ между отдельными направлениями исследований внутри социологии. По мнению Эрвье, период развития социологической теории XXI в. (т. е. практически после смерти Бурдьё) представлен тремя направлениями, ассоциирующимися с тремя парадигмами, разработанными ранее, но продолжающими свою эволюцию до настоящего времени: Раймон Будон, Жерар Броннер, Шарль-Анри Кюэн.

Остановимся на самой известной из указанных парадигм, автором которой является Раймон Будон. Будучи учеником Поля Лазарсфельда, он

придерживался позитивистской теоретической ориентации. Будон критически оценивал все основные теоретические направления, считая их недостаточно разработанными в области методологии и понятийного аппарата («языка социологии»). В одной из своих работ Будон даже ставит вопрос: существует ли еще социология [13], считая необходимым развивать внутри нее критику и самокритику для борьбы с догматизмом. Будон являлся сторонником принципа методологического индивидуализма, т. е. объяснения любых социальных феноменов как следствий индивидуальных действий. В соответствии с этим методологическим подходом Будон считал необходимым для социологов изучать индивидуальное поведение акторов в рамках конкретной социальной системы, чтобы выявить свойства системы взаимодействия, которыми определяются единичные факты, закономерности или наблюдаемые отношения. В социологическом анализе, по мнению Будона, необходимо применять системный подход и объяснять причины не через один, а через множество факторов. При системном подходе, базирующемся на анализе фактов, нет места таким ненаблюдаемым абстрактным понятиям, как общество или класс: это умозрительные конструкции, мешающие проведению исследований. Поэтому в своих выводах о причинах социального неравенства, роста мобильности, разных возможностей продвижения у представителей различных слоев общества он фиксирует такие причины, как кризис, засилие олигархии, неудачи в проведении реформ образования и т. п.

В последние два десятилетия обновление социологических построений, их реконструкция происходят во Франции через теоретическую критику наследия Пьера Бурдьё. Так, критикуется концепт габитуса как принцип действия агентов, который, как полагают авторы, не является таким устойчивым, как считал Бурдьё. В связи с этим критикуется и концепция социализации Бурдьё: исследования показывают, что этот процесс охватывает разные сферы, поэтому люди обычно социализируются фрагментарно; число полученных ими в процессе социализации установок растет, в результате чего они не могут реализовывать некую единую стратегию действий. Их габитус плюрализируется, поскольку и сам окружающий мир плюралистичен, а не монолитен. Поэтому критики отвергают объяснения поведения людей, детерминированные их габитусом, т. е. исходящих из представления актора как некой системы [14]. Как указывает Кюэн, в современном сложном обществе актор руководствуется в своем поведении множеством логик действия [10, с. 16].

Концепции Бурдьё подвергались критике и с редукционистских позиций в работах Франсуа Дюбе, ученика Турена. Эта критика прослеживается в произведениях Дюбе «Социология опыта» (1994) и «Работа обществ» (2009). Обновление социологии видится Дюбе в интерпретации опыта как способа конструирования и верификации (экспериментальной проверки) социальной реальности. Социология опыта подрывает понятия системы

и актора, поскольку выдвигает в качестве предмета исследования три разные логики действия (стратегическую, интеграционную, субъективирующую), посредством которых субъект связан с каждым аспектом системы [15]. Дюбе привлекает к анализу опыта и субъекта работы Д. Мида, И. Гофмана, других авторов. Результатом анализа становится акцент автора на множестве когнитивных миров, режимов действия и логик действия, которым следует индивид.

Известные провозвестники «поворота к прагматизму» социологи Люк Болтански и Лоран Тевено выступают с критикой Бурдьё по ряду вопросов и классификаций, рассматривая на конкретных эмпирических примерах различные ситуации, в которых индивиды сталкиваются с неопределенностью в трудовых отношениях. Воспроизводство социальных иерархий, а также понимание справедливости, по их мнению, зависит от конкретного режима действия. Их совместная книга «Критика и обоснование справедливости» (2013) оказала влияние на исследования в самых разных областях, от политического анализа критики и социальных движений до экономической социологии и «экономики конвенций», включая межкультурные и исторические сравнительные исследования [15].

Во французской социологии сегодня также наблюдается тенденция к включению в предмет изучения социологии новых областей, которые прежде никогда не включались в сферу социального познания. Так, утверждается, что социология должна обязательно рассматривать не только людей, но и не-людей (мир живой и вещной природы), поскольку они составляют единую среду, или сети взаимодействия. В качестве примера можно привести лабораторию Пастера, в которой изучаются бактерии: не принадлежа к «миру людей», тем не менее бактерии являются необходимой составляющей сетей, образующихся в процессе этих исследований. Таким образом, границы социологии раздвигаются [16].

Столь же активно сегодня развивается идея сближения социологии с другими социальными и гуманитарными дисциплинами, установления активного диалога и взаимного обогащения этих дисциплин путем заимствования друг у друга новых методов, объектов исследования. Прежде всего называют такие дисциплины, как этнография, социальная философия, история, политическая философия и др.

Хотя французская теоретическая социология сегодня не является общепризнанным лидером, но она все-таки претендует на эту роль, продолжая развивать собственные социологические традиции [17].

Библиографические ссылки

1. *Touraine A. Sociologie de l'action*. P. : Les Éditions du Seuil, 1965.
2. *Touraine A. La société post-industrielle. Naissance d'une société*. P. : Denoël, 1969.

3. *Touraine A.* Un nouveau paradigme – pour comprendre le monde d’aujourd’hui. P. : Fayard, 2005.
4. *Dubet F.* La galère: jeunes en survie. P. : Fayard, 1987.
5. *Dubet F.* Le déclin de l’institution. P. : Editions du Seuil, 2002.
6. *Wiewiorka M.* Societes et terrorisme. P. : Fayard, 1988.
7. *Wiewiorka M.* La violence. P. : Ballard, 2004.
8. *Бурдые П.* Социология политики / пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993.
9. *Бурдые П.* Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994.
10. *Кюэн Ш.-А.* В каком состоянии находится социология? // Социс. 2006. № 8.
11. *Dubet F.* A quoi sert vraiment un sociologie? P. : Armand Colin, 2011.
12. *Spurk J.* Quel avenir pour la sociologie ? Quête de sens et compréhension du monde social. P. : PUF, 2006.
13. *Boudon R.* Y a-t-il encore une sociologie? P. : Odile Sacolo, 2003.
14. *Dubet F.* Sociologie de l’expérience. P. : Seuil, 1994.
15. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М. : Новое лит. обозрение, 2013.
16. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014.
17. *Гофман А. Б.* Социология во Франции и в России. К истокам идейных взаимосвязей // Социс. 2014. № 11.

5.3. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: «ПОВОРОТЫ» МОБИЛЬНОСТИ, СЛОЖНОСТИ И РЕСУРСНОСТИ

В британской социологии конца XX – начала XXI в. одно из ведущих мест занимает профессор социологии престижного Ланкастерского университета Джон Урри (род. 1946). Урри не только по-новому концептуализировал объект и предмет социологии, он разработал новую парадигму, в которой дал оригинальную трактовку понятиям пространства и времени. По этому поводу Джон Урри амбициозно заявляет: «Мною предлагается и дается систематическая разработка того, что я называю новой парадигмой мобильностей, призванной преобразовать характер адекватного анализа в социальной науке» [1, с. 73]. Кроме разработки новой парадигмы мобильностей британский социолог выдвинул и развил идею трех взаимосвязанных поворотов в современной социологии: *сложности, мобильности и ресурсности*. Этой проблематике посвящены его основные работы, вышедшие в последнее время в Великобритании: «Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века» (2000) [2], «Мобильности» (2007) [1], «Глобальная сложность» (2003) [3], «Изменение климата и общество» (2011) [4] и др.

Джон Урри поставил перед собой грандиозную задачу: переосмыслить основания социологии, принятые на ее классическом этапе и устаревшие, с его точки зрения, в эпоху «текучей современности» и турбулентности. Речь идет прежде всего о понятии общества и социального как предмета исследования теоретической социологии. По мнению британского социолога, сегодня, когда все физические и виртуальные границы стали гибкими и проницаемыми, а национальные общества теряют свою былую власть, исчезли перегородки и между научными дисциплинами. Данная ситуация требует разработки новых теорий и исследовательских методов. Весь глобальный мир пришел в состояние постоянного движения, трансформации, вследствие чего «социальное как общество» превращается в «социальное как мобильность». Поэтому, по его мнению, понятие социального не сможет играть в будущем прежней существенной роли в качестве организующего понятия социологического анализа. Оно требует замены на более адекватные понятия. Урри предпринимает попытку «выступить с манифестом» по перестройке социологии в нынешнюю эпоху, которую он называет «постсоциальной», поскольку на место общества приходят глобальные сети и потоки. Он пишет: «Я собираюсь предложить манифест социологии, изучающей различные виды мобильности людей, объектов, образов, информации и отходов, а также сложные взаимосвязи между ними и социальные последствия этих разных типов мобильности» [2, с. 9]. Таким образом, новым предметом социологии должны стать *потоки* (людей, товаров, идей, информации) и их сложные *пересечения* и взаимосвязи. Категория «поток» ставится в центр внимания ученого и заменяет прежние основные понятия — «структура» и «сообщество». Практически синонимично к понятию «потоки» выступает понятие «мобильности»: оба относятся к физическим и виртуальным перемещениям не только людей, но и объектов, образов, денег, отходов и т. п. Отсюда и название парадигмы — парадигма мобильностей. Урри показывает, как новые виды мобильности вовлекают огромное число различных технологий и физических объектов, влияют на восприятие людьми пространства и времени, становятся центральным элементом социологии: «Мобильности, пересекающие социальные границы так, что само их проникновение образует неожиданные пространственно-временные паттерны, создают возможность новой большой повестки для социологии. Это повестка мобильности» [2, с. 11]. Мобильность стала «главной проблемой меняющейся социологии» [5, с. 3].

Свою задачу Урри определяет в двух аспектах: во-первых, обосновать, что «существуют многочисленные виды движения и что социология по большей части рассматривала их неверно»; во-вторых, представить новую «парадигму, заключающуюся в постдисциплинарном, продуктивном способе практиковать социальную науку, особенно в новом столетии, в котором вопросы мобильности явно займут центральное место» [1, с. 91].

Категория мобильности рассматривается в самых различных вариантах, имеющих непосредственную связь с повседневностью (географические пере-

движения, туризм, смена места проживания и гражданства, виртуальные путешествия во времени и др.). Мобильность становится проблемой исследования на стыке социологической теории и повседневных человеческих практик, что потребовало обращения социолога к другим научным дисциплинам (географии, экономике, политической науке) и современным технологиям. Большинство рассматриваемых Дж. Урри видов мобильности относятся к горизонтальной, а не вертикальной мобильности, и в этом заключается отличие подхода Урри от подхода социологов, исследующих традиционные проблемы социальной мобильности. Изучая пересекающиеся горизонтальные мобильности, социология становится в некотором роде «постдисциплинарной» наукой, привлекающей знания из разных дисциплин и организованной «вокруг сетей, мобильности и горизонтальной текучести» [2, с. 13].

Здесь мы логически подошли к первому парадигмальному повороту, совершенному Дж. Урри в социологии, а именно — обоснованию необходимости дополнения социологического знания знанием других наук, т. е. определенного синтеза знаний в рамках новой парадигмы, призванной соответствовать качественно новой социальной реальности и предлагать новые инструменты и формы для ее теоретического осмысления. Поворот мобильности — это новый тип мышления, в центре которого находится процесс движения, описывающий разные перемещения (людей и объектов, идей и образов) в самых разных сферах и пространственно-временных координатах. Отвечая на вопрос, почему новая социологическая парадигма должна изучать многообразные пересекающиеся горизонтальные мобильности, Урри приводит такие аргументы. В о - п е р ы х, социология лучше других социальных наук способна на постдисциплинарную перестройку, поскольку она меньше подвержена дискурсивной нормализации. Другие науки преуменьшают роль мобильности, перемещений в жизни людей, не «замечают» их, игнорируют изучение инфраструктуры повседневной жизни. В о - в т о р ы х, именно социология организована вокруг сетей и поэтому способна разработать новую повестку для своих исследований. Именно социология может изучать мир сетей и потоков, в котором мобильности не ограничены территорией национальных государств, не заданы сплошными физическими расстояниями на местности. Люди и объекты объединяются в сети, немислимые ранее, и наличие которых позволяет людям накапливать сетевой капитал (по аналогии с формами капитала у Бурдьё). Сетевой капитал включает реальные и потенциальные взаимодействия с людьми и вещами, которые пространственно удалены, но становятся доступны ввиду новых технологий (мобильный телефон, автомобиль, айфон). Благодаря сетевому капиталу пересматриваются проблемы социальной структуры: люди должны постоянно поддерживать свой сетевой капитал через виртуальные и реальные встречи с другими людьми, чем и заполнена их социальная жизнь [1, с. 360].

Рассматривая формы общественной жизни сквозь призму мобильностей, Урри уделяет внимание такому ее аспекту, не привлекавшему ранее

внимание теоретиков (за исключением субъективистов), как близость. Он понимает эту категорию в разных смыслах: и как пространственную близость людей друг к другу на работе, дома (соприсутствие), и виртуальную, например в компьютерной сети (удаленную), и духовную (близость в идеях). Урри считает, что «все формы общественной жизни включают непривычные сочетания близости и удаленности, требующие изучения пересекающихся форм физической, предметной, воображаемой и виртуальной мобильности, связывающей людей потребностями, желаниями и обязательствами — все чаще независимо от расстояний» [5, с. 3]. Сегодня перемещения становятся необходимым компонентом поддержания различных социальных связей, причем в ряде случаев материальные перемещения соответствуют богатой жизни общества с плотной сетевой структурой. Урри рассматривает, как находящиеся рядом тела «активно участвуют в диалоге и смене ролей» [5, с. 5], и делает вывод, что и в современном мире физические перемещения остаются необходимыми для поддержания социальных (формальных и неформальных) связей и приращения социального капитала. Тело путешествует, соприкасается с другими телами и местами, приобщается «лицом к моменту» или «лицом к месту» на различных важных мероприятиях. Все это — проявление современной мобильности. Однако и виртуальная близость на основе современных технологий может создать формы соприсутствия и тем самым поддержать социальный капитал без физических перемещений тела. Урри ставит вопрос, сохранятся ли материальные мобильности в будущем в их современном объеме или будут существенно потеснены интернет-мобильностями и какие следствия из этого вытекают.

С помощью понятия систем мобильности Урри описывает устройство социальной жизни людей в масштабах исторических эпох (перемещения на велосипеде, автомашине, поезде, самолете, воображаемые путешествия). Вопросы исследования мобильностей показывают, как Урри объясняет социальную жизнь через некие общие системные параметры. Так, система мобильностей представляет собой комплекс социальных отношений людей и материальных объектов, благодаря которым различные виды перемещений становятся возможными, повторяемыми, доступными широкому кругу лиц. Эта система включает перемещения людей, объекты, идеи, связи между ними, различную технику и объекты инфраструктуры. Урри показывает, как через личные встречи и мотивированные личными желаниями перемещения складываются социальные связи между людьми, создается социальное пространство и социальные структуры, которые необходимо постоянно поддерживать новыми встречами и перемещениями, т. е. мобильностями. В отличие от многих других социологов, Урри почти не анализирует социальное действие, а фокусирует внимание на возникающей социальной структуре, понимаемой не традиционно (как социально-классовая структура, как роли и статусы), а как конкретно-исторический набор социальных отношений и обеспечивающих их реальность систем мобильности. Эта сетевая

структура социальных связей является основным предметом исследования в парадигме мобильности Урри, и ее понимание связано с постоянной динамикой как самой этой структуры, так и материальных объектов, тоже находящихся в движении. Эти новые и старые типы мобильностей проявляются как на микро-, так и макроуровне.

Урри выделяет пять взаимозависимых мобильностей: телесные перемещения людей на работу и отдых, в процессе семейной жизни или миграции; физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами; воображаемые перемещения, совершаемые при помощи образов мест и людей, зафиксированных в информационных источниках; виртуальные путешествия, преодолевающие огромные географические и социальные расстояния; коммуникативные путешествия людей посредством обмена через СМС, письма, тексты, телефон, факс [1, с. 135–136]. Современные технологии предлагают людям новые формы мобильности, изменяющие и насыщающие их социальную и эмоциональную жизнь, предлагающие новые выборы в семье, карьере, социальном статусе. В связи с происходящими переменами происходит существенная смена базовых человеческих ценностей: среди них занимает место новая ценность мобильности, право на которую Урри называет неотъемлемым правом личности в глобальном сообществе.

Рост мобильностей дает основание британскому социологу пересмотреть понятие социального неравенства: по его мнению, теперь оно прежде всего связано с доступом людей к работе, досугу, коммуникации на расстоянии. Те люди, у которых больше доступа к различным социальным сетям, получают больше возможностей в получении работы, организации досуга, увеличении социальной включенности в разные виды деятельности. Таким образом, социальное неравенство становится неравенством мобильности в сложном социуме.

Здесь мы переходим ко второму повороту — *повороту сложности*, связанному с новым научным подходом к пониманию пространства и времени, образованием глобальных сетей, быстрым ростом роли информационных и коммуникативных технологий, радикально изменивших системы мобильностей, сделав их намного более сложными — существующими вне контекста традиционной социальной стратификации. Возникли сетевые мобильности, целые потоки перемещающихся знаний, идей, людей, денег, рисков, которые уже невозможно контролировать со стороны государства, так как мобильности развиваются вне границ национальных государств. Ряд мобильностей обладает свойством самоэкспансии и постоянного роста разнообразия (автомобильная система, система рисков) [1, с. 85]. Урри указывает, что в XXI в. системы мобильности характеризуются такими новыми чертами, как усложнение сложности; они основываются на специализированных формах компетентности и предполагают использование экспертных систем; чрезвычайный рост взаимозависимости между этими системами мобильности; рост зависимости новых систем мобильностей от компьютерно-

го и программного обеспечения; наконец, возросшая подверженность этих систем так называемым нормальным авариям, т. е. сбоям, случающимся непредсказуемо и без особых видимых причин.

Урри утверждает, что современная сложность перемещений является результатом не только социальных изменений, но и технических и организационных инноваций, которые качественно изменили такие качества, как пространство и время. При этом нет единого направления этих изменений: в одних случаях можно наблюдать сжатие пространства и времени между местами, а в других – увеличение дистанции. Относительность и неопределенность изменений пространства и времени можно показать на примерах: нелинейность их развития, десинхронизация паттернов пространства и времени, возможность создания виртуального соприсутствия «значимых других» посредством коммуникационных сетей. Таким образом, по мнению Урри, «индивиды существуют за пределами своих личных тел, оставляя следы в пространстве» [1, с. 86].

Для изучения новой сложной реальности необходимы и новые методы, и новые «мобильные» теории, способные схватывать предмет исследования в постоянном движении и изменении. Никакая отдельная наука не в состоянии это сделать. Поэтому необходима интеграция естественных и социальных наук и особая междисциплинарная (постдисциплинарная) парадигма, или парадигма мобильностей. Она «не просто значительно отличается от всех предыдущих тем, что не разделяет их пренебрежительного отношения к различным движениям людей, идей и т. п. На самом деле она трансформирует социальную науку, предлагая альтернативную теоретическую и методологическую перспективу. Она позволяет теоретически осмыслить “социальный мир” в широком диапазоне экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, в которые включаются, из которых следуют или которыми блокируются самые разные виды перемещений людей, идей, информации или предметов» [1, с. 90].

Урри подчеркивает, что в современных условиях в процессе перемещений возникают новые комбинации социальных и технологических отношений, а их комплексность создает новые динамические характеристики, понять которые и призвана новая парадигма. Это могут быть «гибриды живого и не живого, физических и социальных отношений», образующих новую реальность. Их взаимоотношения не создают хаоса, напротив, возникает состояние баланса, в котором порядок и хаос являются компонентами. Ученый пишет о том, что среди процессов, привносимых комплексность в анализ мобильности, надо отметить: 1) осознание быстрых перемещений по миру людей, денег, информации, что ведет к созданию метастабильности; 2) рост коммуникационных технологий и сетей, аутопойетически воспроизводящих себя по всей планете; 3) возникновение глобальных микроструктур (финансовые рынки, антиглобалистское движение, террористические сети), дающих образец принципов самоорганизации; 4) увеличение гиперсложности продуктов

и технологий; 5) возрастание значения гибридных систем социальных отношений и физических объектов (здравоохранение, терроризм), олицетворяющих «перехлестывание» между мирами социального, биологического и физического; 6) непредсказуемость событий и их последствий, производящая «эффект бумеранга», обращенный против тех, кто инициировал эти процессы; 7) различные нелинейные отношения в семье, группе, обществе, не являющиеся причинно-следственными; 8) значение «точек бифуркации» (таких, как молниеносный развал СССР или быстрое глобальное распространение Интернета); 9) широкое восприятие мира как единой самоорганизующейся системы; 10) растущую организацию самой науки на глобальной основе, рост научных самоорганизующихся сетей, что ведет не к росту хаоса в науке, а к возникновению нового, далекого от равновесия, порядка [1, с. 104–109].

Что касается «мобильных методов» науки, Урри предлагает широко использовать наблюдение за движениями людей, участие в паттернах движения и мобильности, ведение дневника, анализ новых видов документов (СМС, блогов) и другие, обусловленные самой природой разнообразных перемещений.

Для описания действия теории сложностей в глобальном мире Урри вводит понятие «эффект Титаника» (когда радикальная трещина в одной сфере сложной системы ведет к хаосу и развалу других систем, находящихся с первой в сетевом взаимодействии) и концепцию ненамеренных последствий, согласно которой реальные результаты того или иного сложного действия всегда выходят за пределы ожидаемых последствий. По Урри, глобальные системы являются взаимозависимыми, самоорганизующимися, обладающими эмерджентными свойствами. Они могут находиться на грани хаоса, хотя на самом деле всегда совмещают и хаос, и порядок. Именно такие системы должны стать предметом социологии в XXI в. Глобальные интегральные сети (например, международная сеть Макдональдс, Гринпис) – пример глобальной системы, объединяющей разные территории своей сетью. В целом связи в сетях могут быть сильными и слабыми, причем оба типа связи являются значимыми в глобальном мире, где уже нет единого центра власти, а развивается глокализация. В таком сложном мире фактор взаимозависимости слабых связей может привести к важным последствиям, которые невозможно предвидеть заранее или достичь посредством развития сильных связей.

Третий поворот получил название *ресурсного*. Он связан с тем, что в эпоху турбулентности, с одной стороны, простые люди пока не приспособились к постоянным сложностям и неопределенности жизни, не выработали адекватных механизмов собственной деятельности в этих условиях. С другой стороны, и социология как наука пока не смогла полностью перестроиться и переосмыслить предмет своих исследований в контексте усложняющегося глобального мира, не определилась с новыми взаимоотношениями между природой и социумом, не переосмыслила ограничения жизнедеятельности со стороны природной среды. Поэтому *ресурсный поворот* социологии – это

развитие междисциплинарных исследований, предметом которых являются «климатические изменения и в более общем плане — мир объектов, технологий, машин и природных сред» с учетом того, что «социальный и материальный миры неразрывно связаны» [4].

В работе «Изменение климата и общество» Урри пишет: «Я ратую за “ресурсный поворот” в социологии, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов. Необходимо разработать скорее посткарбонную социологию, чем постфордистскую или постмодернистскую социологию... Я не стремлюсь ни к чему другому, кроме как развитию посткарбонной социологии, и что гораздо важнее — посткарбонного общества» [4, р. 16]. Урри предлагает включить в предмет социологии анализ изменения климата, природной среды в целом, а также развития техногенной среды, поскольку социальный, природный и технический мир тесно переплетены. Посредством такого новаторства в социологии могут быть осмыслены ресурсные ограничения и предложены новые модели человеческого поведения, адекватные новым условиям. Конечно, Урри понимает, что развитие таких исследований может вызвать политические конфликты, связанные с ущемлением интересов транснациональных энергетических корпораций, военно-промышленного комплекса и т. п. Кроме того, сегодня естественные науки не выработали единого мнения о природе и причинах глобального потепления, поэтому предложить эффективные способы борьбы с глобальными катаклизмами, разработать адекватную политику в отношении воздействия людей на климат и тем более предложить общие действия на глобальном уровне сложно. Однако главная проблема, как ее понимает Урри, даже не в недостаточном развитии науки, а в том, что современный мир невероятно сложен и непредсказуем.

При рассмотрении проблемы ресурсного поворота Урри считает необходимым использование нескольких собственных терминов. Так, он предлагает новый эпохализм как подход, предполагающий интеграцию социологии с естественными науками. Такие эпохальные изменения характеризуются разрывами преемственности, непредсказуемыми и ничем не обусловленными изменениями, а также взаимозависимостью изменений в разных природных системах. Второй подход назван новым катастрофизмом, связанный с осознанием того, что сложные физические и социальные системы движутся не к равновесию, как это предусматривают многие модели, а к энтропии. Их движение характеризуется нелинейностью, отсутствием пропорциональности, уязвимостью перед динамическими нестабильностями. Урри заключает, что сложный социум неизбежно является уязвимым и потенциально несет в себе множество катастроф, причем никакая рациональность управления системами не может справиться с этой сложностью и, следовательно, гарантировать безопасность. Иначе говоря, причинами катастроф могут выступать внутренние факторы, обусловленные «естественным» взаимодействием человека со сложными системами. И чем более сложной является

система, тем более неожиданным может быть сбой в ее функционировании. Поэтому необходим анализ социума, проведенный с учетом его «сложных уязвимостей» — истощения запасов полезных ископаемых, нехватки питьевой воды, наступления новых вирусов и т. п. [4, р. 45].

Таким образом, все три поворота, обозначенные в социологии Джона Урри, направлены на переосмысление новых социальных реалий и на перестройку самой социологии, ее парадигм.

Библиографические ссылки

1. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.
2. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012.
3. Urry J. Global Complexity. Cambridge : Polity Press, 2003.
4. Urry J. Climate Change and Society. Cambridge : Polity Press, 2011.
5. Урри Дж. Мобильность и близость // Социс. 2013. № 2.

5.4. США: «КУЛЬТУРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ»

Одним из самых известных современных американских социологов является Джеффри Александер — профессор, директор Центра культуральных исследований Йельского университета. Дж. Александер, обучаясь в Гарвардском университете, был учеником Парсонса и его последователем. Однако в 1980-е гг. он получил известность как неофункционалист, подвергший ревизию парадигму своего учителя и создавший «многомерную социологию», в которой соединил идеи Т. Парсонса с идеями К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др. [1]. Именно Александер ввел в научный обиход термин «неофункционализм». В 1980—1982 гг. Александер издал четырехтомный учебник «Теоретическая логика в социологии», получивший широкое распространение в США.

С конца прошлого века Дж. Александер отказывается от неофункционализма и становится основателем культуральной социологии как особой парадигмы, представляющей собой теоретический синтез многих подходов [2]. Совместно с польским социологом Петром Штомпкой Александер разрабатывал проблемы травмы и холокоста [3] в рамках культурального подхода. Хорошо известна оригинальная теория гражданской сферы [4], созданная Дж. Александером. Недавняя значимая работа — книга «Темная сторона модерна» (2013), в которой автор критически анализирует общество модерна и показывает его два неотъемлемых аспекта — прогрессивный и консервативный [5]. По мнению ученого, дуальность природы модерна должна всегда учитываться, поскольку расчет на то, что «темную сторону» можно игнорировать, приводит мир к социальным катастрофам.

Современный вклад Александера в социологию начала XXI в., связанный с культуральной социологией, в наиболее полном виде был выражен в его работе «Смысл социальной жизни. Культуральная социология» (2003). Отметим, что создание культуральной социологии было связано с ее культуральным поворотом. Культуральный поворот – это предпринятая Александером попытка интеграции четырех разных парадигм, ориентированных на исследование культуры (критическая теория Ю. Хабермаса, феноменология А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана, постструктурализм М. Фуко, антропология культуры М. Дугласа), сделав акцент в основном на культуре. Сущность поворота в том, чтобы отказаться от традиционного отношения к культуре как зависимой переменной и считать культуру относительно автономной характеристикой общества, которая оказывает существенное влияние на социальные институты и социальные действия людей. Поэтому Александер утверждает, что культура в значительной мере определяет производство смыслов, влияет на работу социальных институтов и поведение людей, особенно при переходе общества в эпоху постмодерна, когда на первый план выходят проблемы виртуальной реальности, симулякр, знаковых кодов, имитаций и т. п.

Радикальная культуральная парадигма Дж. Александера исходит из признания того, что современное общество уже находится на новом этапе развития: из стадии модерна оно перешло в постмодерн, при этом обретая такие новые важные черты, как диффузность и нелинейный характер развития [2, р. 13]. Следствием перехода к постмодерну, в частности, стали разрывы социума, различные культуральные травмы, релятивизация норм и ценностей [6, р. 10]. В обществе постмодерна культура приобретает автономность, становится независимой переменной в объяснении и интерпретации социальных процессов. В прежние времена господства социологии культуры социальные ученые не смогли осознать автономию культуры и адекватно интерпретировать механизмы связи культуры с другими структурами общества и социальной деятельностью [7]. Культуральная социология позволила сконструировать «сильную программу» в объяснении связей культуры и других компонентов общества, представив культуру автономной переменной; создать «структурный герменевтический проект», который предлагает новые нарративы для рефлексивной интерпретации социальной жизни. Именно признание автономии культуры делает культуральную социологию радикально отличной от социологии культуры.

Культуральный поворот имеет свою предысторию. По версии Александера, культуральному повороту в социологии предшествовал лингвистический поворот, состоящий в неопозитивистской трактовке языка (работы Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, М. Фуко, П. Бурдьё) и акцентировавший его коммуникативную функцию. В рамках лингвистического поворота исследовались разные языковые системы и было показано, что смысл одних и тех же языковых знаков может быть разным в различных интерпретативных контекстах. Иначе говоря, была показана относительность смыслов, их

релятивность, зависимость от того, какое значение придается тем или иным знакам в определенном контексте. Кроме работ в области социолингвистики и семиотики, а также упоминавшихся ранее четырех парадигм, Александер использовал идеи символического реализма (Р. Белла), антропологии (К. Леви-Стросс) и другие источники для теоретического синтеза в культуральной социологии.

Культуральная социология занимается исследованием культуральных структур. Сами культуральные структуры трактуются американским социологом как внутренние, латентные, обычно неосознаваемые людьми механизмы их деятельности, сформированные в контексте определенной культуры и социально сконструированных в ней смыслов [2, р. 3, 4]. Эти смыслы всегда значимы, структурированы, социально сконструированы и невидимы. Задача ученого — определить их и сделать видимыми, включить в научный анализ. Примером такой культуральной структуры в прошлом был Веберовский «дух капитализма», связанный с протестантской этикой спасения, на основании которой классик социологии провел анализ генезиса типов рациональности, раскрыл внутренний смысл экономической и политической организации капиталистического общества.

Культуральная структура создает определенную культуральную программу, далее воздействующую на ту или иную сферу жизнедеятельности, изменяющую ее. Исследование любых культуральных структур требует фокуса на латентных культуральных феноменах, а не на видимых реалиях общества [7]. Вместе с тем, по мнению Александера, эти внутренние структуры культуры позволяют объяснять возникновение весьма радикальных изменений в других сферах жизнедеятельности, включая политику и экономику. В современную эпоху они находятся прежде всего в виртуальной реальности, но по силе своего воздействия на образ мысли и действия людей они способны быть столь же ощутимыми, как и материальные структуры, которым обычно приписывается детерминирование социального развития (экономические структуры, политика). Культуральные структуры осуществляют воздействие через производимые ими смыслы, которые могут обретать относительно автономное существование, собственную власть, подчас выходящую из-под контроля своих создателей.

В современном обществе постмодерна смыслы явлений и процессов релятивизировались, символические коды истинных и ложных суждений постоянно накладываются друг на друга, так что теперь смыслы одних и тех же событий имеют противоречивый характер. Александер пытается прояснить, как латентные, противоречивые смыслы, функционирующие в форме дискурса и тиражируемые современными средствами массовой информации, превращаются в обществе в стереотип, т. е. устойчивое ценностно окрашенное коллективное представление. Социолога интересует проблема выбора того или иного смысла людьми, анализ механизмов и технологий адаптации людей к постоянно увеличивающемуся в обществе разнообразию смыслов.

Дж. Александер подчеркивает, что в современном обществе многие культуральные структуры формируются не целенаправленно. В то же время, когда в этот процесс вмешиваются агенты действия, культуральные структуры создаются в соответствии с их целями. Примером целенаправленно сформированных культуральных структур являются имиджи, мифы, нарративы. Людям бывает трудно самостоятельно разобраться во множестве смыслов, которые создаются разными смыслопроизводящими институтами (медиа, реклама, пиар и т. д.). Культуральная социология изучает механизм осуществления выбора тех или иных культурных смыслов в повседневной жизни простых людей, их мотивацию, выбор между альтернативными ценностно-нормативными системами и т. д. Эти выборы имеют особую важность для сфер экономики и политики. По мнению Александера, общество постмодерна радикально преобразует эти сферы, так как меняется производство и распространение смыслов, регулирующих эти сферы и деятельность людей в них [2, р. 12, 13]. При этом агенты действия, интериоризирующие культурные смыслы, становятся и агентами социально-культурных изменений. Активистский подход Александера особо подчеркивает их важность в процессе изменения современного общества.

Для понимания постмодернистской позиции Дж. Александера важно отметить, что он считает сами социальные феномены изначально нейтральными, т. е. не имеющими никаких оценочных характеристик. Эти реалии получают ценностное содержание только в результате кодирования их как плохих или хороших, т. е. придания им тех или иных значений посредством «спирали присвоения значения». Результатом такого кодирования становится конструирование явлений в бинарной оппозиции «добро – зло». Так, по его мнению, социокультурная травма как реальный трагический феномен не является травмой до тех пор, пока она не получает именно такое социальное значение, т. е. не определяется как зло. Отметим, что для Александера категории добра и зла всегда являются парными и используются вместе. По его мнению, можно рассматривать категорию «зло» только лишь как «атрибутивное конструирование реальности», продукт культуральной работы, а не как некую интерпретацию реально существующих феноменов, обладающих негативными характеристиками. В рамках такого подхода к интерпретации добра и зла автор утверждает, что они зависят от кодирования явлений, от приписывания событиям и явлениям знака минуса или плюса, т. е. по сути являются социальными конструктами.

В качестве примера такого кодирования Дж. Александер приводит феномен холокоста. Социолог утверждает, что холокост является социально сконструированным культуральным фактом, который стал главным символом морального зла и человеческого страдания только после того, как массовые убийства фашистами евреев, связанные с расовой ненавистью, получили символический смысл и стали олицетворять травму для всего человечества. Теперь по холокосту осуществляется типизация новых массовых репрессий над людьми по всему миру.

Александр раскрывает динамику процесса приписывания символического значения тому или иному событию на примере травмы. Итак, изначально реальное событие не является травмой: оно приобретает такое значение, когда обретает смысл зла, нарушающего коллективную идентичность людей. Травма есть результат сильного социального дискомфорта, испытываемого людьми и затрагивающего смысл их коллективной идентичности. Травма связана именно со значением, которое она получает либо в момент протекания события, либо позже. Так, культурная травма — это не социальный факт, не реальное событие, а нечто, имеющее статус зла в результате кодирования данного социального факта как зла. В процесс кодирования события могут включаться многие акторы; сам этот символический процесс является многовариантным, зависимым от деятельности агентов и от того, насколько данное кодируемое событие затрагивает чувство коллективной идентичности людей.

Александр выделяет возможные этапы процесса развития спирали приписывания событию значения. Первый этап — это переход от рассказа о каком-то событии к убеждению больших групп людей в том, что они подверглись травме. Осуществляется обсуждение и символическое конструирование ответов на вопрос, кто вызвал травму и насколько велико страдание людей от нее. Создается нарратив о социальном страдании. Следующий этап может быть связан с религиозной сферой, с поиском оправданий случившегося, апелляцией к высшим силам. Возможен и переход на научный уровень, когда для символического конструирования травмы привлекаются научные подходы, формируются представления о природе зла, жертвах и т. п. Далее спираль конструирования значения поднимается до уровня символического производства смысла с помощью средств массовой информации. Если же к процессу социального конструирования травмы подключается государство, то могут быть созданы национальные комиссии по расследованию события, организованы слушания в парламенте, издаваться директивы о национальных приоритетах и т. п. Таким образом событие может получить новые аспекты символического кодирования или быть перекодированным, проходя через серию этапов по приписыванию ему тех или иных значений.

Александр приводит много других примеров приписывания значений (например, технологии, гражданской сферы), показывая, что инструментальный и методологический культуральной социологии можно эффективно применять для анализа современности. Действительно, парадигма культуральной социологии приложима к анализу разных сфер общества. На постсоветском пространстве она пока еще редко используется для исследования происходящих там перемен, оставаясь чаще лишь инструментом абстрактного теоретизирования.

В тех же теоретико-методологических рамках культурального поворота, используя «сильную культурную программу», разработана теория культурной травмы польского социолога Петра Штомпки. Она была создана на ру-

беже веков на основе теоретического осмысления драматических событий посткоммунистической трансформации в Центральной и Восточной Европе [8, с. 3–12; 9, р. 155–195]. Эта теория часто привлекалась в постсоветской социальной науке для анализа постчернобыльского синдрома, а также для интерпретации негативной реакции значительного числа людей на шоковые социально-экономические реформы в России 1990-х гг.

Библиографические ссылки

1. *Alexander J. C.* Neofunctionalism and After. L. : Blackwell, 1998.
2. *Alexander J. C.* The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford : Oxford University Press, 2003.
3. *Alexander J. C.* Trauma. A Social Theory. Cambridge : Polity Press, 2012.
4. *Alexander J. C.* The Civil Sphere. Oxford : Oxford University Press, 2006.
5. The Dark Side of Modernity / J. C. Alexander [et al.]. Cambridge : Polity Press, 2013.
6. Cultural Trauma and Collective Identity / J. C. Alexander [et al.]. Berkeley : University of California Press, 2004.
7. *Alexander J. C., Smith P.* The Strong program in Cultural Sociology. Elements of Structural Hermeneutics. URL: <http://ccs.research.yale.edu/about/strongprogram> (date of access: 06.08.2013).
8. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социол. исслед. 2001. № 2.
9. *Sztompka P.* The Trauma of Social Change: a case of postcommunist societies // Cultural Trauma and Collective Identity / Alexander J. [et al.]. Berkeley : University of California Press, 2004.

6. ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

6.1. РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Выбор теоретической рамки, или парадигмы развития постсоветского общества, — это не просто поиск лучшей или даже самой подходящей для постсоветского пространства или России концепции развития. В этот процесс так или иначе вмешивается мировая политика: выбор теории в значительной степени определяется расстановкой сил между существующими научными школами и теми странами, в которых эти школы представлены. Поэтому, как правило, в научный оборот постсоветской социологии включаются теории стран социологического мейнстрима. В советское время тоже имел место перенос некоторых зарубежных концепций и парадигм на советскую почву, однако он проходил завуалированно: так, не принято было говорить, что под видом марксизма в советской теоретической социологии развивали структурно-функциональную модель общества, «вписав» ее идеи в идеологический контекст марксизма без ссылок на оригинал. Зарубежные первоисточники издавались очень малыми тиражами, так что лишь избранные могли их прочесть и оценить степень сходства теории социальной системы Т. Парсонса с моделью устойчивого советского развития.

В 1990-е гг., после распада СССР, казалось вполне логичным, что российские социологи, или, шире, социологи на постсоветском пространстве, обращаются к парадигмам и метапарадигмам, созданным их западными коллегами в целях использования последних для анализа, описания, интерпретации своего собственного трансформирующегося общества. Причина тому отнюдь не теоретическое бессилие или преклонение перед Западом, а желание включиться на равных в мировую социологию, используя ее теоретические наработки. Однако некоторые российские авторы утверждали, что настоящее теоретизирование имеет место только в западной социологии, поскольку оно прежде всего сводит-

ся к обширным регулярным «коммуникациям, тематизирующим... фундаментальную социологическую науку» [1, с. 5]. Если свести теоретизирование только к научной коммуникации, тогда очевидно, что для ее успешной реализации необходим «общий» научный язык, т. е. использование одних и тех же категорий, теорий, парадигм, которые будут пониматься и интерпретироваться учеными разных стран более или менее одинаково. Если же применять разные концепции и парадигмы, общего языка в социологии можно не найти, что затруднит публикации в международных журналах и участие в международных конференциях. Так, включение России, Украины, Беларуси в Европейское исследование ценностей (EVS) позволило рассматривать происходящие здесь ценностно-нормативные сдвиги в контексте других стран Европы, что, несомненно, дало прирост теоретического знания о постсоветских странах и зарубежным, и отечественным социологам.

Однако теоретизирование не сводится только к коммуникации ученых по поводу фундаментальных проблем социологии, какая бы важная роль не отводилась подобной коммуникации. Оно включает и другие компоненты, в которых постоянная коммуникация имеет место лишь опосредованно. Тем не менее в научном сообществе всегда складывается некая иерархия, согласно которой те или иные теории и их авторы претендуют на доминирующие позиции в науке. Своя иерархия существует среди авторов макросоциологических теорий: по сложившейся еще в XIX в. традиции доминируют теории, созданные социологами США, Великобритании, Германии и Франции. Именно эти социологи занимают верхние строчки рейтингов, они — авторы наиболее известных глобальных теорий, интеграционных парадигм, новых «диагнозов современности»; и только среди авторов альтернативных теорий и парадигм, противостоящих Западу, можно найти ученых, репрезентирующих остальную часть мира.

Поскольку социологическая наука, в какой бы стране она ни развивалась, всегда «стремится к рациональности, универсализму и теоретическому обобщению» [2, с. 134], вполне естественным является использование теорий и парадигм, имеющих высокий уровень генерализации и приложимых к широкому кругу исследуемых процессов и явлений, рефлекслирующих по поводу проблем, имеющих не только локальную, национальную, но и наднациональную или глобальную значимость в современном мире. Поэтому обращение к теориям, созданным в других странах, но адекватным в той или иной степени для интерпретации или объяснения «локальных» проблем, вполне уместно. В этом смысле американец Александер призывает всех национальных социологов не оставаться в плену «локальных» проблем: они неминуемо должны становиться «локальными космополитами», т. е. применять к своим локальным проблемам общепринятые концепции и парадигмы.

Сходные заявления о необходимости активного включения российской социологии в мировую можно найти у российских авторов. Так, Г. Е. Зборовский пишет о росте интереса российской теоретической социологии

к достижениям мировой науки [3, с. 14, 15]. Он называет несколько причин, предопределяющих рост интереса к перспективам развития теоретической социологии — мировой и отечественной, и одновременно раскрывает их различия. Главное в том, что между мировой и российской социологией имеется несовпадение ряда целей: с одной стороны, российская и постсоветская теоретическая социология — часть мировой, с другой стороны — она автономна и дифференцирована. Поэтому в постсоветской социологии существуют как собственно национальные теоретические концепции, например теория институциональных матриц С. Г. Кирдиной [4], теория «колеи» Н. С. Розова [5], так и теории, адаптированные к постсоветским реалиям трансформации с Запада: теория трансформации Т. И. Заславской и В. А. Ядова [6], теория парадоксального человека Ж. Т. Тощенко [7], теория стратификации О. И. Шкаратана [8] и др. Каждая из этих двух групп старается обеспечить читателю объяснение и понимание общественных процессов в России и постсоветском пространстве, только одни делают это в контексте мировых тенденций социального развития, а другие — оставаясь в рамках постсоветского пространства и национальной культуры и истории.

Постсоветская теоретическая российская социология в отношении к мировой социологии может быть охарактеризована как дисциплина, в которой существует значительное количество теорий и парадигм, являющихся по сути своей адаптацией, переложением на национальные культурно-исторические условия концепций и парадигм, созданных за пределами России (чаще всего западными социологами). В горячих спорах, имевших место в российской социологии в конце 1990 — начале 2000-х гг. между сторонниками «особой» национальной российской социологии, отражающей российский менталитет, и сторонниками включенности российской социологии в глобальные научные процессы, особенно в области теории, более убедительную аргументацию приводили «глобалисты». Так, российский теоретик Ю. Л. Качанов, соглашаясь с тезисом, что «социальные науки существуют в национальной форме», вместе с тем утверждал: «Становление национальной российской теории предполагает преемственность мировой социологии» [9, с. 100].

Еще более резкую «глобальную» позицию в отношении развития социологических теорий в России занял ее мэтр В. А. Ядов. По его мнению, следование в русле мировых теорий и парадигм вполне оправданно, ибо социология не может не развиваться вне национальной формы, но по содержанию она должна подниматься на уровень более общих объяснительных схем и подходов. В частности, Ядов приводит пример актуальных в последние десятилетия для России теорий трансформации общества. Адаптация теоретических концепций трансформации общества к российской почве, учет историко-культурных особенностей страны, находящейся на длительном этапе постсоветской трансформации, — с этим невозможно спорить, считает ученый. Однако, уточняет В. А. Ядов, речь идет именно о национальной специфике глобальных миросистемных изменений. Следовательно-

но, российская социология может создавать лишь «субтеории российской трансформации», опирающиеся на общую «грандтеорию» [10, с. 128].

В качестве паттернов, доказывающих справедливость собственного утверждения, Ядов ссылается на ряд российских социологов, которые успешно, по его оценке, применяют к российскому обществу общие парадигмы и теории, предлагая научному сообществу собственные субтеории в общем парадигмальном русле тех или иных глобальных социологических подходов.

Представляется, что мировая социология в последние десятилетия стала больше уделять внимания развитию локальных («местных») теорий в их тесной привязке к мировым тенденциям развития социологии. Не случайно на конгрессе Международной социологической ассоциации в Гетеборге (2010) была организована особая научная сессия «Формирование концептов и построение теорий с опорой на туземные интеллектуальные традиции», где докладчики призывали обогащать социологию именно за счет национальных теорий и научных традиций (под «туземными» в данном случае понимались любые традиции, сформированные за пределами социологии стран «Большой четверки»).

В целом В. А. Ядов довольно критично оценивает теоретические достижения мировой социологии последних десятилетий. По его мнению, с конца XX в. в мировой социологии не было создано ни одной новаторской макросоциологической теории. Создание ее — актуальная задача мирового уровня, в ее решение могут включаться и представители российской социологии. По другому поводу В. А. Ядов заметил, что «...если бы Россия выдвинула своего крупного макротеоретика, признанного как признают мирового чемпиона в спорте, это было бы огромным национальным достижением» [11, с. 19].

В то же время некоторые российские авторы полагают, что современные зарубежные концепции и парадигмы необходимо изучать прежде всего для того, чтобы посредством западного понятийного аппарата и объяснительных схем, примененных к постсоветской реальности, постараться понятным образом представить их западному читателю, не знакомому с российским (постсоветским в целом) менталитетом, культурой и историческими традициями. Так, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге О. В. Хархордин наглядно демонстрирует в своих работах, как можно применять к российской социологии и политической науке концепции П. Бурдьё, М. Фуко и других западных авторов [12]. Он полагает, что каждая из концепций может дать новое знание о российской трансформации читателю, воспитанному именно на западных парадигмах. По его мнению, использование этих концепций прежде всего и предназначено для того, чтобы наладить теоретическую коммуникацию постсоветских и западных социологов, используя концептуальное поле, понятное для американских, немецких и иных западных социальных ученых. Если же оставаться в собственном концептуальном поле, предлагать локальные объяснительные схемы для процессов постсоветского транзита, то, скорее всего, эта информация останется недоступной

либо просто будет отвергнута западными оппонентами. По этой причине, как утверждает С. Ю. Барсукова [13, с. 93], вообще невозможно ожидать, чтобы какие-либо теории российских авторов завоевали сегодня ведущие позиции в мировой общественной науке независимо от самих теорий.

Таким образом, ознакомление с новейшими западными парадигмами, их осмысление применительно к постсоветскому региону – возможный путь для более активного включения постсоветских ученых в мировой социологический поток, в коммуникацию.

Эта тема часто обсуждается на международных форумах, где участвуют ученые постсоветского региона. Например, на конгрессе Международного института социологии в Ереване (2009) на «круглом столе», посвященном этой теме, сошлись вместе ученые – выходцы из СССР, которых затем судьба развела по разным странам, но для которых будущее постсоветского пространства – это не просто исследовательское поле, но и предмет личного интереса. По мнению участника дискуссии Г. М. Дерлугьяна, американского ученого русско-армянского происхождения, главная целевая установка таких дискуссий – понять, каким образом можно добиться возврата социологии, развивающейся в бывших советских республиках, из периферии если не в центр, то по крайней мере в «поле видимости» в рамках мировой системы [14, с. 19].

Рассмотрим позицию Г. М. Дерлугьяна, который является учеником И. Валлерстайна и следует его мир-системному подходу в анализе социальных процессов – от глобальных до постсоветских [15]. Анализируя Россию в рамках парадигмы мир-системного подхода, Дерлугьян подчеркивает необходимость преодоления негативных аспектов советского наследия (тоталитарное мышление, всеислие государства, идеологизация публичной жизни и пр.) и осмысления уроков, извлеченных из прошлого. Он считает, что интеллектуальный потенциал России достаточен, чтобы страна могла занять достойное место не только в политике, но и социологии, т. е. преодолеть периферийность.

По-прежнему остается дискуссионной проблема, насколько удачны были российские экономические реформы. Один из самых известных на Западе российских социологов В. В. Волков на конкретных данных показал, что в постсоветской России развивался совсем не тот капитализм и не тот рынок, который мог бы сам породить необходимые новые институты и обеспечить эффективное развитие [16]. Уход государства из экономики обрек Россию на разгул «бандитского капитализма». По прошествии многих лет «дикого» рыночного развития, за который заплачена высокая человеческая цена, страна пришла к необходимости определенного государственного регулирования экономической сферы, строительства новых институтов. По мнению Волкова, когда в условиях экономического кризиса многие западные рыночные страны прибегают к протекционизму в развитии собственной экономики и даже не чураются использовать кейнсианские методы, если они помогают

удержать экономику «на плаву», российская трансформация «по западным образцам» была либо очень неумело проведенной, либо изначально обреченной на неудачу. Сегодня, когда российское государство кардинально изменило прежнюю стратегию и повернулось «лицом» к своему производителю в условиях очередного (на этот раз и политического, и экономического) кризиса, оказалось, что время упущено; и либо российская экономика будет обречена на периферийное существование в качестве сырьевого придатка Запада, либо она должна сделать рывок и перейти в новое качество.

Какие же общие глобальные парадигмы чаще всего используются российскими социологами и насколько успешно осуществляется их реконструкция с учетом культурных и исторических особенностей развития России? С учетом вышесказанного все многообразие современных российских теорий макросоциологического толка можно разделить на три группы: 1) ориентирующие на глобальные социологические парадигмы; 2) отстаивающие «особый путь» России и ее четкую зависимость от предшествующего развития; 3) желающие адаптировать западные теории к культурно-историческим реалиям России, т. е. сторонники субтеорий, связанных с западными метатеориями как частное с общим. На наш взгляд, независимо от степени, в какой российские авторы готовы заимствовать западные идеи и аргументы, результат этого заимствования (использования) не является культурной апроприацией — это вполне самостоятельное теоретизирование, в котором общность идей и концептов лишь подтверждает их значимость и научную ценность. В последующих главах будут рассмотрены некоторые российские концепции и парадигмы, представляющие собой определенную реконструкцию западных паттернов, адаптированных к современным социокультурным условиям России. Будучи эмпирически тесно связаны с российскими реалиями, они часто воспринимаются как сугубо российские и служат фундаментом для новых традиций в российских социологических исследованиях.

Социально-экономические и политические контуры современного мира после распада советской системы, несмотря на обилие имеющихся теоретических интерпретаций новой ситуации, остались не до конца проясненными. Очевидно, что любые предлагаемые социологические схемы и подходы — это всего лишь инструменты теоретического анализа, которые могут отбираться с учетом конкретных нужд постсоветской практики и использоваться более или менее адекватно, в зависимости от решаемых с их помощью задач и эффективности их освоения.

Библиографические ссылки

1. *Филлипов А. Ф.* О понятии «теоретическая социология» // Социол. журн. 1997. № 1/2.
2. *Александр Дж.* Локальный космополитизм // Социс. 2013. № 9.

3. *Зборовский Г. Е.* Теоретическая социология: QUO VADIS? // Социс. 2013. № 9.
4. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М. : ТЕИС, 2000.
5. *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011.
6. *Заславская Т. И., Ядов В. А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социол. журн. 2008. № 4.
7. *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
8. *Шкаратан О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012.
9. *Качанов Ю. Л.* К социологии социологической теории // Социс. 2001 № 1.
10. *Ядов В. А.* По поводу статьи А. И. Малинкина // Социс. 2006. № 8.
11. *Ядов В. А.* Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // Социс. 2008. № 4.
12. *Kharkhordin O.* Main Concepts of Russian Politics. Lanham : University Press of America, 2005.
13. *Барсукова С. Ю.* Российские неформальные практики: экспортный вариант // Экон. социология. 2008. Т. 9. № 3.
14. *Титаренко Л. Г.* Социология на перепутье (О 39-м конгрессе Международного института социологии) // Социс. 2010. № 3.
15. *Дерлугьян Г. М.* Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.
16. *Волков В. В.* Силовое предпринимательство. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2002.

6.2. РОССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ ТРАВМЫ

Самые известные современные российские теории социального развития – это те, которые ориентированы на глобальные парадигмы и метапарадигмы, первоначально появившиеся в зарубежной социологии. На их основе российские авторы разрабатывают оригинальные собственные теории (или парадигмы), логически и эмпирически «привязанные» к российским реалиям. Практическое преимущество работы с общемировыми теоретическими парадигмами состоит в том, что общий концептуальный подход облегчает профессиональное общение с социологами других стран и способствует приращению научного знания.

В рамках современной парадигмы социальных изменений как травмы, соединенной с «сильной культурной программой», разработанной для развития культуральной социологии, в 1990-е гг. сформировалась теория социальной (культурной) травмы П. Штомпки. Он употребляет термины «концепция» и «парадигма» по отношению к травме как синонимы [1, с. 6]. Эта парадигма была сконструирована польским социологом на основе теоретического осмысления драматических событий радикальных посткоммунистических трансформаций в Центральной и Восточной Европе [2], а затем

при последующих совместных исследованиях с Дж. Александером, Н. Смелсером, Р. Айерманом и другими социологами в Калифорнии была универсализована и распространена на многие другие процессы социального изменения [3]. Сходные идеи о травматических событиях в судьбе народа подробно анализировал также З. Бауман [4].

Парадигма травмы в интерпретации П. Штомпки часто привлекалась в России 1990-х гг. для интерпретации негативной реакции значительной части населения на радикальные социально-экономические перемены. Термин «травма» быстро «вписался» в постсоветский научный контекст и стал использоваться как понятийная рамка в анализе ряда ситуаций, требующих научного объяснения. Как считает Ж. Т. Тощенко, еще больше российских ученых использовали идеи парадигмы травмы, даже не употребляя сам термин. Так, Ж. Т. Тощенко называет экономистов О. Т. Богомолова, С. Ю. Глазьева, Р. С. Гринберга, политика Ю. А. Красина, социологов М. К. Горшкова, Ю. А. Леваду, А. А. Ослона, Н. Е. Покровского, В. А. Ядова, культурологов В. А. Межуева, О. Н. Смолина и др. [5, с. 19]. Если проанализировать труды ведущих социологов России, эмпирически исследующих социальные изменения по данным общероссийских опросов, можно убедиться, что парадигма травмы и сегодня остается актуальным конструктом в интерпретации реальных событий и их восприятию в общественном мнении россиян.

Покажем, как на теоретико-методологическом фундаменте парадигмы травмы были построены концепции парадоксального человека [6], кентавризма [7] и обобщающая их концепция фантомов [5], созданные Ж. Т. Тощенко. Развиваемая российским ученым «социология жизни» содержательно близка постмодернистским концепциям текучей современности З. Баумана, концепции симулякр Ж. Бодрийяра и культуральной социологии Дж. Александера. В книге «Фантомы российского общества» Ж. Т. Тощенко, ссылаясь на П. Штомпку, Дж. Александера и других зарубежных авторов, работающих в этой парадигме, пишет: «...автор дает характеристику общества как общества травмы...» [5, с. 10]. По мнению Ж. Т. Тощенко, концепция травмы как нельзя лучше подходит для объяснения того, что происходит в России: «Россия столкнулась с таким ее новым и специфическим поворотом, когда трактовка происходящих изменений в мире и в конкретных обществах в категориях травмы имеет огромный смысл с точки зрения объяснения сущности ее понимания и использования» [5, с. 49]. Тощенко не просто переносит парадигму травмы на российскую почву, он вводит в нее некоторые нюансы, изменения, которые сохраняют сущность парадигмы и одновременно соответствуют, с позиции автора, особенностям геополитического положения России как страны, соединяющей Запад и Восток. Так, Тощенко утверждает, что интерпретация происходящего посредством аппликации одного из двух известных в социальной науке путей развития, эволюции и революции, тем более их противопоставления, не адекватны приме-

нительно к России: «На наш взгляд, происходит ни то, ни другое. Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки. На наш взгляд, развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками сочетать путь, по которому идет “европейская цивилизация”, но с учетом особой евразийской ориентации» [5, с. 50]. Именно ситуация травмы, по мнению Тощенко, «породила также многочисленные необычные феномены, как парадоксальность, кентавризм, различные формы этнократии, теократии и другие фантомы» [5, с. 50]. Ж. Т. Тощенко определяет современную российскую ситуацию как травму и антиномию, приводя следующие аргументы: 1) в то время как российское общество объективно созрело для глубинных изменений, в нем имела место «абсолютизация или превалирование идей одних социальных групп над другими», т. е. игнорирование существующих взаимоисключающих взглядов на будущее страны и способы его достижения, противоречия между сторонниками и противниками либерализма; 2) разрыв между широкообещательными обещаниями политических элит и реальной жизнью миллионов людей; 3) манипулирование общественным сознанием, осуществленная властью имущими «группами давления» [8, с. 46]. Все это, по мнению автора, способствовало превращению травмы и антиномии в характерные черты общественного сознания и поведения всего населения постсоветской России.

Прежде чем раскрыть сущность теорий Ж. Т. Тощенко, кратко отметим основные положения парадигмы травмы в изложении П. Штомпки, который считал ее наиболее адекватной для теоретизирования по поводу социального развития конца XX в. [1, с. 6].

П. Штомпка указывал, что в процессе быстро осуществляемого социального изменения или радикальной трансформации общества могут иметь место непредсказуемые следствия, так как коллективный агент действия остается под влиянием предыдущих культурных и социальных изменений, ограничен в своих структурных и культурных ресурсах, а сами социальные изменения имеют разную скорость протекания, темп и ритм в различных сферах общества, причем сфера культуры оказывается самой инерционной. Возникает ситуация, метафорически описанная Штомпкой как травма, когда социальное становление нового приносит многие негативные и непредвиденные следствия, а коллективный агент не может с ними совладать. Травму могут вызвать кризисы, радикальные экономические реформы, акты терроризма, оккупация территории, проигранная война и множество других негативных событий и процессов [1, с. 9]. Травма одновременно и объективна, и субъективна. Чтобы событие получило статус травмы, необходимо его коллективное осознание как травмы. Это происходит, когда общественное сознание оцени-

вает то или иное событие как травму. Социальное событие культурно интерпретируется таким образом, и это приносит в общество множественную аномию, подрывает у граждан само понимание «нормальности», вследствие чего социальная жизнь становится неупорядоченной, неустойчивой. Культурные травмы по-разному влияют на социальные группы. Такая травма, как распад советской системы, стала всеобщей для большинства населения бывших социалистических стран, хотя и здесь не все группы общества отреагировали на нее одинаково. Штомпка утверждает, что в Центральной и Восточной Европе были группы, которые встретили травматические события распада системы социализма с радостью и надеждами, а другие — с отчаянием [1, с. 13]. Поведенческие стратегии по совладанию этих групп с травмой были различными и не всегда приносили успех. Так, в постсоветской Польше, как пишет Штомпка, резко противостояли друг другу культурные дискурсы реального социализма и зарождающегося капитализма, которые и определяли поведенческие стратегии их носителей [2, с. 5].

Поскольку в каждой стране Центральной и Восточной Европы существовали свои «альтернативные культурные комплексы», адаптация к травмирующим процессам переходного периода проходила везде по-разному. Если Польша имела специфическое культурное наследие прошлого, способствовавшее адаптации в процессе радикальной трансформации (католичество, национализм, фетишизация Запада), то в России и ряде других постсоветских стран таких культурных условий не было, что сделало травму чрезвычайно болезненной. Однако и в Польше радикальные травматические реформы породили ряд синдромов (недоверия, ностальгии, апатии и т. п.), которые преодолевались годами. По мнению Штомпки, их преодолению способствовал подъем польской экономики, устранение аномии, рост капитала и др. Однако только при полном исчезновении «культурного наследия прошлого», по мнению социолога, «можно ждать прочного излечения посткоммунистической травмы», что обычно происходит после смены поколений [2, с. 11].

Как свидетельствуют работы Тощенко, в российских условиях процесс преодоления травмы сильно затянулся, так как культурное наследие российского (включая советское) прошлого оказалось очень влиятельным, доверие к власти полностью не восстановилось, а процессы социально-экономического роста в стране оказались во многом имитационными. Значительная часть россиян и сейчас находится в состоянии апатии, безразличия к происходящему, поскольку она не имеет рычагов влияния на власть и не доверяет ей. Этот вывод полностью соответствует концепции Штомпки, полагавшего, что результатом культурной травмы может быть как разрушение культуры, так и культурная реконструкция (в зависимости от уровня адаптации к травме и других условий). С этой точки зрения нельзя не согласиться с Тощенко: состояние травмы, связанное с распадом СССР, затянулось в России и способствовало появлению многих уродливых социальных и культурных форм. Вслед за Штомпкой, определяя травмы как двойственный феномен, Тощенко

указывает, что современное российское общественное сознание становится показателем крайне противоречивых изменений во всех сферах общественной жизни — как объективных, так и субъективных [5, с. 14]. Тощенко считает, что острые противоречия стали наглядно проявляться в 1990-е гг., после вступления России в рыночную экономику, которое усугубило процессы деформации общественной жизни, породило новые расколы общественного сознания, сделав антиномичность и травмированность «характерными чертами общественного сознания всего населения постсоветской России» [5, с. 17].

Следуя в русле разработанной Штомпкой методологии изучения травмы, Тощенко пишет, что при анализе российской травмированности исследователь должен уделять значительное внимание «коллективному агентству — активной, движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», поскольку коллективные агенты имеют доступ к различным культурным и структурным ресурсам, а следовательно, существенно влияют на ход и результаты проходящих реформ [5, с. 18]. Российский коллективный агент оказался не столько креативным, сколько имитационным, поэтому и результаты его деятельности, скорее, имитируют изменения социальных институтов, процессов, нежели их реальную трансформацию, и провоцируют на имитационную деятельность другие слои населения. Подобные имитации стали всеохватывающими, хотя они не являются специфичными только для России: «Одной из характерных и специфических особенностей современной общественной жизни в мире, в том числе и в России, стали процессы, которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях — имитацией на всех уровнях организации общественной жизни» [5, с. 314]. Российский социолог называет эти феномены гипертрофированной имитацией: «имитация во все большей мере пронизывает буквально все сферы жизни общества — и политику, и экономику, и культуру, и социальную жизнь. То есть происходит чудовищный, гигантский по своим масштабам процесс...», который западные исследователи назвали симулякром (Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр), текучей современностью (З. Бауман), перформансом (Дж. Александер) и др. [5, с. 314–315]. Тощенко определяет его как парадоксальность и кентавризм. Он дает такую интерпретацию имитации: это «подделка, правдоподобие, причем нередко (но не только) умышленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдодеятельности» [5, с. 315]. Поскольку исходной базой имитации, по его мнению, является «отсутствие четко очерченной стратегической цели в развитии общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов» [5, с. 316], широкое распространение имитации свидетельствует о том, что страна развивается в неизвестном направлении. Каждый коллективный и индивидуальный агент, имеющий власть, имитирует управленческую деятельность на благо страны, на самом деле реализуя свои собственные интересы.

Итак, российскому обществу была нанесена травма, так как в процессе реформ ожидания значительных слоев общества не оправдались. В подтверждение этого вывода Ж. Т. Тощенко приводит данные собственных ис-

следований, а также под руководством М. К. Горшкова, В. Э. Бойкова и др. В результате разочарования власть утратила доверие народа, потеряла легитимность в его глазах. Ухудшилось социальное самочувствие и социальное благополучие масс. Вполне закономерен итог: население не знает, куда идет Россия, а власть не знает, куда его вести.

Истоки процессов травматизации и деформации общества как основы формирования «общества травмы» были заложены, по мнению автора, еще в эпоху перестройки. Уже тогда общество поляризовалось: одна часть стала выступать за либеральный путь развития страны, другая хотела лишь улучшения старого. Эта же дилемма, только видоизмененная, сохраняется и сегодня, причем противоречивые суждения и ориентации могут иметь место у одних и тех же людей и групп общества. Такая неопределенность, вызванная кардинальными социально-экономическими и политическими сдвигами в обществе, и послужила основой для возникновения специфических социальных феноменов, получивших у Ж. Т. Тощенко наименование парадоксов, кентавризмов и т. п. Они могли существовать в латентном виде и в условиях стабильного советского общества, но получили мощный толчок к развитию в период краха СССР и кризисного российского развития в 1990-е гг. «Действие этих феноменов часто ведет к потрясениям, изменениям в судьбах миллионов людей, деформирует общественное сознание, порождает деструктивные последствия. Это наглядно продемонстрировала постсоветская Россия, породив множество таких образований, которые, казалось, выпадают из логики общественного развития» [5, с. 655].

Первоначально Ж. Т. Тощенко отразил свое понимание новых реалий в концепции парадоксального человека [6]. Автор детально проанализировал данный феномен и показал, что общественное сознание и поведение не только расколото, раздроблено, но и зачастую парадоксально. Тощенко представил парадоксального человека как социально-антропологический тип личности, который раскрывает имплицитную суть происходящих в российском обществе 1990-х гг. процессов. В общественном сознании России широко распространились взаимоисключающие ориентации, противостоящие друг другу. Тощенко считает, что опасность и специфика такой ситуации в том, что и общество в целом, и составляющие его социальные группы и слои, и, наконец, человек как личность парадоксальны, т. е. они представляют собой уникальные противоречивые феномены. Эти феномены, по мнению автора, во многом служат олицетворением сегодняшнего облика России. Опасность данного феномена (парадоксального человека) заключается в том, что отдельный человек может одновременно интериоризировать противоположные ценности как свои жизненные ориентиры, доверять взаимоисключающим утверждениям, в результате чего он потеряет четкие жизненные ориентиры, станет жертвой манипулирования сознанием и поведением. Он не сможет самостоятельно ставить и целенаправленно достигать определенных целей, так как его ценности будут его ориентировать в разных направлениях.

Ж. Т. Тощенко убедительно показал, что в постсоветском обществе плюрализация становится первостепенной характеристикой сознания и поведения населения. Такая ситуация означает, что общество не может успешно продвигаться в каком-либо одном конкретном направлении. По мнению Тощенко, постсоветский человек – прибежище многих парадоксов, свидетельствующих о его «переходной» природе, и остается лишь гадать, как скоро этот «парадоксальный человек», сформировавшийся на постсоветском пространстве, сможет стать «нормальным», т. е. сделает окончательный выбор либо в пользу прежних ценностей, превратившись в открытого сторонника и защитника идеалов социализма, либо избавится от старых социалистических иллюзий и сознательно примет позицию реальной рыночной демократии, со всеми ее противоречивыми возможностями и «рисками».

Следующей концепцией Ж. Т. Тощенко стала теория кентавризмов [7]. Ученый выявил эти феномены в процессе анализа парадоксальности сознания и поведения в постсоветской России. По мнению автора, кентавризмы возникают тогда, когда происходящие процессы и действия людей могут быть описаны как «сочетание несочетаемого», «совмещение несовместимого» [7, с. 441]. На основе анализа реальной социальной практики, результатов многих крупных социологических исследований автором была объяснена реальность одновременного существования в России взаимоисключающих начал, возможность их познания и целенаправленного на них воздействия. Исследуя эти формально логически несовместимые ориентации в сознании и поведении людей, в деятельности организаций, институтов, социальных общностей, автор пришел к выводу, что «кентавр-проблема – особая форма противоречия, особое проявление парадоксов», имеющая специфические, уникальные черты. Ж. Т. Тощенко скрупулезно исследовал гносеологические корни кентавризма, показал его социальную сущность, экономические и политические формы проявления на российском пространстве. Он также провел подробный анализ социальных проявлений «кентавр-проблем», механизмов их распространения в обществе. Благодаря этому ему удастся создать весьма содержательную в социологическом плане картину многообразных внутренне противоречивых, несовместимых между собой феноменов общества. Погруженность в широкое эмпирическое поле привела автора к выводу о необходимости создания новой теории для осмысления современной российской реальности, к отказу от «устаревших схем» [7, с. 6]. Поэтому «теорию кентавризмов» Тощенко можно считать концепцией, сконструированной для осмысления постсоветской современности с методологических позиций, известных по концепциям общества риска У. Бека, позднего модерна Э. Гидденса, текучей современности З. Баумана, теории симулякров Ж. Бодрийяра. Здесь теория травмы не упоминается, хотя российская реальность описывается как деформированная и травмированная происходящими в ней радикальными изменениями. Вывод Ж. Т. Тощенко о наличии в реальности современного общества неразрешимых социальных и гносеологических проблем сближает его позицию с авторами, развивающими

ми в западной теоретической социологии проблемы модерна, также подчеркивающих неизбежность наличия в современном обществе внутренне неразрешимых проблем. И все же картина кентавризмов у Ж. Т. Тощенко осталась незавершенной в теоретическом отношении. Требовался переход от анализа парадоксальности и кентавризмов на более высокий уровень обобщения. Так Тощенко подошел к своей теории феноменов, которая по сути дела является постмодернистской версией российской теории травмы.

Фантомы в представлении автора являются особым вариантом парадоксальности и кентавризма, в котором сочетаются различные противоречивые тенденции. В конечном счете они «образуют реально функционирующие типы личности, не замечающие этого противоречия, а также социальные процессы и даже уникальные случаи их существования, которые автор называет социальными протуберанцами...» [5, с. 657]. Поскольку феномен «фантомы» не получил пока должного философско-социологического анализа в российской литературе, это побудило автора разобраться в данном уникальном явлении. Поэтому Тощенко уверен в существовании социологической методологии и методики исследования данного феноменального явления, позволяющей «сосредоточиться на его социальных предпосылках, истоках, причинах и логике познания этих процессов» [5, с. 658].

Концепция фантомов Ж. Т. Тощенко имеет научную новизну по сравнению с его прежними работами. По его мнению, новизна проявляется в анализе глубинных причин, которые порождают фантомы, с позиций парадигмы травмы, и которые ранее не замечались либо игнорировались другими авторами. Такой подход позволяет квалифицировать современную российскую ситуацию не как революцию или эволюцию, а как травмирующую, в соответствии с интерпретацией сходных ситуаций П. Штомпкой. «Ситуация социальной травмы дает основание считать, что в недрах общества происходят процессы, имеющие под собой другие основания, нежели процессы революции или эволюции. Если эволюционный и революционный пути преобразования общества исследованы сравнительно полно, то общество травмы или травмированное общество остается мало изученным, и потому во многом неопределенным и неясным» [5, с. 658]. Только в «травмированном обществе», утверждает Ж. Т. Тощенко, могли появиться фантомы и фантомные личности как «генеральная тенденция» развития. Поэтому к российскому обществу надо подходить именно с этих научных позиций.

Особую значимость приобретает включение в этот анализ понятия «текущая современность», которое, по мнению З. Баумана, дает возможность взглянуть на глубинные процессы современного развития так, что вывод о влиянии фантомов на повседневную практику приобретает принципиально новые очертания [5, с. 659]. Широкое использование автором метафор, художественных образов также является типичным для теоретизирования в эпоху постмодерна и еще больше сближает концептуальный подход Тощенко с подходами Баумана, Урри, Бодрийяра и других западных авторов.

Библиографические ссылки

1. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1.
2. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. 2001. № 2.
3. *Cultural Trauma and Collective Identity / J. Alexander [et al.]. Berkeley : University of California Press, 2004.*
4. *Vauman Z.* Modernity and The Holocaust. Ithaca : Cornell University Press, 1989.
5. *Тощенко Ж. Т.* Фантомы российского общества. М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2015.
6. *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М. : Гардарики, 2001.
7. *Тощенко Ж. Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М. : Новый хронограф, 2011.
8. *Тощенко Ж. Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4.

6.3. ТЕОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Проблематика социальных трансформаций, многократно обсуждаемая в научных социологических публикациях, сохраняет свою сложность и многозначность. Это относится в целом к трансформационным теориям, в частности к проблеме их использования для объяснения или интерпретации происходящих изменений в постсоветском регионе, в первую очередь в России. Выбранная российскими социологами западная теоретическая рамка для анализа постсоветской трансформации общества позволяет подняться над описательным уровнем работы с эмпирическими данными, сравнить трансформирующиеся общества в динамике по общим критериям, учесть специфику каждого общества и сохранить их интерпретацию в рамках единой парадигмы.

Концептуализация социально-экономических, политических и культурных изменений в российском обществе возможна лишь на основе адекватной теоретической интерпретации трансформации постсоветского общества. Поэтому трансформационные теории и парадигмы, заимствованные из мировой социологии или другой социальной дисциплины, при переносе на другой социальный контекст нуждаются в критическом анализе, предварительном переосмыслении с учетом региональных и культурных особенностей, при соответствии критериям научности и эвристического потенциала, изначально имеющегося у данной парадигмы.

Реконструкция и реконцептуализация существующих западных парадигм должна связать трансформационную активность субъекта (субъектов) с ценностными сдвигами в своем обществе и помочь выявить тенденции будущего развития этого общества. Отличительной особенностью выбора

теорий для анализа постсоветской трансформации можно считать то, что практически все авторы сегодня рассматривают культуру общества как автономную детерминанту его изменения, а не связывают напрямую развитие культуры с уровнем развития экономики. Это означает отказ от признания жесткой детерминации развития общества экономическими интересами, от признания заданности развития культуры по «функциональным требованиям системы». Хотя все изменения происходят системно, все компоненты общественной жизни связаны друг с другом, сама системность может не проявляться и не фиксироваться длительное историческое время. Процессы трансформации, если взять их исторические примеры, могут длиться десятилетия и столетия. На отдельных этапах на первый план могут выходить разные детерминанты (сильная политическая власть, вплоть до диктатуры, может на время обеспечить экономическое процветание общества, как и научные инновации). В западных теориях трансформации ценности общества комбинируются и на первый план выдвигаются те или иные отдельные или доминирующие группы. Так, в ряде теорий трансформации конца XX в. акцент делался на отдельных ценностях политики, экономики [1; 2], в современных теориях – на агрегированных ценностях [3].

Все многообразие теорий трансформации общества В. А. Ядов подразделяет на три макропарадигмы, каждая из которых дает свой ответ на проблему развития общества [4]. В о - п е р в ы х, это активистский подход, акцентирующий роль пускового механизма объяснений посредством агентов действия. К этому подходу относится теория трансформации российского общества В. А. Ядова и Т. И. Заславской, а в мировой социологии – теории М. Арчер, Дж. Александера, А. Турена. В о - в т о р ы х, это парадигма зависимости от прошлого (path dependence), ставящая акцент на национальных особенностях страны, очень популярной в России, и представлена работами А. Аузана, С. Кирдиной, Н. Розова и др. В - т р е т ь и х, это мир-системный подход И. Валлерстайна, в рамках которого развитие страны рассматривается сквозь призму мировой системы.

Российские теории трансформации общества развиваются в русле указанных общемировых теоретических конструкций. Однако даже следуя общемировым парадигмам, российские ученые вводят в них разные добавочные критерии, учитывают национальную специфику. Так, В. А. Ядов считает необходимым принять во внимание особенности социальных институтов и культуры России, менталитет российских граждан, а также включение России (как и других постсоветских стран) в компаративные межкультурные межстрановые исследования для эмпирической верификации теории. По его мнению, для России важны такие исследования и с Западом, и с Востоком (Азией). В. Ядов и Е. Данилова в предисловии к работе по первому крупномасштабному совместному российско-китайскому исследованию, проведенному в Санкт-Петербурге и Шанхае, пишут: «Дебаты, кото-

рые ведутся о путях трансформации в России, странах Восточной Европы и Китае, обращают внимание на вопрос о различных вариантах капитализма в трансформирующихся странах» [5].

Одной из широко известных теорий трансформации общества в условиях глобальных изменений, в рамках которой рассматривался и крах советского общества, была теория В. А. Ядова и Т. И. Заславской [6]. Теория многократно излагалась авторами в научной литературе, получила широкое отражение в исследованиях на постсоветском пространстве. Социологи предложили объяснительный подход к развитию России, опираясь на понятийный аппарат ряда западных парадигм. В данной теории используются положения мир-системного подхода И. Валлерстайна, теория множества модернов Ш. Айзенштадта и теории других авторов. В определенном смысле она вписывается в русло теорий модернизации, выдвигая в качестве главного критерия модернизационного процесса «возрастание способностей к социальным преобразованиям с целью повышения конкурентоспособности в макросистеме» [6, с. 10]. Авторы определяют общий вектор развития человеческой цивилизации, расширение степеней свободы человеческой деятельности, на который должна ориентироваться в своем трансформационном развитии и Россия. Эта теория рассматривает трансформационные процессы (социальные изменения), происходящие на макро- и микроуровнях в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Определяя современное глобальное общество как неустойчивое образование экономического, политического и культурного полей, авторы подчеркивают, что взаимодействия между полями различны: если экономика и политика стран фрагментирует систему, транснациональные корпорации навязывают ей свои правила игры, то поле культуры остается глобальным, т. е. в нем есть устойчивое ядро цивилизационных и национальных культур и неустойчивая периферия.

Специфика данной теории состоит в том, что она дает анализ социально-экономических, политических макропроцессов, изменений жизненных практик индивидов с учетом национальных особенностей страны. Авторы определяют эту специфику как «национальный стиль модернизации в мир-системе»: не только страна, но и ее граждане несут отпечаток этой специфики, способной увеличить конкурентоспособность страны или понизить ее. Современные трансформационные процессы в интерпретации авторов протекают в трехмерном социетальном пространстве, осями которого служат уровень человеческого потенциала общества, легитимность и динамизм социально-групповой структуры, эффективность институциональной системы [6, с. 13]. На основе этих осей авторы дают подробную характеристику современной России в этих координатах, что позволяет произвести операционализацию выделенных характеристик социетального развития и затем использовать их в эмпирических исследованиях. Исходя из полученных данных сделан вывод, что «социетальную трансформацию обще-

ства еще рано считать завершенной» [6, с. 19]: Т. И. Заславская разработала собственный механизм трансформации посткоммунистических обществ, используемый как методологический ориентир в исследованиях не только России, но и других постсоветских стран.

Рассмотрим теории авторов, работающих в рамках теории зависимости и разделяющих взгляды об «особом пути» России.

Новосибирский философ и социолог Н. С. Розов предложил объяснительную концепцию российской трансформации, разработанную с учетом истории страны и содержательно укладывающуюся в западную парадигму зависимости от прошлого в ее современном прочтении [7, р. 507–548]. Идея, лежащая в основе этой теории, применительно к развитию России означает, что эта страна будет стараться постоянно использовать практики, сложившиеся на основании ее прежнего опыта, доминировавшие в ней ранее, выработанные в процессе исторического развития. Даже если предлагаемые новые модели экономического или политического развития более эффективны, они вряд ли будут восприняты в России, потому что людям всегда легче следовать привычной рутине, традиции, нежели заменять их новыми.

Многие социологи считают, что именно в рамках парадигмы «зависимости от прежнего пути» можно объяснить запаздывающее развитие бывших колоний Азии, Африки, Латинской Америки, а с конца XX в. и стран бывшего СССР. Ключевой тезис парадигмы — история имеет значение («history matters»). Он означает, что прежние структуры, формы, нормы могут довлеть над современностью и даже предопределять современное развитие — в культуре, экономике, политике и т. д.

Н. С. Розов, анализируя кризисное состояние России, приходит к выводу, что по аналогии с прежними историческими этапами ее развития можно ожидать дальнейшего усиления авторитаризма, а не развития в обществе либеральной демократии. Однако это обстоятельство не позволяет стать России страной третьего мира. Ее геополитическое место в мире зависит от геостратегической самоидентификации доминирующей элиты. По мнению автора, цикличность российской политической истории (отсутствие традиций демократического обсуждения проблем, неразвитое гражданское общество) способствует тому, что население предпочитает иметь сильную государственную вертикаль власти. Для изменения ситуации нужны многие условия, главные из которых — ответственность политических элит за страну, их публичная политическая конкуренция и одновременно отказ населения от государственного патернализма. В настоящее время, по мнению Розова, данные условия не созданы [8].

Другой пример успешного использования этой парадигмы на российской почве — теория институциональных матриц, созданная экономистом и социологом С. Г. Кирдиной. Теория разрабатывалась на протяжении длительного времени; на автора оказали влияние концепция path dependence Карла Поланьи, теория трансформации общества Т. И. Заславской и культу-

рологический подход к обществу А. С. Ахиезера. В настоящее время теория институциональных матриц прочно вошла в российский научный трансформационный дискурс, в вузовские программы, хорошо известна в постсоветском зарубежье. Институциональная матрица определяется автором как «исторически сложившийся устойчивый триплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных подсистем: экономики, политики и идеологии» [9]. Сами базовые институты «представляют собой исторические инварианты, позволяющие обществу выживать, развиваться и сохранять самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов» [10, с. 15].

С. Г. Кирдина выделяет две главные матрицы, противостоящие друг другу по всем трем основным критериям. X-матрица аккумулирует базовые институты централизованной экономики и политики, подчинения индивида идеологии государства, тогда как Y-матрица является ее противоположностью. Исторический процесс развития сквозь призму теории матриц объясняется тем, что базовые институты, сохраняя присущее им содержание, проявляют себя в разнообразных исторически меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и культурным контекстом конкретных обществ. По теории Кирдиной, каждое общество имеет свою доминирующую в его истории матрицу и повторяет ее в разных вариациях. Изменение доминирующей матрицы, по ее мнению, очень затруднительно. Россия исторически развивается по доминирующей схеме X-матрицы, отсюда вытекает инертность и сложности внедрения в России рыночных процессов, либеральной демократии и т. п. Хотя матрица и совмещает три критерия, охватывает три сферы деятельности, но решающую роль в формировании институциональных матриц играет материально-экономический компонент, материально-технологическая среда. Социокультурные ценности не могут развиваться вне доминирующей матрицы. Кирдина полагает, что именно изменившиеся условия воспроизводства в планетарном масштабе (осознание пределов роста ресурсов, экологические ограничения, рост взаимозависимости национальных экономик) приводят к необходимости замены мирового институционального порядка. Согласно теории Кирдиной в глобальной экономике постепенно начнут занимать важное место страны с доминированием X-матрицы, в том числе Россия: они якобы лучше приспособлены к особенностям современной глобальной материально-технологической среды.

В последние годы теория институциональных матриц используется для анализа динамики транзитивных обществ в качестве альтернативы западным теориям модернизации и глобализации. На ее основе делаются прогнозы институциональной динамики современного российского общества. Тем не менее, характеризуя теорию институциональных матриц, отметим, что ее «слабыми местами» являются недостаточная квантификация для использования в прикладных исследованиях, низкая эмпирическая доказательность

ряда высказанных гипотез, что затрудняет практическое применение теории в управленческой практике и еще более — в применении к объяснению ценностно-нормативных изменений в постсоветских обществах.

Еще одна теория постсоветской трансформации, сконструированная на основе западных объяснительных схем развития общества и получившая известность на постсоветском пространстве с конца 1990-х гг., — патримониализм. Один из ее сторонников А. А. Фисун полагает, что проблемы власти на постсоветском пространстве нельзя анализировать в рамках альтернативы «авторитаризм — демократия». Траектория постсоветских трансформаций лучше всего характеризуется в терминах концепции неопатримониализма М. Вебера. Опираясь на эту концепцию, А. А. Фисун утверждает, что в постсоветских странах возродились архаичные отношения, которые лишь маскируются демократическим фасадом. Политические отношения развиваются по логике приватизации государственной власти той или иной элитой. Автор помещает этот тип отношений между феодализмом и капитализмом. Он также убежден, что западная транзитология на постсоветском пространстве не работает, тогда как концепция неопатримониализма, дополненная идеями становления европейских государств, предложенными американским социологом Чарльзом Тилли, хорошо объясняет «цветные революции» и альтернативный путь «силовой рационализации» «сверху» под лозунгами порядка и стабилизации [11].

Концепция неопатримониализма базируется не только на реконцептуализации классической теории М. Вебера, но и на переосмыслении современной парадигмы исторической социологии, представленной работами Чарльза Тилли [12–14]. Отбор подходящих концепций и парадигм зарубежных авторов, их переосмысление и приложение к постсоветской реальности позволили сконструировать, используя термин Ядова, постсоветскую субтеорию патримониализма в более общих рамках глобальных социологических парадигм. При анализе российского патримониализма акцент делается на преемственности современных постсоветских трансформаций с прежними типами клиент-патронских отношений, не позволяющих достичь разделения сфер экономики и политики, осуществлять демократические процедуры в институтах власти и прозрачность в бизнесе. При этом отмечается не только теоретическая зависимость теорий постсоветского патримониализма от Веберовской концепции; но и его широкая распространенность в странах с переходной экономикой. Как отмечает А. Васильева, патримониализм является типичной особенностью развивающихся экономик стран БРИК, и «он оказывает ключевое влияние на траекторию развития российского капитализма» [15].

Современные авторы опираются на основные положения теории М. Вебера. Согласно его теории патримониализм означает тип общественно-политических отношений, где власть и бизнес тесно связаны друг с другом таким образом, что границы между ними размываются, неформальные «пра-

вила игры» не совпадают с формальными. В таком обществе господствуют партикулярные ценности и частные интересы, процветает коррупция на всех уровнях общественной жизни. В СССР, а позднее в России и постсоветских государствах иерархические клиент-патронские отношения в разных формах никогда не исчезали, хотя формально не определялись как таковые. Ключевым аспектом постсоветского патримониализма, наиболее важным для понимания российского капитализма, как подчеркивают современные его критики, является феномен власти-собственности. Власть-собственность как система фактических должностных правомочий чиновников основана не на законе, а на лояльности. В основе принципа власти-собственности находится извлечение частной выгоды из бюрократического контроля над продуктивными ресурсами при помощи властных полномочий, которые дает чиновникам позиция в государственном аппарате. Слияние власти и собственности было особенностью советской политико-экономической системы, сохранившейся и в постсоветское время, когда номенклатура, обладавшая властью, сумела превратить свои неформальные полномочия по обладанию собственностью в легитимные. В начале XXI в. преемственность патримониализма только возросла: в оборот торга была включена уже не только частная, но и государственная собственность.

По данным статистики, несмотря на официально пропагандируемый курс на модернизацию и диверсификацию экономики, техническая инфраструктура и промышленное оборудование в России изношены, экономика страдает от хронического недофинансирования и теряет конкурентоспособность. Бизнес подчиняется государственным интересам, а государство зачастую руководствуется частными интересами. Как пишет об этой практике В. В. Волков, российские чиновники используют авторитет, привилегированный доступ к информации и насильственный потенциал своих учреждений для частного обогащения [16]. Таким образом, олигархическая модель отношений власти и бизнеса по патримониальному типу в России сохраняется, что, по мнению ряда авторов, затрудняет ее возможности перехода к либеральной модели капитализма [15]. Однако этот вывод не закрывает других траекторий развития, так как речь идет о моделях типов капитализма (патримониальный, либеральный и др.), а в реальной жизни можно найти элементы каждого типа.

В заключение отметим, что, несмотря на обилие теорий трансформации, развиваемых российскими авторами самостоятельно либо с помощью опоры на западные модели развития, остался открытым главный вопрос — прошла ли уже страна период трансформации, т. е. радикального преобразования основных сфер жизни общества, и если да, то какое общество пришло на смену советскому? Между теориями и реальностью всегда имеется разрыв, но по многим показателям можно определить, куда же идет общество в своем развитии.

Ответов на этот вопрос много, в том числе в указанных выше теориях. Еще в начале XXI в. было очевидно, что трансформация в посткоммунисти-

ческих странах Центральной Европы создала иные модели общества, нежели те, что существуют в Западной Европе. Недавно на основе анализа огромного объема данных исследований WVS было доказано, что устойчивая демократия и экономический прогресс (т. е. желаемые результаты трансформации) не могут быть достигнуты без наличия «третьего фактора» — социально-культурного уровня развития конкретной страны [17]. Без определенного культурного уровня развития в широком его понимании демократия может привести к авторитаризму, а рыночная экономика попасть под жесткий контроль.

Приведем точку зрения Майкла Буравого — человека, лично проводившего в России социологические исследования, часто приезжающего в эту страну и искренне желающего ее процветания. Критически оглядываясь на годы российских экономических реформ, он с горечью констатирует: «Мессии-реформаторы постсоветского транзита — русские и западные — считали экономику социализма столь обреченной, неэффективной и устарелой, что уверовали в рынки: они одни несут экономическое улучшение. Но все стало хуже» [18, с. 3]. Даже если допустить, что за последние годы ситуация изменилась, как и позиция Буравого, показатели экономического развития страны также свидетельствуют о том, что трансформация институтов не закончена, базовые ценности населения не стали сугубо рыночными и что социальное неравенство резко выросло. Потребительский уровень страны вырос, но она полностью стала зависимой от мировой торговли, превратившись в сырьевой придаток для развитых западных стран. «Великой трансформации» в России не случилось. Историческая специфика этой страны требует, по мнению Буравого, применения к ней стратегий трансформации, альтернативных по отношению к неолиберальному Западу. Примером эффективно выбранной своей стратегии «перехода» служит Китай, осуществивший экономические реформы и сохранивший сильное государство. Возможно, России понадобится еще долгий срок для настоящего осуществления трансформации к обществу, о котором мечтало ее население.

Библиографические ссылки

1. *Stark D., Bruszt L.* Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
2. *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy.* 2002. Vol. 13, № 1.
3. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.
4. *Ядов В. А.* К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. URL: http://www.isras.ru/blog_modern_1.html (дата обращения: 13.02.2013).
5. Россияне и китайцы в эпоху перемен: Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / под общ. ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, Пан Давэя. М. : Логос, 2012.

6. *Заславская Т. И., Ядов В. А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социол. журн. 2008. № 4.
7. *Mahoney J.* Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29, № 4.
8. *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011.
9. *Курдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М. : Теис, 2000.
10. *Курдина С. Г.* Институциональные матрицы. Макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социс. 2001. № 2. С. 15.
11. *Фисун А. А.* Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков : Константа, 2006.
12. *Tilly C.* Roads from Past to Future. Lanham : Rowman & Littlefield, 1997.
13. *Tilly C.* Identities, Boundaries & Social Ties. Boulder ; L. : Paradigm Publishers, 2005.
14. *Tilly C.* Regimes and Repertoires. Chicago : The University of Chicago Press, 2006.
15. *Васильева А. О.* Патримониализм как определяющий фактор развития российского капитализма // Неприкосновенный запас. 2013. № 4 (90). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/3v-pr.html> (дата обращения: 10.08.2014).
16. *Volkov V.* Hostile Enterprise Takeovers: Russia's Economy in 1998–2002 // *Review of Central and East European Law*. 2004. № 4.
17. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail. The Origin of Power, Prosperity and Poverty. N. Y. : Crown Publishers, 2012.
18. *Буравой М.* Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социс. 2009. № 9.

6.4. РОССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА РИСКА

О. Н. Яницкий был первым из российских социологов, кто попытался создать собственную социологию риска [1], опираясь главным образом на концепцию общества риска, разработанную У. Бемом [2], Э. Гидденсом [3] и Н. Луманом [4], на новую экологическую парадигму, созданную на Западе [5], и некоторые другие западные идеи. О. Яницкий пишет: «Я видел свою задачу во вторичном анализе и обобщении отечественного материала в изложенном (т. е. зарубежном) концептуальном контексте, критически осмысливая его с помощью встречного потока теоретических обобщений» [6, с. 19]. Российские социологи, ознакомившись с социологией риска О. Н. Яницкого, дали его работе высокую оценку [7]. Позднее появились другие российские теории риска, методологически связанные с западной парадигмой риска [8].

О. Н. Яницкий три года работал в международном исследовательском проекте по изучению экологических движений России под руководством французских социологов А. Турена и М. Веверка (1991–1994), благодаря чему он имел возможность тщательно изучить как зарубежный опыт, так и российские практики, прежде чем обобщил свои наработки в собственной

концепции социологии риска, а затем в экологической социологии и социологии социальных движений.

Социология риска О. Н. Яницкого базируется на российском эмпирическом материале, учитывая парадигмы риска и российские реалии постсоветского периода, чем прежде всего и отличается от западных трактовок общества риска. «Рискология» Яницкого неразрывно связана с его концепцией экологической социологии и концепцией социальных движений, поэтому ее можно рассматривать как пример творческой реконцептуализации западной парадигмы общества риска, в результате которой была создана парадигма не отдельной сферы социальной жизни, а новая картина современной российской реальности, рассмотренная под углом зрения рисков, а также экологии и массовых социальных движений.

Предложенная Яницким социология риска вмещает в себя множество аспектов рассмотрения современных рисков, понимаемых автором не как технические, вероятность которых можно рассчитать, а как социокультурное явление, как реально существующий факт или потенциальная угроза. В рамках социокультурного направления анализа рисков на Западе им были выделены три подхода: культурно-символический, развитый М. Дуглас и ее коллегами; теория «общества риска», представленная У. Бекем и Э. Гидденсом, и подход «калькулятивной рациональности», опирающийся на работы М. Фуко.

Анализируя западные подходы, российский автор справедливо выделяет также «две линии рискологических исследований — умеренную и радикальную. Сторонники умеренной полагают, что риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. Представители радикальной утверждают, что риск как таковой не существует. Есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир» [6, с. 4]. Сам автор склоняется к радикальной позиции. Согласно избранной им методологической установке, риск — это не побочный продукт человеческой деятельности и не результат «ошибки»: он регулярно и даже легитимно производится обществом или его отдельными группами. Человеческое общество по мере своего развития и все большей ориентации на массовое производство материальных благ сделало собственную культуру двойственной — не только созидательной, но и агрессивной, продуцирующей разрушения общества и природной среды. Таким образом, культура в современном обществе не обязательно гуманистична: она может быть как созидающей, так и разрушающей. Очевидно, такая трактовка предмета исследования парадигмы риска расширяет традиционное проблемное поле социологии, так как включает в сферу социологического анализа всю совокупность производимых благ и бедствий, действий и их последствий, решений и их результатов — как предсказуемых, так и непредвиденных.

Новое качество современного общества состоит в том, что теперь любое производство становится и производством рисков, которые имманентно присущи этому процессу. Именно поэтому (вслед за У. Беком) О. Яницкий называет современное общество «обществом риска» [6, с. 7].

Яницкий подробно рассматривает «новую экологическую парадигму», которая еще в 1980-е гг. позволила понять, что риски более не отделены от общества никакими барьерами: больше не существуют отдельно природа и общество, они соединились в единый сложный феномен. То, что раньше представлялось внешним фактором воздействия, — природа, — сегодня соединилось с обществом. Поэтому природные риски из внешних факторов превратились во внутренний, социоприродный фактор [5].

О. Н. Яницкий принимает и использует теоретический вывод У. Бека о том, что природа более не является *Другим* для человеческого общества: природа и общество едины. Отсюда с неизбежностью вытекает, что человечество поставлено лицом ко всем рискам, которые связаны с разрушением природы, что сами эти риски стали социальными. Данный тезис, по мнению О. Н. Яницкого, имеет огромное методологическое значение для исследования современного российского общества.

В изложении О. Н. Яницкого все социальные структуры и процессы понимаются как вероятностные. Это значит, что больше нельзя рассуждать о следовании общества «по пути прогресса» — прогресс в одном оборачивается регрессом общества в другом. Абсолютного блага тоже больше не существует — всегда есть цена достижения конкретного блага. Вероятностный подход означает, что возникающие в обществе проблемы не могут быть решены окончательно: любое их решение, даже хорошо просчитанное, может порождать новые риски и угрозы. Поэтому никакой социальный порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как абсолютно устойчивые и тем более как идеальные [1, с. 181]. Вслед за Н. Луманом автор постулирует так называемую вторичную нормальность рисков: это не несчастья, которых можно избежать, а неизбежное следствие вполне «нормальной» жизни, «нормального» функционирования его институтов. Поэтому необходимо осознать: эпоха стабильности и устойчивости общества безвозвратно ушла в прошлое. Современное общество не позволяет рассчитать или предсказать всевозможные риски, которые неизбежно будут случаться в нем. Риск — это современная универсальная и нерешаемая проблема. Именно поэтому все попытки действовать в обществе риска рационально обречены на неудачу: само понятие рациональности действия утратило свое былое значение [4, р. IX].

Используя работы зарубежных специалистов по обществу риска как теоретическую основу анализа российских реалий в категориях общества риска, О. Н. Яницкий показывает, что и здесь риск выступает не как побочный, а как регулярно и легитимно производимый общественный продукт. По его мнению, нельзя представить состояние российского общества без

рисков. Риск стал неотъемлемой характеристикой жизни общества в целом и всех его групп населения, независимо от того, продуцируют ли они сами риски или становятся «риск-жертвами». Вместе с тем производство рисков всегда выгодно тем или иным социальным силам, поскольку в условиях рисков быстро формируются новые социальные размежевания и политические силы, которые осуществляют пересмотр существующей расстановки сил, стремясь к собственному усилению и навязывая свое понимание «пределов безопасности» в условиях рисков. Как считает Яницкий, Россия стала ярким примером современного «общества риска»: последние пронизывают все ее социальные, экономические, политические стороны жизнедеятельности, проявляются в повседневной жизни, в действиях правящих элит и простых людей. От риска никто не застрахован, поэтому доминирующими ценностями большинства людей стало выживание, безопасность и сохранение того, что уже имеется. Для сплочения такого общества необходим общий враг, поэтому в обществе появилась «осуждающая модель опасности» [1, с. 28]. Данный фактор уже не может, по мнению Яницкого, дать людям реальную безопасность, но люди, не привыкшие к постоянной рефлексии по поводу себя и меняющейся ситуации в обществе, не могут быстро выработать критическое мышление, понять новую природу рисков, не могут изменить себя, чтобы более адекватно осознать риски в ответ на новые «вызовы общества». Поэтому традиционно в российском массовом сознании риски воспринимаются как трагедия, несчастье, беда [1, с. 29].

Рассуждая о массовых действиях в постсоветской России, автор вводит два понятия: *энергия социальной мобилизации*, направленная на сохранение ценностно-нормативной структуры общества и сплочение людей в решении творческих задач, и *энергия социального распада*, выплескивающаяся в межэтнических конфликтах, локальных войнах, террористических актах, убийствах и т. п., ведущая к производству новых групп риска (беженцев, мигрантов, безработных, жертв террора), в конечном счете, к социальной деструкции и разрушению. Эмиссия энергии социального распада приводит к снижению уровня организованности всего социума вплоть до превращения социальных акторов в «отходы», рассеиванию «полезных ресурсов» общества в среде [1, с. 33]. Те акторы, которые производят риски в российском обществе в силу наличия у них власти и экономических ресурсов, навязывают свои «правила игры» всему обществу, создают и поддерживают в нем такой социальный порядок, который способствует их дальнейшему обогащению, а остальных ведет к обнищанию, переходу на позиции жертвы. Они создают новые риски (кризисы, дефолты, приватизация), если это ведет к их обогащению, тем самым окончательно разрушая привычный социальный порядок и различия между социальной нормой и социальной патологией. Постепенно общество и страны разделяются на небольшую группу производителей рисков, находящихся на вершине власти, и массы невольных потребителей риска, испытывающих на себе их негативное воздействие. В случае

критической ситуации эти массы жертв рисков могут стать разрушительной силой, готовой бороться за свой утерянный социальный статус, сопротивляясь властям из последних сил.

В такой ситуации могут формироваться риск-солидарности. Автор классифицирует их, выделяя, с одной стороны, солидарность производителей рисков, которые агрессивно защищают свою власть всеми способами; с другой стороны, солидарность жертв риска, готовых бороться за возвращение социального порядка, отстаивание социальной справедливости в обществе, другие коллективные интересы, ничего не требуя для себя лично. Они способны мобилизовать человеческие ресурсы, пользуясь лишь легитимными средствами. В противостоянии производителей рисков и их жертв большую роль, по мнению О. Н. Яницкого, играет среда обитания человека, включающая в себя природные объекты и акторов. Эта среда может сама не только продуцировать новые «вызовы» обществу, но и помочь в их преодолении до тех пор, пока сохраняется ее «несущая способность», или прочность. О. Н. Яницкий утверждает, что до начала постсоветской трансформации эта несущая способность российского общества была высокой, но к настоящему времени она значительно истощилась и перестала защищать людей от рисков. Истощенная среда сама стала производить новые риски, формировать новые формы риск-солидарностей в теневых и криминальных структурах. По этой причине сегодняшнее российское общество обладает значительным контрмодернизационным потенциалом, препятствует проведению любых реформ, негативно влияет на качество своих человеческих ресурсов, продуцируя новые слои более низкого качества и постепенно разделяя все общество на легальное и теневое, создавая «теневую систему», конкурирующей с властью легального правительства [1, с. 43].

Критике О. Н. Яницкого подвергаются как экономические структуры, способствующие деградации страны, так и ее политические акторы, ставящие во главу угла личные и групповые интересы. Риск превратился в этом обществе во всеобъемлющую характеристику, переходящую и на глобальный уровень. В теоретическом плане возникновение общества риска сопровождается пересмотром нормативного социального идеала, ведет к отказу от прогрессизма, что также снижает человеческий капитал и мобилизационный потенциал общества.

Созданная автором в его монографии мрачная картина российского общества всеобщего риска получила детализацию, эмпирическую верификацию в ряде последующих публикаций — о российских пожарах, социальных движениях, экологических катастрофах, войнах за ресурсы в XXI веке и т. п. [9–11].

Заслуга российской парадигмы общества риска, разработанной О. Н. Яницким, в том, что автор, используя эвристический потенциал западной парадигмы риска, раскрыл разнообразные источники рисков в российском обществе, показал природу новых рисков как неустранимых в современном обществе ввиду его высокой сложности и отсутствия в нем

интегрирующих все социальные группы интересов и ценностей, дал жесткую критику существующему положению в России и показал, какие факторы и почему подрывают модернизационный потенциал общества.

Библиографические ссылки

1. Яницкий О. Н. Социология риска. М. : Изд-во LVS, 2003.
2. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L. : SAGE, 1992.
3. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford : Stanford University Press, 1994.
4. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N. Y. : Walter de Gruyter, Inc., 1993.
5. Catton W. R., Dunlap R. E. A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24, № 1.
6. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII, № 1.
7. Давыдов А. А. Рецензия на книгу О. Н. Яницкого «Социология Риска» // Социс. 2004. № 4.
8. Кравченко С. А., Красиков С. А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М. : Анкил, 2004.
9. Яницкий О. Н. Пожары в России: экосоциологический анализ // Социс. 2011. № 3.
10. Яницкий О. Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы // Социс. 2012. № 1.
11. Яницкий О. Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социс. 2013. № 3.

6.5. РОССИЙСКИЕ ВЕРСИИ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Наряду с общими теориями трансформации в современной России широко дискутируются проблемы модернизации, осуществление которой должно помочь стране перейти на инновационный уровень развития. Модернизация понимается как «переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами» [1, с. 6]. В научной социологической литературе процессы модернизации рассматриваются под углом зрения тех или иных парадигм; высказываются критические замечания по отношению к российской модернизационной практике. Отмечается, что при выборе той или иной теории модернизации необходимо принимать во внимание ряд моментов. В о - п е р в ы х, принятие модернизационной теории означает, что модернизирующаяся страна должна четко представлять цели, которые необходимо достигнуть посредством модернизации. Советская модернизация, являвшаяся альтернативной Западу, открыто разворачивалась под лозунгом «догнать и перегнать», т. е. признавала изначальное техническое отставание

и необходимость использования передового западного опыта. Анализ советской модернизации, данный в 1990-е гг. Й. Арнасоном, показал, что в ней слились две противоположные тенденции: российская имперско-модернизационная и революционная, связанная с Западом [2]. Напротив, нынешняя российская модернизация связана с поиском своей собственной модели развития и желанием власти сделать страну высокоразвитой постиндустриальной державой¹. В о т о р ы х, благодаря разработке теории множественности модернов [4] Россия может выбирать, на какие модели модернизации ей лучше ориентироваться — западную, японскую, китайскую и т. д. Анализ различных моделей модернизации убедительно доказал, что условия региона и страны предопределяют выбор модели как образец, при этом оптимальной может оказаться не «лучшая», а самая «подходящая» для адаптации к данному региону модель. В т р е т ь и х, надо отдавать отчет, что, как подчеркивает И. Валлерстайн, теория модернизации ценностно окрашена и предлагает капиталистическую модель общества, представленную как образец для всех. По Валлерстайну, «мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире», который становится все более несправедливым по отношению к странам, не находящимся в центре этого мира [5, с. 22]. В ч е т в е р т ы х, на теоретическом фундаменте тех или иных концепций модернизации базируются ведущие международные исследовательские проекты, цель которых — определение «уровня модернизационного развития» той или иной страны и региона, применение полученных результатов для объяснения особенностей этого развития [6; 7]. Поэтому эмпирическое тестирование методик, разработанных в теориях модернизации и использованных в международных исследованиях, помогает понять тренды развития на постсоветском пространстве.

Применяя теорию модернизации, необходимо также учитывать семантику терминологии. Теория модернизации представляется двойственной, что связано с базовой категорией «модерн», из которой был выведен производный термин «модернизация». С одной стороны, это некий «нормативный образец» развития, ценностный ориентир, с другой — обозначение фактического состояния современного общества (причем не только западного образца), в котором имеют место определенные институты, формы производства, социальной структуры, нормы культуры и ценности. Поэтому эмпирическое изучение «общества модерна», процессов модернизации — это практическое исследование современного общества, позволяющее сравнивать разные этапы, определять тенденции и даже прогнозировать возможные будущие сценарии его развития. В рамках такого подхода более «продвинутое» по пути модернизации общества могут трактоваться как «образцы», а менее развитые — как отстающие в процессе модернизации и, следовательно, пытающиеся «догнать» лидеров («догоняющая модернизация»).

---

¹ В 2010 г., по приведенным Н. И. Лапиным данным, Россия находилась в группе среднеразвитых стран [3, с. 12].

ция»). Такая теоретическая и одновременно идеологическая репрезентация превращает теорию модернизации в догму, канонизирует один возможный проект развития, тогда как реальная история всегда имеет альтернативные проекты и никогда не бывает жестко предсказуема, сохраняя сегодня существенные моменты неопределенности и риска.

Российские авторы изучают разные образцы модернизации, сравнивают их, чтобы адаптировать к российской культуре лишь то, что не противоречит ее природе. В последние годы внимание все больше привлекают восточные модели. В связи с этим представляет интерес развитие концепции модерна и модернизации Й. Арнасоном, который дал анализ как советской, так и ряду восточноазиатских типов модерна [2; 8]. Арнасон внес вклад сравнительно-историческими цивилизационными исследованиями в анализ регионов. Интерпретационный потенциал концепции модерна Арнасона может быть релевантным для анализа нынешнего цивилизационного состояния постсоветских стран. Принятие идеи исторического региона как весьма удобного теоретического конструкта для рассмотрения проблем развития позволит иначе подойти к выделению исторических регионов, в которые может быть включен, например, Евразийский союз, как в свое время «экспансия коммунистической версии модерна» привела в середине XX в. к созданию никогда прежде не выделявшегося нового целостного региона Восточной Европы [9, р. 398], или позволит поменять исследовательские акценты, найти такие новые комбинации механизмов, ценностных образцов из разных типов модерна, которые «приживутся» в странах восточноевропейского региона и не разрушат базовую историческую основу этих стран. Речь не идет об имитации и подражании чужим образцам развития, однако игнорирование их ценного опыта и отказ от его переосмысления в контексте собственной истории было бы также неоправданным.

В последнее время ввиду быстрого подъема на международной арене азиатско-тихоокеанского региона значительное внимание уделяется Китаю и концепции модернизации, разработанной учеными этой страны. Будучи развивающимися экономиками, Китай и Россия входят в БРИК, поэтому учет китайского опыта в России представляется вполне адекватным. Так, Н. И. Лапин использует методологию и инструментарий, разработанный Академией наук Китая для измерения уровней и динамики модернизации разных регионов России в контексте ее социокультурной эволюции [1, с. 6], тем самым признавая китайскую парадигму исследования модернизации более адекватной, чем западные. Ученый считает возможным накладывать на эмпирический материал России разные теоретические рамки, если они (рамки) в конечном счете позволяют получить новое знание (этим путем он использует китайскую концепцию модернизации).

Весьма критически к западным концепциям модернизации подходит и О. Н. Яницкий. Он исходит из факта, что на Западе «вторая модернизация» в основном завершилась уже в 1990-е гг., а в XXI в. разворачиваются публич-

ные дискуссии, как максимально приспособить новейшие технологии для нужд социальной и культурной жизни, как вовлечь в этот процесс все население. Иначе говоря, модернизационные изменения обсуждались и регулировались на основе диалога и консенсуса власти и общественности. На Западе, судя по работам Кастельса, осуществлен переход к сетевому обществу. Движущей силой «второй модернизации» были социальные движения гражданского общества: они несли обновление, защищая права и свободы человека, поддерживая нематериальные ценности и окружающую среду [10]. Поскольку развитые западные страны обогнали Россию в процессе модернизации, по утверждению Яницкого, западные теории непригодны для России. Опираясь на парадигму общества всеобщего риска, О. Н. Яницкий проанализировал возможности российской модернизации и показал, что условий для модернизации по западным образцам в России нет: страна только начинает общий переход от индустриальной стадии к информационной, тогда как передовые страны Запада уже ее достигли и строят сетевое общество. Для анализа российской ситуации О. Н. Яницкий выдвинул гипотезу, названную им парадоксом «*риск-симметрии*» модернизации: «Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только его продвижение вперед, к последующей фазе, но и отход назад, то есть демодернизация, и даже просто “стояние” на этом пути чреваты интенсификацией производства рисков. Демодернизация столь же рискогенна, сколь и недостаточно отрефлексированный ее переход к следующей фазе. Это — фундаментальная закономерность развития техногенной цивилизации: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, “профилактике”, поддержания ее в рабочем состоянии» [10].

По сути дела, это не критика западных концепций модернизации в целом, а критика их бездумного переноса на российскую почву. Яницкий показал, что модернизация по западному образцу не может быть успешной, но она способна породить новые риски в российском обществе. Однако и отказ от модернизации уже невозможен, так как он сам является рискогенным. Данный российский парадокс, осмысленный в рамках парадигмы риска, привел автора к следующему выводу: всякие современные риски существенно ограничивают любые модернизационные усилия, так как требуют огромных ресурсов и на их реализацию, и на устранение непредсказуемых негативных последствий. Более того, даже успешная модернизация, которая бы интегрировала Россию в западный мир, будет рискогенна, поскольку она может подтолкнуть молодежь к массовому выезду в более развитые страны Запада, как это случилось в Центральной Европе [10]. Поэтому О. Н. Яницкий выдвинул задачи, которые, по его убеждению, российская социология должна решить на основе творческого использования зарубежных парадигм и теорий модернизации:

1. Создать и предложить обществу теоретическую платформу проведения модернизации, разработать социально-гуманитарную модель модерни-

зации России, ориентированную на развитие интеллектуального потенциала личности и ее сетей и разработанную при участии гражданских организаций. Этот тезис вытекает из изучения Яницким работ Э. Гидденса, А. Турена, М. Кастельса, связанных с модернизацией современного общества риска и поиском новых субъектов действия.

2. Обеспечить широкое публичное обсуждение проблем модернизации в СМИ, в гражданском обществе, привлекая к этому процессу всех заинтересованных субъектов. Данный тезис связан с работами А. Турена, М. Буравого, Ч. Тилли, которые показали, что без публичного обсуждения и поддержки «снизу» любой проект в обществе, предложенный «сверху», включая модернизацию, обречен на неудачу.

3. Поддерживать творческое обсуждение этого процесса на международном уровне силами социологов многих стран. Обмен идеями с западными коллегами должен стать традицией — только так, по мнению ученого, можно реализовать связь с мировой наукой. Эту задачу, как считает О. Н. Яницкий, уже реализуют Н. И. Лапин, Н. Е. Покровский и другие российские ученые.

В международных исследованиях, в которых участвуют социологи России, используется модернизационная теория, более 30 лет развиваемая группой авторов под руководством американского социолога Рональда Инглхарта. Изначально в этой теории выделялся универсальный образец как общий путь развития общества, определяемый по доминирующим ценностям. При приложении данной теории к эмпирическим исследованиям отмечались критерии этого образца. Замер развития общества по этим критериям позволял авторам определить, на какой ступени развития находится та или иная конкретная страна. Практическая задействованность данной теории в международных сравнительных исследованиях и хорошая проработка инструментария позволила сделать ее чрезвычайно популярной в мире. На фундаменте этой теории уже несколько десятков лет проводятся исследования в рамках крупномасштабных проектов World Value Studies и European Value Studies, куда включена и Россия.

Некоторые идеи Р. Инглхарта (о взаимосвязи ценностей и успехов экономического развития, о демократии) наряду с методикой и результатами Европейского социального исследования (ESS) были творчески переработаны Н. И. Лапиным, другими авторами и использованы в их теориях модернизации российского общества. Важно подчеркнуть, что как интерпретации, сделанные в рамках мировых исследований ценностей под руководством Р. Инглхарта, так и российские исследования, проводимые под руководством отечественных авторов, предлагающих анализ результатов по собственным, модифицированным теоретическим схемам, находят нишу в современной России и позволяют под разным углом зрения осмысливать изменения, происходящие в ней уже более двадцати пяти лет. Лучшие из этих теорий практически реализовали задачи, выдвинутые О. Н. Яницким, т. е. ориентируются на социально-культурный аспект модернизации не

меньше, чем на экономический и технологический, выдвигают новых субъектов модернизации, не являются закрытыми для критики.

Обратимся к работам Н. И. Лапина, достигшего значительных результатов в изучении и концептуализации всесторонних изменений в рамках теории модернизации российского общества. Под руководством Н. И. Лапина было проведено множество исследований, в ходе которых он разработал, апробировал и усовершенствовал свой подход к социокультурным изменениям общества, теорию и методологию исследования модернизации. Н. И. Лапин изучал Россию в целом, а также выделил 26 регионов с учетом этнонациональных, территориальных, климатических особенностей, что позволило ему рассмотреть состояние модернизации этих регионов, дать характеристику уровня модернизации по разным показателям. Исследования Лапина соединяют теоретический и прикладной аспекты и поэтому являются уникальными по своей значимости. В теории модернизации Н. И. Лапина используются отдельные положения зарубежных концепций и исследовательских методик, которые органично перерабатываются с учетом их конкретного исторического контекста и позволяют с большой эвристичностью применить к анализу ценностных аспектов развития постсоветского российского общества, в чем и заключается оригинальность этой теории.

Как и О. Н. Яницкий, Н. И. Лапин принимает положение о том, что нынешняя российская модернизация качественно отличается от модернизации, проходившей в развитых странах Запада. В своих работах он доказывает, что существует «системный разрыв между человеческими измерениями стагнации в России и модернизации в развитых странах Европы» [11, с. 13]: разрыв значимых параметров с этими странами более чем в два раза. Такая ситуация сама по себе является огромным риском, поэтому в ответ на риски Россия должна обеспечить двойную модернизацию — завершить индустриализацию и продвинуться по пути информационной стадии развития, чтобы обеспечить социокультурный подъем и безопасность страны. На основе анализа проведенных под его руководством шести мониторинговых исследований ценностей россиян Н. И. Лапин сделал вывод, что постсоветская Россия прошла два этапа модернизации и находится на третьем, от которого зависит ее будущее. Это следующие этапы: 1) радикальные социально-экономические реформы (1990-е гг.); 2) стабилизация новых структур и процессов (1999—2008 гг.); 3) мировой финансово-экономический кризис и новая историческая развилка путей России: стагнация или модернизация возникших структур и процессов (начался с 2009 г.) [11, с. 3]. Главным критерием современной модернизации Лапин считает ее человеческое измерение, а ее функциями — безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, повышение качества жизни населения до средневропейского [3, с. 10, 11].

Новизна теории Лапина состоит в интерпретации разброса и культурной разнородности ценностей россиян как «толерантного симбиоза», сформирова-

рованного жизненным миром российского общества в ответ на аксиологический вызов глобализации. Разнообразие и конфликт между отдельными ценностными потоками дает возможность, по мнению Лапина, для осуществления многих вариантов достижения жизненных целей гражданами общества, в зависимости от преобладания в той или иной социальной группе традиционных или современных ценностей. Как считает Лапин, их сосуществование естественно для России, однако оно также создает препятствия для модернизации, усугубляет факторы стагнации в отдельных сферах общества (преступность, неэффективность правопорядка в целом, отсутствие институтов саморазвития регионов, нестыковка интересов разных групп и др.) [11, с. 6, 7]. В структуре ценностей Н. И. Лапин выделяет четыре кластера, создающих разные комбинации. Важнейшими являются так называемые дифференцирующие и интегрирующие ценностные позиции. Кроме них в ценностную структуру общества входят оппозиционные, или дезинтегрирующие, ценности, которые не доминируют, но существенно влияют на общую характеристику ценностно-нормативной картины. Реальная картина такова, что сложилась «превращенная иерархия терминальных и инструментальных, интегрирующих и дифференцирующих ценностных позиций», что создает предпосылку гражданского конфликта и стагнации [11, с. 9].

Кризисная ценностная ситуация стимулировала дальнейшее развитие теории модернизации, для чего Н. И. Лапин обратился к теории, разработанной китайским академиком Хэ Чуаньци [12]. Чуаньци выделил две модернизации в современной истории Китая – индустриальную и информационную – и предложил разные критерии для замера ценностей, доминировавших на каждой ступени этой модернизации. Апробация китайской концепции на данных европейских стран, проведенная китайскими социологами, показала, что большинство из них завершили индустриальную модернизацию и социокультурный подъем и находятся на информационной стадии; что в экономике, социальной сфере и сфере знаний следует использовать разные критерии, а при оценке результатов модернизации регионов не брать за единый образец никакой центр. На основе этих идей Н. И. Лапин разработал идею «двойной модернизации» российских регионов, согласно которой каждый регион решает задачи реиндустриализации и информатизации исходя из достигнутого ранее уровня развития. Кроме России в такой же ситуации необходимости «двойной модернизации» находятся Украина и Беларусь [11, с. 14].

Как считает Лапин, тренды, проявляющиеся в Китае, имеют место и в России: на втором этапе модернизации, переходе от индустриального к информационному обществу, усиливается неравномерность этого процесса, так что одни регионы страны вступают на этот этап раньше других. Возникает задача координации и интеграции усилий всей страны по достижению более высокой конкурентоспособности и повышению уровня жизни населения [13, с. 4]. Отсюда вытекает задача социологии – выявить наборы

ценностей, определяющие каждую ступень, разработать их критерии замера в эмпирическом исследовании, а затем, проводя исследования в мониторинговом режиме, отслеживать ход модернизации по регионам, сокращая разрывы в развитии этих регионов. Так, следуя китайской модели, Лапин ввел в свои исследования понятие интегрированного индекса модернизации, который включает 12 индикаторов, измеряющих аспекты двух ступеней этого процесса. По мнению ученых, интегрированный индекс дает возможность измерять совокупный уровень обеих стадий модернизации, а также сравнивать уровень одной страны с другой, замеренный по той же методике (например, России и Китая).

Разный набор критериев замера ценностей на двух уровнях модернизации — важная инновация, помогающая дифференцировать не только страны, но и регионы внутри страны (последнее важно как для Китая, так и России). Единой стратегии модернизации для всех регионов, как показывает опыт и Китая, и России, не может быть выработано. Но возможен и необходим базовый критерий стратегии: устойчивое повышение уровня и качества жизни населения каждого региона [13, с. 17]. Этот главный критерий измерения успеха модернизации, выделенный российским социологом, отличается от критерия ценностей саморазвития, принятых в модернизационной концепции Р. Инглхарта. Возможно, что эти критерии не противоречат друг другу: просто вторая ступень модернизации по Р. Инглхарту в экономическом измерении оказывается намного выше, чем замеры Н. И. Лапина или Хэ Чуаньци. Р. Инглхарт тоже признавал, что без устойчивых экономических достижений переход общества к доминированию ценностей, характерных для высокомодернизированного общества, может быть неудачным. Таким образом, противоречия между этими теориями отсутствуют.

Н. И. Лапин выдвинул гипотезу-стратегию для региональных властей, считая ее эффективной для повышения уровня модернизации России: сформировать, публично обсудить и реализовать такую стратегию, которая бы отвечала интересам разных слоев населения. Если этого не будет, то, по мнению ученого, регионы, еще не достигшие второй стадии модернизации, может ожидать «снижение качества человеческого капитала, стагнация условий жизни коренного населения, обострение культурных и социальных напряженностей» [13, с. 23]. Социологи могут помочь выработать комплексную эффективную стратегию модернизации, в чем и состоит их проективная задача.

Библиографические ссылки

1. *Лапин Н. И.* Социальноэкономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социс. 2015. № 1.
2. *Arnason J.* The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model. L. : Routledge, 1993.

3. *Лапин Н. И.* Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социс. 2014. № 7.
4. *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 29, № 1.
5. *Валлерстайн И.* Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 2.
6. *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton : Princeton University Press, 1990.
7. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.
8. *Arnason J.* Communism and modernity // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1.
9. *Arnason J. P.* East Asian Modernity Revisited // *Essays in honour of Irmela Hijiya-Kirschner*. Munchen : Iudicium Verlag, 2008.
10. *Яницкий О. Н.* Социальный коридор российской модернизации. URL: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html (дата обращения: 25.05.2013).
11. *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. 2011. № 11.
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци. М. : Весь мир, 2011.
13. *Лапин Н. И.* Изменение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социс. 2012. № 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение теоретической социологии в развитии науки общепризнано, однако теоретические исследования, вносящие весомый вклад в науку, как и конструирование новых парадигм, востребованных научным сообществом для адекватного понимания и объяснения современности, достаточно редки. Такой вывод актуален и для западной, и для отечественной социологии: эта наука развивается, но все еще остается недостаточно востребованной ни на уровне социального управления, ни на уровне массового сознания. Возможно, одна из причин тому — недостаточная информированность общественности, всей потенциальной читательской аудитории о том, что нового для понимания социальной действительности и повышения качества жизни может дать социология. И если зарубежная социология достаточно активно использует международные конференции, средства массовой информации в своих странах, чтобы донести научные знания до широкой общественности, то отечественная социология по-прежнему сфокусирована либо на частных прикладных проблемах (эмпирические исследования), либо на проблемах образования (вузовская социология), что снижает ее потенциал в конструировании новых аргументированных концепций, необходимых для устойчивого развития страны, региона в современном глобальном и высококонкурентном мире. Очевидно, постсоветская социология (включая белорусскую) может активнее заявлять о себе как внутри своего общества, так и на международной арене. Практика последних 25 лет убедительно доказала, что западные теории не смогли адекватно объяснить и тем более предвидеть последующее развитие на постсоветском пространстве. Вопрос в том, смогла и сможет ли решить эту задачу постсоветская теоретическая социология. Вторая не менее важная задача — создать научный фундамент для интерпретации данных прикладных исследований на постсоветском пространстве, без которого весь массив получаемой информации остается в лучшем случае на уровне описания, а в худшем становится материалом для манипулирования общественным сознанием теми, в чьи руки попадают эти данные.

Сегодня ни одна теоретическая парадигма или научная школа, существующая на постсоветском пространстве, не конкурирует на равных с за-

падными парадигмами в международных форумах, не пользуется мировым признанием. Есть известные ученые и центры, но какую школу они представляют, чем их позиции различаются, как правило, знает лишь узкий круг профессионалов. Научная молодежь, даже ссылаясь на труды этих мэтров, редко пользуется их теоретическими наработками в собственных социологических поисках. Иначе говоря, достижения профессионалов не поднимают общего теоретического уровня исследований в рамках социологии, а практические рекомендации, разработанные как отдельными учеными, так и центрами, вообще отличаются ситуативностью и отсутствием теоретической системности (да и это бывает лишь в том случае, если властные структуры заинтересованы в получении от них научных рекомендаций хоть какого-то качества). Можно сказать, что массовая научная социологическая среда (сообщество профессионалов) не стимулирует собственную теоретическую деятельность, т. е. не выполняет свою творческую и критическую функции. Если же новых теоретических идей нет, тогда все труднее становится адекватно воспринимать и оценивать чужие идеи и концепции.

Такая ситуация либо порождает неприятие нового в теории, либо, напротив, облегчает распространение в научной среде зарубежных концепций, которые, несмотря на известность их авторов, часто вообще неприменимы к постсоветской реальности. Тем не менее они могут десятилетиями иметь хождение в социологии, пока лишь их полная оторванность от нашего контекста или появление более адекватных западных концепций не изменит ситуацию. Пример: теория трансфера либеральной демократии, полный провал которой был признан относительно недавно, или теория шоковой терапии, которая, по мнению П. Штомпки, способствовала распространению культурной травмы, а не достижению экономических успехов.

Чтобы ситуация улучшилась, необходимо поднимать планку социологической печатной продукции: даже эмпирические исследования должны быть помещены в ту или иную теоретическую рамку, четкое определение которой помогает и авторам, и читателям разобраться в анализе данных; а сами данные должны стать не самоцелью, а служить научному доказательству либо опровержению той или иной гипотезы. Что же касается теоретических публикаций, их авторам изначально нужно определять место своих идей, теорий в огромном и сложном мире социологических теорий и парадигм и четко излагать свою позицию, чтобы у читателей не оставалось впечатления, что автор не опирается ни на какие прежние теории и результаты, уже давно включенные в социологический арсенал. Данное пособие призвано внести определенную ясность в современное состояние теоретической социологии, помогая заинтересованному читателю, будь то студент, аспирант или просто образованный человек, самостоятельно оценить новые идеи (а часто реконцептуализированные старые), парадигмы и теории в этой науке.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ПАРАДИГМЫ И БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ В СОЦИОЛОГИИ.....	11
1.1. Теории и парадигмы в социологии.....	11
1.2. Проблема концептуализации и реконструкции в теоретической социологии.....	27
1.3. Смена парадигм как закономерность развития социологии	39
1.4. Новые «повороты» в развитии социологии	52
2. ПАРАДИГМЫ СОЦИОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	61
2.1. Парадигма общества риска.....	62
2.2. Постмодерн как текучая современность.....	71
2.3. Макдональдизация общества	76
2.4. Мир-системная парадигма: центр – периферия	83
3. ДИАГНОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ	90
3.1. Дисбаланс системы и жизненного мира	90
3.2. Реальность симулякров.....	94
3.3. Столкновение цивилизаций.....	98
3.4. Космополитизм в обществе всемирного риска	103
3.5. Турбулентный капитализм.....	108
4. АЛЬТЕРНАТИВЫ ЗАПАДНОМУ МОДЕРНУ	113
4.1. Пересмотр теории модернизации	115
4.2. Множественность модернов как вызов универсализму Запада.....	121
4.3. Феминизм как глобальная альтернативная социология.....	127
4.4. «Южная теория» и альтернативные теоретические дискурсы	133
5. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМ В СТРАНАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЕЙНСТРИМА.....	144
5.1. Германия: новое прочтение европейской и американской классики.....	144

5.2. Франция: практико-ориентированные теории	157
5.3. Великобритания: «повороты» мобильности, сложности и ресурсности	162
5.4. США: «культуральный поворот»	170
6. ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	176
6.1. Рецепция западных парадигм в современной российской социологии	176
6.2. Российская теория травмы	182
6.3. Теории трансформации общества в России	190
6.4. Российская теория общества риска.....	198
6.5. Российские версии теории модернизации.....	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212

Учебное издание

Титаренко Лариса Григорьевна

**СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМ**

Пособие

Редактор *Т. А. Беланко*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*
Корректор *Е. И. Кожушко*

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 15,49. Тираж 100 экз. Заказ 833.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.